

А. МЛЫНЕК ● Б. АНИН ● М. ВАСИЛЬЕВ

УЧИТЕЛЬ

В

МОЕЙ

ЖИЗНИ

А. МЛЫНЕК,
Б. АНИН,
М. ВАСИЛЬЕВ

УЧИТЕЛЬ
В
МОЕЙ
ЖИЗНИ

КНИГА ИНТЕРВЬЮ

Иванов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ·
МОСКВА · 1966

В этой книге люди разных поколений вспоминают своих учителей. И возникает большой разговор о том, каким мы хотим видеть учителя и чего ждем от него, что значит школьный учитель в судьбе человека.

5 ■ ВСТУПЛЕНИЕ, которое затем переходит в сопровождающий всю книгу комментарий.

11 ■ Глава ПЕРВАЯ, ОЧЕНЬ НЕОБХОДИМАЯ, в которой выступают:

народная артистка СССР В. МАРЕЦКАЯ,
электрослесарь В. ЮФЕРЕВ,
инженер Ю. ГОРОДИНСКИЙ,
народный артист СССР Б. ЧИРКОВ,
сельский кузнец Н. МУЩЕРОВ,
работница М. ЯКОВЛЕВА,
товаровед Л. ХОХЛОВ,
драматург и актер Ю. ЧЕРНЫШОВ,
Герой Социалистического Труда
экскаваторщик М. ЕВЕЦ

49 ■ Глава ВТОРАЯ, в которой продолжается разговор о воде живой и мертвой и в которой выступают:

академик С. СТРУМИЛИН,
лауреат Ленинской премии писатель С. МАРШАК,
учительница В. НЕМЫЦКАЯ,
старый большевик М. МОЛОТКОВ,
рабочий М. ЗИНЧЕНКО, получивший в 73 года аттестат
зрелости,
кандидат технических наук Р. ВИНОГРАДОВ

87 ■ Глава ТРЕТЬЯ, в которой речь пойдет о призвании и в которой выступают:

академик, Герой Социалистического Труда, лауреат
Ленинской премии К. СКРЯБИН,
рекордсмен мира по вертолетному спорту Р. КАПРИЛЯН,
инженер С. ЛАРИН,
доктор физико-математических наук И. МАРШАК,
лаборант А. АБРОСИМОВ,
начальник отдела научно-исследовательского института
Е. КОЛОБАЕВ

123 ■ Глава ЧЕТВЕРТАЯ, в которую со своим словом пришли вчерашние школьники, а ныне студенты:

М. ШЛАИН,
К. ДЕЙНЕКО,
М. ЗОЛОТАЙКИНА,
А. ЯКОВЛЕВ,
Л. МАГАЙ,
В. СКРЯБИН,
Л. ЭЛЬПЕРИН,
В. БОРИСОВ,
К. РОМАНОВ

163 ■ Глава ПЯТАЯ, в которой выступают те, кто пошли по пути своих учителей:

А. ТОПОРОВ,
Т. ПЕРЕСУНЬКО,
О. КИСЕЛЕВА,
Н. АНДРЮЩЕНКО,
И. СУРИНА,
В. СЕМЕРНИЦКИЙ,
С. КОРАБЕЛЬНИКОВА

187 ■ Глава ШЕСТАЯ, которая только складывается и в которой авторы обращаются к читателю.

В

Мариуполе вступала в строй домна, самая юная по возрасту и самая гигантская, самая могучая в тот год. В газете шел очерк о монтажнике-верхолазе. С полосы смотрел улыбающийся паренек. Но он, строивший эту домну от подножия до самой последней, отчаянной высоты, на фотографии казался таким маленьким рядом с нею... Впрочем, сам он прислал другую фотографию: у белой мазанки, возле рыбачьих сетей сидели на бревне двое — он, остроглазый мальчонка, и бритоголовый человек в военной форме, без погон и в сандалиях. «Фотография живописная, но явно не на тему», — сказал редактор. В газету пошел другой снимок. Тогда пришло письмо: «Мы же всем классом в Мариуполь на стройку махнули! А это же учитель наш, всех нас с восьмого учил. У реки и то исток бывает. Как же так не на тему!!»

Сейчас уже трудно сказать, может быть, письмо молоденького верхолаза и подсказало нам мысль об этой книге. Но были неотложные дела, они отвлекли. И затеряться бы той записи в рабочих блокнотах, остаться смутным планом на будущее... Одно событие, приковавшее всеобщее внимание, внезапно заставило вспомнить письмо мариупольского верхолаза.

Возвратился тогда из своих космических суток Герман Титов. И рядом появилось имя человека, знакомого лишь собирателям и любителям книг, — Адриан Топоров, сельский учитель, автор книги «Крестьяне о писателях».

И вдруг далекое село, описанное в ней, и выстроенная первыми коммунарами школа в «Майском утре», и кудесник учитель, сам автор книги, — все это стало на виду всего человечества, заставило задуматься и заговорить о себе. Внезапно старая книга и все написанное в ней озарилось новым светом, исполнилось значением глубоким и особенно волнующим.

Мы были счастливы, что в доме одного из нас, людей, спаянных литературной дружбой, сохранился едва ли не единственный на всю Москву экземпляр первого издания уникальной книги. На нашем пути она тоже стала особой вехой.

Нет, это была уже не просто книга с рассуждениями крестьян первых лет революции по поводу тех или иных литературных произведений, но тот самый рассказ об истоках, смысл которых так верно оценил когда-то мариупольский верхолаз.

В те дни произошла знаменательная встреча. В редакцию «Известий» приехали из Николаева Адриан Топоров, старый сельский учитель, а из далекого Алтайского села — его бывший ученик, тоже ставший народным учителем, отец космонавта. Пришел в редакцию и «внук» Адриана Топорова — космонавт-2.

Учитель Топоров сказал космонавту:

— На старости лет какая для меня неожиданная радость. Луч вашей космической славы осветил все труды коммунаров «Майского утра».

И услышал ответ:

— Это еще надо разобраться, чей луч на кого упал. Сдается мне, что засветился он в коммуне «Майское утро».

В те дни мы, как и все, читали и думали об этом. И снова вспомнился тот бритоголовый человек в сандалиях, без которого не мыслил своего портрета герой-верхолаз, мариупольский рабочий.

Показать, каким помнит учителя наш современник, каким остался школьный педагог в сознании самых различных людей, — так определилась тема. Она и привела нас к людям, многие из которых выступают в этой книге.

— Учитель в моей жизни! — переспрашивали нас, и голос каждого теплел.

— Приходите прямо в театр, на репетицию, я все расскажу, — пригласил артист Чирков.

Заслуженный летчик Каприлян смущен:

— Я же не специалист по педагогике. Но если вам будет интересно, то я с удовольствием... Учитель у меня был замечательный...

Люди самые занятые идут охотно на разговор. Человек задумывается. Размышляет. Человек хочет ответить как можно более точно, не упустить детали. И вот уже звонит сам:

— Это говорит лаборант Абросимов. Я забыл вам сказать... У него была еще такая черта...

Глухой голос в телефонной трубке сказал:

— Мне семьдесят шесть. Я спешу... Но вы все-таки приходите.

Самуил Яковлевич Маршак и на склоне лет боялся, что не успеет высказать чего-то особенно важного и значительного, — годы и болезнь заставляли сосредоточиться на главном. Интервью об учителе он тоже отнес к главным делам. Маршак оставался Маршаком. Он начал тут же по телефону:

— Учить — это призвание, творчество. На пушечный выстрел нельзя подпускать к ребенку равнодушных, «душевных холостяков». Да, да, именно «душевных холостяков» — так я их называю.

Тут же по телефону Маршак одобрил идею нашей книги. И название ее «Учитель в моей жизни». И то же самое повторил он, когда беседа шла у него дома. Это было, наверное, последнее его интервью.

— Знаете, кому я в первый раз в жизни объяснился в любви! Своему учителю, — сказал тогда С. Я. Маршак. Через год, сидя в опустевшем кабинете отца, о своем учителе рассказывал нам сын писателя, доктор физико-математических наук Иммануэль Самуилович. Своему школьному математику он посвятил докторскую диссертацию. И это тоже было объяснением в любви.

Книга выростала постепенно. Не проходило дня без упорных поисков и столь же упорной работы. Мы беседовали с десятками людей и редко встречали человека, у которого воспоминания о своем школьном учителе не вызывали ясной и доброй улыбки. Впрочем, в книге мы публикуем и другие беседы — они тоже поучительны: ошибка учителя, как и удача, не проходит бесследно. И все-таки «хмурящихся» собеседников было у нас немного. И если большинство бесед в этой книге согреты теплотой ученической благодарности, то это потому, что людей, испытывающих ее, огромное большинство. В этой книге лишь ничтожная часть того хорошего, что могли бы сказать об учителях наши современники. И даже из того, что собрано нами, публикуется здесь лишь самая малая толика. Десятки рассказов сохраняются пока в наших тетрадях и блокнотах. И хотя мы работаем уже давно, каждый день мы открываем все новых и новых людей со своими «заветными» учителями.

Идет цепная реакция общений.

Мы, конечно, обратились к А. М. Топорову. Он плохо себя чувствовал, у него тяжело болела жена, но он откликнулся и не только рассказал о своих учителях, но и повел нас на дальние дороги и тропки. В наших записных книжках появилась страница: «Топоровские адреса». И едва мы воспользовались ими, как те, кто, по мнению Топорова, мог бы поведать интересное о своих педагогах, уже отвечали нам, полные взволнованности и сердечности. В этой книге читатели встретятся с этими человеческими документами.

И конечно же, мы предоставим в ней слово самому Адриану Митрофановичу Топорову, поделившемуся бесценными воспоминаниями о своих учителях. Мы рады, что он разрешил нам опубликовать свое письмо. Но сейчас одна оговорка.

Свое письмо Адриан Митрофанович начинает так: «Вы просите написать о моих учителях для книги «Учитель в моей жизни». Догадываюсь, что эта книга будет представлять собою сборник ваших интервью с выдающимися современниками. А так как я не отношу себя не только к выдающимся, но и к мало-мальски знаменитым людям, то, право, стесняюсь лезть «со свиным рылом в калашный ряд». Но раз вы настаиваете на рассказе о моих учителях, то извольте читать его».

Что ответить Адриану Митрофановичу! Те, кто будут изучать нашу эпоху, не только историки, но и просто потомки наши, не раз вспомнят и о просветителе советского времени, сельском учителе Топорове, имя которого уже сегодня окружено народной любовью в стране. Экскаватор-миллионер на Стойленском руднике Курской магнитной аномалии, который рабочие сегодня назвали «Адриан Топоров», носит доброе имя, не боящееся проверки временем. Но дело не только в этом. И было бы непростительной ошибкой, если бы мы дали возможность высказаться на страницах своей книги только «особо выдающимся» людям. Здесь ученики говорят об учителях — о тех, кто помог стать сильнее, и осознать себя, и найти свое место в жизни. Мы были рады каждому значительному слову и каждому интересному свидетельству. Все сказанное было для нас свято: и воспоминания старого, убежденного сединой ученого с мировым именем, и рассказ едва

сошедшего со школьной скамьи студента, в памяти которого свежа еще каждая подробность школьных лет.

Учитель... Как много он может, как много зависит от него. Дела его оживают в учениках, в их сердцах, в их поступках.

Как важно, чтобы учитель умел воспитать и вырастить настоящих людей, смелых, мужественных, добрых, вырастить гражданина и патриота! В этом долг и слава учителя.

Настоящий учитель — всегда учитель жизни. Он, как и поэт, оставляет себе «нерукотворный памятник» в душе народной, в истории своей страны, его тоже называют «всяк сущий в ней язык».

Память сердца диктует киргизу Чингизу Айтматову его исполненную поэзии повесть «Первый учитель», которую знают теперь все. Девочка в украинском селе пишет сочинение о любимом учителе — мы еще расскажем о нем, Герое Советского Союза, преподавателе химии Иване Бабаке, ведшем воздушный бой над своей школой.

И с благоговением о своем учителе повествует латышский кузнец Андрей Лангфон. Недавно он пришел к школьникам, чтобы рассказать о том человеке, чье имя носит одна из улиц их города, — о педагоге Юрисе Зинберге. Шестьдесят лет назад старый кузнец учился у него, а в памяти все живо.

— Вот каким он был, этот учитель, — рассказывал ребятам кузнец. — Часто Юрис Зинберг нам повторял: «Не всегда вы будете жить в нужде и горе. Придет время, свергнет народ царя и господ», повторял и сам же затягивал песню «Прочь, прочь тираны!». В последний раз видел я своего учителя в 1906 году, когда везли его на казнь. Встал он на санях и плюнул в лицо барону Кайзерлингу. Да крикнул громко, чтобы слышали люди: «Не бойтесь, братья, боритесь. Мы победим!» Тогда я еще был мал, не знал, что учитель Зинберг — известный революционер, один из организаторов борьбы против самодержавия.

Можно ли забыть детям этот поступок учителя, старым кузнецом рассказанный!

Жизнь идет, учителя сменяют друг друга на своем великом посту.

Эта книга только начало, потому что никогда не кончается подвиг учителей. И всем нам надо сделать так, чтобы не зарастали к ним благодарные народные тропы. Еще когда мы только начинали работу над книгой, была у нас замечательная встреча с московской работницей, депутатом Московского Совета 20-х годов Марией Яковлевой. В течение целого вечера с волнением рассказывала она нам о своей любимой учительнице.

— Скажите, почему у нас нет Дня учителя! — строго, как будто именно мы были ответственны за это упущение, обратилась она к нам. И тут же добавила: — Это был бы поистине народный и желанный праздник. Уже в первом интервью, которое мы опубликовали в журнале «Народное образование», обсуждалось предложение Марии Яковлевой об учреждении Дня учителя. Это предложение поддержало множество людей, с которыми нам довелось беседовать.

Учреждение в нашей стране праздника — Дня учителя — было с сердечным одобрением встречено миллионами людей.

День учителя — это не только праздник тех, кто учит, но и тех, кто учился в школе и учится теперь. В стране, где нет ни одного неграмотного, это поистине всенародный праздник. Он заставляет еще глубже задуматься, что значит для каждого человек, который учил его и учит его детей.

И пожалуй, общую для всех мысль высказала народная артистка СССР Вера Марецкая, когда в беседе с нами заметила:

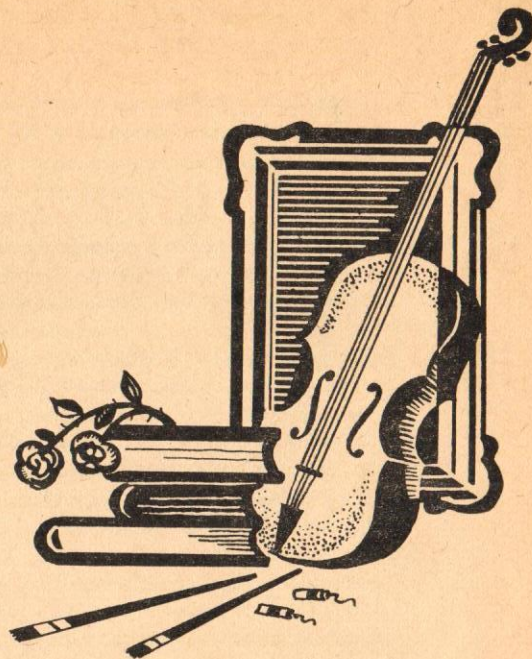
— Есть в школе уроки математики, русского языка, ботаники, астрономии. Нет уроков внимания, великодушия, благородства, уважения к людям. И все-таки хороший учитель учит всему этому своих учеников.

Учит самым высоким и прекрасным человеческим чувствам, будит ум и сердце.

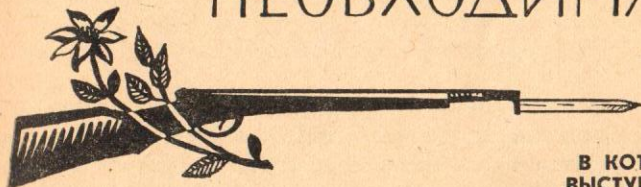

Разные люди тепло и душевно говорят о своих воспитателях — о тех, кто не только научил грамоте, дал хорошее знание того или иного предмета, но и окрылил, помог осознать в себе гражданина и борца. Об этом рассказывает

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

ОЧЕНЬ НЕОБХОДИМАЯ,

В КОТОРОЙ
ВЫСТУПАЮТ:

народная артистка СССР В. МАРЕЦКАЯ,
электрослесарь В. ЮФЕРЕВ,
инженер Ю. ГОРОДИНСКИЙ,
народный артист СССР Б. ЧИРКОВ,
сельский кузнец Н. МУЩЕРОВ,
работница М. ЯКОВЛЕВА,
товаровед Л. ХОХЛОВ,
драматург и актер Ю. ЧЕРНЫШОВ,
Герой Социалистического Труда, экскава-
торщик М. ЕВЕЦ.

Мы не знаем, были ли первыми учениками в своих классах эти люди. Нам даже известно, что иные, выступающие в этой главе, имели весьма средние отметки у своего любимого учителя.

Но школьный учитель навсегда остается в благодарной и благоговейной памяти ученика. И сегодня, уже будучи взрослым, по прошествии стольких лет, этот человек с трепетной гордостью называет себя учеником другого человека, настаивает на этом.

Это удивительно: не сговариваясь и не зная друг друга, разные по характеру, профессиям и судьбам люди произносят имя своего учителя так, словно оно и есть лучшая рекомендация для них самих. «Я учился у Горбаня»,— с гордостью говорит Юрий Городинский. «По окончании института выпускник надевает значок, чтобы знали, какую он прошел школу,— вторит ему товаровед Хохлов,— а мне хочется, чтобы знали, что в шестом классе я учился у Андрея Дмитриевича Маркина». «Оступись я, мне был бы позор вдвойне, ведь меня учила Мария Александровна Сысуева»,— заявляет электрослесарь Юферев.

Все единодушны в главном: они безмерно высоко оценивают труд учителя, видят его поистине преобразующее значение в жизни человека. И об этом они хотят говорить прежде всего. Учитель становится частью биографии человека, учитель вписывает в нее первую страницу.

«О, дорогой учитель! Знай я, где твоя могила, сам старик, я совершил бы к ней паломничество, оправил бы ее, возложил цветы, сделал надпись: «Степан Алексеевич Мелехов. Учитель. Человек». Это написал, едва взявшись за перо, на первых же страницах автобиографической книги «Встречи на дорогах» Е. Терешенков. Сам старый педагог, на восьмом десятке жизни раздумывая над своей судьбой, с трепетом вспоминает он того, кто пробудил когда-то в нем, деревенском парнишке, который только и умел, что плести лапти, неодолимое желание познать мир.

Терешенков живет во Владивостоке, на берегу Тихого

океана. В его жизнь уместилась целая эпоха. Девочка с Полтавщины Таня Еремей только начинает жить, ей четырнадцать лет. И в своем школьном сочинении она пишет: «Мой любимый герой — мой учитель. Он не только хороший учитель, но и человек прекрасный, сердечный, честный, справедливый, внимательный к окружающим. Я сирота. До интерната жила у старенькой тети. Иван Ильич часто приходил к нам домой. Поступить в интернат тоже он помог. И так всегда. Нина Костенко, у которой тоже нет родителей, каникулы у Ивана Ильича проводит и чувствует себя там, как в родной семье».

Учитель Тани Еремей — Иван Ильич Бабак, о котором мы уже говорили, летчик. Герой Советского Союза, он вел воздушный бой над школой, где преподавал до войны. Это, конечно, редчайший случай. Но каждому учителю каждый день, в дни самые мирные, приходится вести бой в стенах своей школы. Это бой за души людей, за их чистоту, их мужество, за их будущее. Судьба учителя неотделима от судьбы учеников. И в этой главе выступают люди судеб простых и удивительных, таких частых в нашей стране, а по существу необыкновенных.

Учитель жизни! Как часто мы слышали эти слова, когда встречались и беседовали с теми, к кому приводил нас поиск.

Вчитайтесь внимательней в короткое интервью с московской работницей М. Яковлевой.

Была ли любимая учительница единственным образцом для Марии Яковлевой! В жизни много образцов для подражания. Настоящий педагог умеет научить видеть эти образцы, научить тому, как быть достойными высокого идеала.

Подлинный воспитатель всегда воодушевляет личным примером. Мы познакомим читателя с рассказом инженера Юрия Городинского о своем учителе Горбане. Его поведение в селе, его любовь к крестьянам и любовь крестьян к нему были как бы необходимым дополнением ко всему, что пытался внушить он на уроках своим ученикам. Ребята гордились не просто педагогом, а замечательным человеком, учившим их. Мы просили Степана Павловича Титова рассказать нам о своем наставнике. Но к тому времени он уже опубликовал о Топорове специальную статью. В ответ на просьбы об интервью пришло письмо: «О своем первом учителе — Адриане Митрофановиче Топорове — и влиянии этого человека на меня в годы ученичества, о работе, которую он проводил на селе, я сказал. Прибавить что-либо к известному я не в состоянии. Книгу вашу считаю нужной, буду ждать ее, приобрету, когда появится в продаже. Надеюсь увидеть в ней не беглые заметки, а живых людей, образ Человека, Учителя». Совсем как и учитель Терешенков, Степан Петрович написал эти слова с большой буквы и рядом. Нет, это не случайное текстовое совпадение. Это скорей определение главного, что делает неизгладимым в сознании образ учителя, заставляет гордиться того, кто прошел именно его школу.

Евгений Шварц в своей пьесе «Дракон» рассказал о негодяе, оправдывавшемся в час расплаты: «Меня так учили». «Но, черт возьми, зачем же ты был первым учеником!» — воскликнули люди ему в ответ. Страшно быть учеником подлеца, прекрасно — учеником Человека. Свою книгу мы и начинаем с рассказов людей, на долю которых выпало это большое счастье.

Евгений Шварц в своей пьесе «Дракон» рассказал о негодяе, оправдывавшемся в час расплаты: «Меня так учили». «Но, черт возьми, зачем же ты был первым учеником!» — воскликнули люди ему в ответ. Страшно быть учеником подлеца, прекрасно — учеником Человека. Свою книгу мы и начинаем с рассказов людей, на долю которых выпало это большое счастье.

В. МАРЕЦКАЯ,

народная артистка СССР

елегкок и сложен труд учителя. По-настоящему глубоко я задумалась об этом, когда школьные годы оказались далеко позади. Об учителе я думала и как актриса, когда работала над ролью сельской учительницы. Об учителе я думала как мать, которая была очень занята и не могла не возлагать самых больших надежд на школу.

Я благодарна многим учителям. И тем, которых знала хорошо, сдружившись с ними в годы учебы дочери, и тем, встречи с которыми помогли мне в моей актерской работе.

С чувством глубокой признательности вспоминаю я классных руководителей моей дочери, педагогов 131-й мо-

сковской школы. Они пользовались доверием моей девочки, подчас умели с ней справляться лучше, чем я.

С чувством благодарности думаю я и о той преподавательнице, которая в пору работы над фильмом «Сельская учительница» помогла мне найти ключ к образу моей героини. В те дни я много ходила по школам.

...Это было в учительской. Молодая женщина говорила с ученицей, вероятно, первоклассницей. Меня глубоко поразило, с какой серьезностью разговаривала учительница с маленькой девочкой. Всем тоном своей беседы давала она ученице понять, что уважает в ней человека, который несет полную ответственность за свои поступки.

Каким же представляется мне настоящий учитель?

Есть уроки математики, русского языка, ботаники, астрономии. Нет уроков великодушия, благородства, честности, внимания и уважения к людям. Такие уроки действительно не включишь в школьное расписание. И все-таки я назвала те дисциплины, которым тоже должна учить школа.

Мне кажется, учитель должен быть в какой-то степени дипломатом. Я помню, моя дочь стала настаивать на каком-то желании, которое меня беспокоило. Я пришла к классному руководителю. Она мне посоветовала: не настаивайте, не нажимайте, это пройдет само. Так действительно и случилось. Учитель — как врач: он должен знать, долго ли будет «заживать ранка», насколько опасно то или иное увлечение.

Учитель должен «обдумать» каждого ученика. Самые ответственные для воспитания — это, по-моему, первые классы. Школа призвана учить вниманию, деликатности, пониманию красоты, с самого раннего детства прививать уважение к человеку.

Мне много пишут дети. Очень взволновало меня письмо одной девочки. Она хотела быть акробаткой, сделала какое-то неловкое движение, и учитель ее высмеял. Это же глубокая травма! Учитель убил у человека веру в себя! Может быть, девочка и не могла стать акробаткой, и возможно, учитель и должен был дать ей понять это, но высмеивать недопустимо. Нельзя высмеивать в таком важном вопросе, как влечение к какой-то профессии! Надо, чтобы человек сам убеждался, что он «не мо-

жет», надо дать возможность «попробовать» профессию.

Важнейшая задача учителя — учить уважению ко всем профессиям, показать, в чем красота труда.

Ремесленником можно быть и в искусстве. И за станком может стоять художник. Мы ведь хорошо знаем таких рабочих. Но что нашим детям известно об их поистине искусном мастерстве? Учитель призван дать понятие об артистичности работы таких людей.

Я говорила, что учитель должен быть дипломатом. Нет, это не исключает большой искренности. Учитель в какой-то мере и актер, — ему положено быть всегда ровным, внимательным, подтянутым. Он, так же как и мы, актеры, не имеет права переносить «на сцену» свои личные переживания. Учитель всегда должен входить в класс с ясной душой, — какие бы ни были неприятности, какие бы ни встретились трудности в жизни. В момент, когда учитель с детьми, он обязан забыть обо всем. Это очень трудно.

А нам всем необходимо больше заботиться об учителе, о его жизни и быте. Забота об учителе — это каждый раз забота по крайней мере о тех сорока советских гражданах, которых учитель изо дня в день воспитывает в своем классе.

Недавно довелось мне прочитать книгу «Сколько у нас Маресьевых». В ней, как известно, рассказывается о людях, которые, подобно легендарному летчику, вернулись в строй, несмотря на недуг. О многих судьбах повествует эта интересная книга, но, читая ее, я все-таки подумал, что Маресьевых в жизни куда больше, чем сумел разыскать автор. И подумал я так оттого, что вспомнил свою школьную учительницу Марию Александровну Сысуеву.

В молодости Мария Александровна потеряла правую руку и, казалось бы, лишилась возможности преподавать в младших классах, где одной из важнейших задач является научить ребят письму. Но если человек не мыслит

В. ЮФЕРЕВ,
электрослесарь

своей жизни без любимого дела, то препятствия не остановят его. Когда я пошел в школу, Мария Александровна давно учила детей. Лево́й рукой мастерски выводила она на доске буквы, будто родилась левшой. Она научила нас не только письму. Она передала нам свой человеческий, жизненный почерк.

Я счастлив, что могу сейчас рассказать о том, что знала первая учительница в моей судьбе.

...Я думаю о Марии Александровне и сразу вспоминаю нашу деревню, весну, разлившуюся реку. Не удивляйтесь, если я вам скажу, что весной, когда наступал паводок, наша учительница провожала после уроков домой всех своих учеников. С некоторыми нужно было идти за несколько километров. И она шла. Это было для нее естественно, ведь она любила нас по-матерински, беспокоилась о каждом. Бывало, вместе с родителями дежурила у постели больного. А когда однажды она узнала, что кого-то из ее учеников поколотили дома, то дошла до председателя сельсовета, пока не уверилась, что впредь ребенку подобное не будет грозить.

Я вспоминаю свои первые школьные годы. Поистине хорошо было учиться у Марии Александровны, хорошо, потому что ничто на ее уроках не нервировало детей, не было того страха перед невыполненным заданием, ненаписанным упражнением или нерешенным примером, с которых начинаются для некоторых учеников пропуски школы, прогулы. И не то, чтобы наша учительница не позволяла себе никакой строгости. Нет. Но если она была недовольна кем-нибудь из учеников, то не кричала, не грозила вызвать родителей, а чаще всего просто переставала обращать внимание на провинившегося. Это было тяжелее всего. И не успокоишься до тех пор, пока она снова не обратится к тебе, не погладит по голове. Я не ошибусь, если скажу, что именно эта потребность быть ближе к ней, желание общения со своим педагогом всего крепче привязывали нас тогда к школе. И мы не только никогда не пропускали уроков без уважительных причин, но и после занятий охотно оставались со своей учительницей, слушали ее рассказы, пели, декламировали, читали.

Как вы уже, наверное, поняли, Мария Александровна была из тех педагогов, талант которых питается прежде всего любовью к детворе. Она удивительно тонко

чувствовала детскую душу, понимала самые сокровенные наши мысли и чувства, удивительно точно умела определить то, что нужно дать нам именно сегодня, чтобы обогатить и вместе с тем не перегрузить нас. Как часто, объяснив тот или иной материал, начинала тут же на уроке рассказывать сказку, с тем чтобы дать отдохнуть, рассеяться. Наверное, потому и не приходилось ей никогда призывать нас к собранности. И этим же объясняю я то, что учиться у Марии Александровны было легко. Ведь то, что она объясняла на уроках, не проходило мимо ушей, а это значит, что меньшего напряжения требовали домашние занятия. Интересно, что, начав впоследствии учиться у другого педагога, я сразу же стал получать худшие отметки. Тогда я не мог понять, в чем дело, потому что и новый учитель неплохо объяснял материал. Но теперь я понимаю, что у другого педагога не было такого умения распределить учебное время, как у нашей Марии Александровны, и мы попросту не слышали многое из того, что он говорил нам. Мария Александровна я обязан тем, что с детства пристрастился к чтению, любил музыку, в частности русские народные песни, которые разучивала она с нами.

И все-таки не об этом мне сейчас хочется говорить, рассказывая о ней. Я рос очень озорным мальчишкой, забиякой, не признавал никакой дисциплины. Мария Александровна сумела как-то развенчать в моих глазах многие поступки, которые до этого казались мне, чуть ли не геройскими. Замечательно умела она показать обратную сторону всего того, что толкало к своему, непослушанию. Помню случай, происшедший со мной.

Желая поразить сверстников, прицепился я как-то к грузовику и таким образом прокатился по улице. Откуда узнала об этом Мария Александровна, не знаю, впрочем, не удивляюсь, что это не прошло мимо нее, ведь о своих учениках она знала буквально все.

На другой день пришел я в школу и вдруг узнаю, что должен написать изложение. Получаю от Марии Александровны «Пионерскую правду» с отчеркнутым текстом и читаю подпись: Валерий Чкалов. Оказывается, Мария Александровна решила, чтобы я написал изложение письма Чкалова в «Пионерскую правду», где знаменитый летчик давал свою оценку поступкам ребят, прыгаю-

щих на подножки трамваев и вообще рискующих без толку. До сих пор помню фразы из этого письма: «Понастоящему смелый человек никогда не будет рисковать без смысла, без цели, без необходимости... Когда ребята прыгают с трамвая на трамвай, хватаясь за поручни, когда они тут рискуют жизнью,— это не героизм, а просто глупость...»

Не поручусь сейчас, что за свое изложение я получил хорошую отметку, но зато с тех пор я ни разу не прицеплялся к машинам и всегда вспоминал письмо Чкалова, когда хотелось шегольнуть каким-нибудь ненужным проявлением смелости. И даже спустя многие годы, если доводилось мне встречать людей, бравящихся бесшабашностью, я никогда уже не поддавался их влиянию. Величие настоящих, а не показных поступков — вот что влекло меня на дорогах жизни, и этим я в первую очередь обязан Марии Александровне.

Я считаю бесценным даром человека умение раскрывать красоту простых, будничных дел. Этим даром обладала наша учительница. Она так увлекательно рассказывала нам о жизни нашего колхоза, так умело показывала самоотверженное и героическое в труде взрослых, что мы постепенно учились понимать поэзию труда. Нередко по приглашению Марии Александровны к нам в класс приходили колхозники и рассказывали о своих делах. Побывали мы на колхозных фермах, в поле, в кузнице. И многие люди, которые до этого казались нам совсем обыкновенными, ничем не примечательными, вдруг стали нашими героями, которым хотелось подражать.

Уже много лет спустя, во время Великой Отечественной войны, когда я попал в госпиталь с тяжелым ранением, пример самой Марии Александровны помог мне выстоять в тяжелой минуту жизни.

Если тебе нет еще двадцати, а ты уже инвалид, много мрачных мыслей лезет в голову. Как жить дальше, что делать? Об этом думаешь дни и ночи напролет, когда все заснут в госпитальной палате. Врачи мне сказали твердо: отвоевал. Но сумею ли найти с моей болезнью место на гражданке, не стану ли бесполезным, никому не нужным? Были моменты, когда я начинал отчаиваться, терял всякую веру. В один из таких дней и принесли мне письмо от Марии Александровны. Она писала, что

узнала о моем ранении, спрашивала, как чувствую я себя теперь, и уговаривала не падать духом. Читая ее письмо, я вспомнил, как приходила она навещать нас, своих учеников, когда мы заболели, подолгу дежурила у наших постелей. Сколько лет прошло, и вот она снова точно рядом со мной. Но чем она может мне помочь теперь? Кто вообще может мне теперь помочь?

Снова начал я перечитывать полученное письмо. Оно было написано, как всегда писала Мария Александровна, красивым отчетливым почерком, буква к букве. И вдруг, глядя на эти красивые, уверенные буквы, я вспомнил о том, что они выведены левой рукой. Ведь смогла же она, Мария Александровна, уже педагогом заново учиться писать, хватило сил, хватило воли. Мне вдруг стало стыдно за безволие мое, за то, что утратил веру в будущее. Я еще не знал, что стану делать, но понял, что не имею права просто так отступить. И в этом помогла мне Мария Александровна Сысуева, моя первая учительница.

Всякий раз, когда мне бывает трудно, как тогда в военном госпитале, вспоминаю я свою учительницу, и во мне появляется уверенность, что трудности будут преодолены.

Помню, когда я пришел на шахту, мне сначала показалось, что не справлюсь со своей работой, что будет она мне не по силам, что не сумею я овладеть профессией электрослесаря, которая меня влекла. Как поддерживали меня в это время письма Марии Александровны, вселившие уверенность в свои силы!

И позже, уже в зрелые годы, она по-прежнему мой наставник, мой советчик, мой друг. Хотя живем мы далеко друг от друга, но связи не теряем и по сей день. Я знаю, что обязан ей во многом тем, что, несмотря на болезнь, сумел найти свое место в жизни, живу интересно и содержательно. Теперь я сам отец, растут у меня дети, и советы Марии Александровны помогают мне воспитывать их.

Мария Александровна не только навсегда дорогой мне мой первый учитель, — она воспитатель и моих детей. Когда мои ребята были еще маленькими, Мария Александровна рекомендовала мне завести для них библиотеку, она постоянно писала мне о том, какие книги читать малышам, как учить их азбуке, как пробудить

в них интерес к занятиям. Я старался как можно точнее следовать ее рекомендациям. Когда мои ребята пошли в школу, они оказались хорошо подготовленными к учебе. И если возникали у меня какие-нибудь трудности с воспитанием, если порою не знал, как поступить в том или ином случае, совет Марии Александровны был для меня всегда самым авторитетным, самым решающим. Например, я долго колебался, отпустить ли старшего сына на учебу в другой город, сумеет ли юноша самостоятельно жить вдалеке от родителей. Но Мария Александровна горячо ратовала за то, что сыну нужно поступить именно в тот техникум, в котором он получит интересующую его специальность. Она убедила меня, что я должен всемерно содействовать тому, чтобы сын не потерял стежки к призванию. И я рад, что прислушался к ее совету. Сын мой хорошо учится. Он уже нашел свою дорогу в жизни.

Марии Александровне обязан я во многом и тем, что, воспитывая детей, постоянно расширял свои педагогические познания, читая соответствующую литературу, которую она мне советовала. Теперь в моей библиотеке немало книг по педагогике, книг о детях и детстве. Если появляется какая-нибудь интересная новинка, моя учительница пишет мне: приобрети, прочти. Замечательный практик, она все время подкрепляет свой опыт теоретическими знаниями, и это делает ее еще более вооруженной в ее нелегком учительском труде.

О Марии Александровне я бы мог рассказывать и рассказывать. Сотни людей обязаны ей тем, что вступили под ее руководство в мир знаний. И она стала для своих учеников примером упорства, воли, требовательности к себе.

Когда он шел по улице, мы, мальчишки, которые не очень-то почтительно относились к старшим, снимали картузы и кричали: «Здравствуйте, Василий Петрович!» — «Здравствуйте, ребята. Чем заняты?» — «Играем, Василий Петрович».

И завязывалась беседа, да такая интересная! Мы всегда сами искали встречи с Василием Петровичем. Это было до школы. Можете себе представить, как стремились мы быстрее вырасти, чтобы пойти к Горбаню. Мы очень завидовали тем, кто уже учился. Время тянулось, но все-таки и мы попали в школу.

Я проучился у Василия Петровича только четыре года. Потом окончил среднюю школу, а затем институт, но более любимого учителя, чем Василий Петрович, у меня не было. Почему?

Отвечу: да потому, что мы, деревенские ребята, видели в нем человека, для которого делать людям добро было такой же потребностью, как жить, дышать. Мы знали, что он появлялся и в тех домах, где стряслась беда, и в тех, где была радость: на свадьбах он — танцор и песенник, на торжествах по поводу рождения ребенка — желанный гость... Ну, конечно, если ребенка не крестили в церкви. А если крестили? Тогда говорили: «Василий Петрович сердится». И знали — он не придет.

Он помогал написать заявление, письмо. К нему шли за советом.

А какой он был оратор, как ясно умел объяснить все, что делается в мире! Все село любило Горбаня.

Итак, главное: идя в школу, мы уже любили своего учителя. Как же тут не быть старательным!

Какой это был учитель! На переменах он с нами, так же как и мы, весел и задорен. А разве забудешь прогулки в лес после уроков? Мы собирали грибы и не подозревали, что продолжаем учиться. Но это было продолжение уроков ботаники, таких интересных, таких увлекательных, что для нас они были просто радостью.

Жил Василий Петрович при школе, и всегда в его квартире двери были открыты. Мы очень любили бывать у него, потому что встречал он нас широкой и доброй улыбкой. И всегда дарил что-нибудь. Когда мы научились читать, он нам подбирал книги, советовал, что прочесть. А потом, бывало, обязательно спросит о прочитанном и снова скажет, какую книгу прочесть.

Запомнил я его сказки и рассказы у костра, запомнил беседы с ним. Нет, не пользовался я никакими привилегиями и поблажками с его стороны, хотя и был первым учеником, — просто, как и все, чувствовал к себе доброе его отношение.

Теперь, оценивая жизнь Василия Петровича, я могу сказать, что он во многом напоминал Аркадия Гайдара. Он искренне любил детей, всегда поощрял самостоятельные наши поступки, очень радовался, когда мы, его ученики, делали что-то хорошее.

При школе у нас был свой довольно большой огород — колхоз нам только пахал землю, все остальное мы делали сами. Были у нас своя пасека, свой сад. С огорода мы все продукты отвозили в колхоз и сдавали то на постройку самолета, то для детских домов, то для детей республиканской Испании. Мы знали обо всем происходящем в мире, но об Испании особенно подробно. Я до сих пор помню, хотя тогда был в третьем классе, географическую карту Испании с флажками, помню, где шли бои, и до сих пор не могу без волнения читать книги о тех событиях.

Обычно в школе мы собирались и обсуждали, что происходит в Испании. Теперь-то я понимаю, какие это были блестящие уроки истории, географии: мы знали, из каких стран ехали добровольцы отстаивать революцию, знали и кто помогал Франко. Это были уроки любви и ненависти, революционной сознательности.

Мы смотрели фильм «Чапаев» и потом устраивали увлекательные игры «в Чапая», мы знали о героях гражданской войны все подробно — я и сейчас помню биографии полководцев тех незабываемых лет. Как это делалось? Идем в лес, а дорогой он нам рассказывает. Приходим вечером к нему на завалинку — затевает беседу, полную захватывающего интереса, или спор о только что прочитанных книгах.

Я жил тогда на Украине, преподавание у нас было на украинском языке, и если я сейчас помню украинский язык, люблю песни и легенды украинского народа, то все это пришло за те четыре года, что я учился у Василия Петровича (потом учился я уже в русской школе).

И летом, когда мы не занимались, Василий Петрович был с нами. На огороде, в саду, на пасеке, которую он завел, мы работали с удовольствием, никогда не утомлялись. Это был для нас чудесный отдых. И на работу я шел как на праздник.

Что оставил в моей душе Василий Петрович Горбань? Прежде всего вот что: человеку есть дело до всего на белом свете, он ответствен за жизнь на земле. Потом

еще — человек должен любить людей и быть заботливым к ним, ну и, конечно, любить труд. Об этом учитель нам тогда не говорил, он нас просто хорошо учил и требовал, чтобы мы учились.

Знания, полученные от Василия Петровича, были для нас все равно, что фундамент для дома. Ведь без фундамента ничего не построишь.

Добрый след в моем сердце оставил мой первый учитель Василий Петрович Горбань. Он часть моей жизни, и никогда я не потерял бы с ним связи... Горбань погиб на войне. Он — мой вечный спутник, очень требовательный...

Хочется мне сказать: не следует ли, не пора ли издавать серию книг «Замечательные учителя нашей страны»? И первую такую книгу следовало бы издать о Василии Петровиче Горбане. Думаю, добрый след оставил он не в одной только моей душе, но и в душах многих других учеников, а их было у него немало.

Прошло с тех пор двадцать пять лет, много воды утекло, много довелось и мне пережить: я работал на производстве, был помощником крановщика, потом крановщиком, механиком, шесть лет проучился в вечернем институте, окончил его с отличием и стал работать инженером. И вот все это время я часто вспоминал о своем учителе. Почему?

Горбань был из тех людей, которые органически не могут оставаться равнодушными, с чем бы ни сталкивалась их жизнь. Нет для них таких дел, которые бы их не касались.

Наш учитель был очень нужен людям, он шел им навстречу, он был человеком с открытым сердцем. И учителем-то, наверно, Горбань стал потому, что вечно жила в нем эта потребность делать людей лучше, чем они были до сих пор, умнее, честнее, добрее. Когда на производстве мне приходилось сталкиваться с недостатками, с чьей-то недобросовестностью или нерадивостью, я сразу вспоминал Горбаня. Он-то бы уж не примирился, не смолчал. Можно сказать так: воспоминания о моем учителе принесли мне немало беспокойства, не мог я равнодушно пройти мимо бракодела, мимо прогульщика, некоторые обижались на меня, но я знал: они в конце концов поймут меня, должны понять. Ведь вот мы были маленькими ребятами, а понимали: как ни требователен

Горбань, как ни строг, а ведь старается он для нас, желает нам только добра.

Я думаю о Горбане и все отчетливее, глубже начинаю понимать, что ценность учителя не только в том, что он дает те или иные знания, но прежде всего в том, что чертами своего характера, всеми своими поступками, как говорится, личным примером он заставляет быть лучше и чище.

Учителя обычно уходят из жизни раньше своих учеников. И конечно, они надеются, что их ученики сделают на земле больше полезного и доброго, чем довелось сделать им самим. Василий Петрович Горбань мог бы жить и сейчас, он был молод, когда полюбили его я и мои сверстники. Война рано оборвала его жизнь. Но за свои недолгие годы он успел сделать так много, что продолжает жить не только в нашей памяти, но и в наших поступках, в наших делах. Я чувствую это, от этого осмысленнее и чище становится моя жизнь.

В

В школе жизни не десять и не одиннадцать классов. Когда Павлов сам следил, как холодеют у него конечности, он и умирая продолжал учиться. Каждый человек — учитель, он должен помогать тем, кто знает меньше. Но учитель сделал это своей профессией. Я так понимаю — это не служба, а служение, призвание. Одна из самых благородных областей человеческой деятельности...

Я вспоминаю учителей, которые сделали для меня очень много.

Первый из них — репетитор, в группе которого я занимался в раннем детстве. Фамилия его — Небогатиков Пантелеймон Яковлевич. Он не только умел дать те или другие знания, но и умел возбудить жажду узнавать.

Навсегда благодарен я учительнице начальной школы в городе Колшине бывшей Вятской губернии Наталии Даниловне, у которой я начал свою учебу. Именно она

Б. ЧИРКОВ,
народный артист СССР

заронила мне в душу интерес к чтению, и это стало страстью на всю жизнь. Много помог мне и классный наставник Петр Павлович Казанский, у которого я учился с 1913 по 1919 год. Надо сказать, что это был очень внимательный человек. Он поддерживал мой интерес к книгам, незаметно умел руководить.

После средней школы я сам стал учителем: окончил трехмесячные курсы и преподавал естествознание. Было мне тогда 17 лет, недоставало у меня жизненного опыта, и, так как мои ученики были всего года на два, на три моложе, я много мучился, переживал, что не могу справиться с ними. Мне кажется, для настоящего учителя очень важен жизненный опыт. Он важен потому, что учитель не просто передатчик тех или иных знаний: он воспитатель, он формирует человека, его взгляды на жизнь, его характер.

Есть в кинофильме «Учитель», в котором я исполнял роль учителя Степана Лаутина, такой эпизод. Учитель рассказывает своим ученикам о Ваньке Жукове, герое чеховского рассказа, отославшем письмо «на деревню дедушке». «А где теперь Ванька Жуков, — спрашивают ученики, — пропало ли его письмо?» Учитель отвечает, что Ванька вырос, выучился, стал хорошим человеком, потому что его письмо попало не к дедушке, а к Ленину, который и завоевал счастливую жизнь для детей. Я думаю, что в этом эпизоде отражена важная черта, которая необходима учителю: умение связать программный учебный материал с жизнью, с ее большой правдой. Учитель всегда немножко историк. Он должен всегда уметь связать свой предмет с современностью.

Человек, открывший путь ученикам в большой окружающий их мир, вызвавший жажду знаний, — таким представляется мне учитель, таким я вижу его.

К

Кузница на селе — место людное. Каждый час все новый народ. То подковать лошадь приведут, то шина лопнула на телеге, то еще что — мало ли у селян нужды.

Н. МУЩЕРОВ,
сельский кузнец

Приходили старики покурить да поболтать о том о сем — что в мире делается. Я коммунист, и люди знали, что радио слушаю, газеты читаю, охотно делюсь новостями. Бывает, вспоминаем и теперь далекое прошлое, пережитое. Человеку только кажется, что он живет сегодняшним своим днем. А если на поверку взять, то много раз человек заставляет себя переживать и перечувствовать далекое, давно минувшее. Каждый хочет вспомнить что-нибудь хорошее в своей жизни. Ведь что ни говорите, а хорошее всегда согревает сердце. И я тоже люблю рассказывать о своей жизни и часто вспоминаю Анастасию Ивановну Котову, мою учительницу. Первую.

Село наше как будто бы на отшибе, в глухой степи раскинулось. Время-то было трудное — шел 1921 год, год тяжелый, голодный. Беда пришла и к нам в дом — умер отец, а нас осталось пять братьев да сестра. Я у матери был меньший.

Все мои братья были при деле — кто работал, кто учился. Я только мал еще... Не устраивало меня это. Помню, пошел я к Анастасии Ивановне Котовой, шапку на крыльце еще снял. Робко постучался, вошел. Поздоровался, голову наклонил, ведь первый раз в своей жизни самостоятельно со взрослым человеком разговариваю. Да еще с каким человеком! Учительницей! А она меня встретила улыбкой и так по-доброму сказала:

— Садись.

Залез на скамейку, сел, в руках шапку мну. А она ко мне с улыбкой:

— Ну что, младший Мущеров, учиться хочешь?

— Хочу, — ответил, а сам подумал: «Откуда она меня по фамилии-то знает?»

Уже позже я понял, что наша Анастасия Ивановна каждую семью знает, со всеми знакома.

— Ну что ж, ты не стесняйся, робость твоя не нужна. Раз пришел — будешь учиться, хоть знаю, что годика тебе еще не хватает.

Поговорила она еще со мной, достала букварь да наказала, чтобы в чистоте да опрятности держал, потому что по этому букварю уже много учеников училось. «А видишь, он как новенький». И тут же достала бумаги и при мне аккуратно обернула обложку букваря.

— Ну, приходи, Коля, в школу. Буду тебя ждать.

Ходил в школу я с большой охотой, хотя валенки на всю семью одни, одежда дырявая, ветер по телу гуляет. А в нашей местности, в Заволжье, морозы злые, а ветры степные, сразу сковывают. Да признаться, я об этом не думал тогда. Мое сердце было согрето первой встречей с моей учительницей и простым ее разговором. Я знал, что в селе все любят и уважают нашу учительницу. Идут к ней, если какую бумагу надо написать или посоветоваться о чем. Я не раз слушал, как соседка пугала своего пьяного мужа:

— Ну, еще напьешься, идол, пойду жаловаться Анастасии Ивановне.

— Да ты что, с ума сошла, старая? Прямо-таки сразу к Котовой!

— Прямо к ней. И жалеть тебя не стану...

Я уж потом понял, почему такой авторитет у людей нашего села имела Анастасия Ивановна. Ведь большинство людей, живущих в нашем селе, были ее учениками. А некоторые и будучи взрослыми у нее учились. Анастасия Ивановна организовала ликбез. Уже в двадцатых годах не было в нашем селе человека, который бы не читал газет, а многие брали у Анастасии Ивановны книги. Рассказывали старики, что вечерами она им читает разные книги про жизнь.

Хожу я в школу, делаю первые успехи. Радость большая пришла в мою жизнь. А зима лютует. И однажды все мы были неожиданно одарены Анастасией Ивановной. Мне она подарила валенки, правда, старенькие, уже подшитые, но теплые, и еще новые штаны и рубаху. Все ученики нашего класса, которые в бедности жили, подарки получили. Оказывается, наша Анастасия Ивановна собрала в селе сход, рассказала, в чем ученики наши нуждаются, и собрала для них вещи. Сама все старье привела в порядок, вымыла и нам подарила. Вот какая была учительница!

У нее все ребята учились, которые были в нашем селе, и никто из школы не уходил. Многим она была, как добрая мать. Если, бывало, заболел у кого-нибудь родители, сама придет в дом, поможет малым ребятам, обед стоготит, накормит, ну, и конечно, уроки поможет им сделать. И со мной такое было. Помню, мать заболела, мы немножко растерялись. Как жить да что делать — не знали. Вот в такие-то дни к нам в избу и пришла Ана-

стасия Ивановна. Старшим выговор сделала, что дом запустили, и тут же предложила навести порядок, а сама с сестренкой моей на кухне стала возиться, обед готовить. Потом сестренка накрыла на стол, а Анастасия Ивановна нас накормила. Около матери посидела у постели, поговорила, что-то посоветовала. Ушла уже поздно, когда мы уроки приготовили. Потом еще навевалась и следила за тем, чтобы в доме был порядок, чтобы мы за матерью ухаживали и сами носы не вешали.

Ее, мою учительницу, я всю свою жизнь вспоминаю и буду вспоминать до конца дней моих добрым словом.

После войны, уже будучи председателем колхоза, за пятьдесят верст поехал проведать свою учительницу. Анастасия Ивановна ушла на пенсию, но чувствовала себя еще хорошо. Очень переживала, что все о ней заботятся да беспокоятся.

— Знаешь, Николаша, неловко как-то: каждый что-нибудь несет. А вот посидеть, поговорить по душам мне радостно. Спасибо людям.

Помолчала и говорит:

— Да, Николаша! В одиночестве меня не покидают. Любовь людскую ценю высоко.

— Может, в чем нужда есть у вас? Скажите. Поможем.

— Нет, нужды у меня никакой нет. На старости лет живу хорошо.

— Вас любят люди, Анастасия Ивановна. Вот сколько с тех пор прошло, как вы меня учили уму-разуму, жизни учили, можно сказать, помогли стать человеком. Как же не любить вас. Тот, кто сеет доброе, кто для людей живет, того люди оберегают от горя и беды. Вы вот целое село более тридцати лет учили. В каждом доме ваш ученик. Вот и память оставили о себе.

Она строго посмотрела на меня, даже не улыбнулась:

— Уж больно ты, Ниолушка, красивыми словами соришь. Ну, что я такое для людей сделала? Учила? Так на то я педагог. Моя обязанность учить детей.

Я ей ответил:

— Есть обязанности у каждого человека, живущего на земле, да не все свои обязанности соблюдают. Вот в чем дело. А вы-то...

Не дала договорить, перебила!

— А я что? Еще бы не хватало, чтобы учитель да нехорошим человеком был. Жила я и горем и радостями села. Люди для меня были близкими, любимыми. И вот теперь на старости лет они мне платят благодарностью...

А ведь и правда. Хоть и разлетелись ее питомцы по всей стране, но свое родное село и свою дорогую Анастасию Ивановну не забывают. Сами уже дедами стали, а письма Анастасии Ивановне, словно отчеты о жизни, шлют, делятся всем. А главное, в сердце своем теплую память о ней хранят и рассказывают людям об этом хорошем человеке.

Вот и я часто рассказываю новым друзьям и товарищам о своей первой учительнице, как о педагоге, который не только научил писать и читать, не только дал представление о географии и подарил мне другие знания, необходимые для жизни, но и как о человеке с большой нравственной силой, сердечной теплотой, умением заботиться о людях. Знаю по себе, да и по другим моим односельчанам, что часто мы попадали в трудное положение, а учительницы рядом не было, не с кем посоветоваться. И все же находили выход. Находили потому, что она научила нас мыслить, думать самостоятельно. Жить по правде.

И если эта моя беседа, идущая из глубины самого сердца, будет приятна моей дорогой Анастасии Ивановне, то я буду счастлив. Пусть примет это, как земной мой поклон, как знак вечной любви и уважения.

М. ЯКОВЛЕВА,
работница

Александра Андреевна Блажиевская, моя учительница, пришла к нам в детский дом № 8 Замоскворецкого района Москвы в тяжелом 1921 году. Москве не хватало дров, и к вечеру в классах становилось холодно и неуютно. Но это нас тогда совсем не огорчало, потому что Александра Андреевна предлагала нам перенести занятия в ее комнату на первом этаже, где она жила с

шестилетней дочкой Тamarой. Мы входили в ее комнату, как в храм, с трепетным и радостным волнением, усаживались все на полу около блестящей белыми кафельными изразцами печки. Александра Андреевна садилась с нами, также на пол. И тогда начинались чудеса: в комнату входили — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тургенев... Это были уроки литературы. Мы сидели, затаив дыхание, жадно ловили каждое ее слово.

Александра Андреевна покорила нас своей добротой, лаской, душевным словом умела рассеять она наши сомнения, пробудить интерес к тому, чем жила страна. Она пристрастила нас к чтению газет. Вместе с политруком тов. Н. К. Амосовым, прикрепленным к нашему детскому дому, Александра Андреевна помогала нам изучать Устав комсомола, познакомила с яркой и героической его историей. Ее рассказы о смелости, самоотверженности комсомольцев в годы гражданской войны, при восстановлении разрушенного войной хозяйства страны захватывали наши души. Мы с нетерпением ждали того времени, когда мы станем комсомольцами.

Наконец настал этот долгожданный день. Это было летом в Царицыне-Дачном, куда выезжали все детские дома Замоскворечья. В Летнем саду на эстраде сидела комиссия по приему в комсомол, а мы тесным кружком вместе с Александрой Андреевной, затаив дыхание, сидели перед эстрадой на скамейках и с волнением ждали, когда начнут говорить о нас. И вот называют наши фамилии (нас было 8 человек). Мне было поручено выступить с ответным словом от имени нашей восьмерки. С горячей верой в светлое будущее я клялась, что дело комсомола всегда будет нашим делом. Александра Андреевна была счастлива и радовалась вместе с нами, принятыми в комсомол... После собрания я подлетела к Александре Андреевне, бросилась к ней в объятия со словами: «Я комсомолка! Я комсомолка!» Она меня обняла и поцеловала.

Это было в 1922 году. Сорок с лишним лет прошло, но я не могу забыть тот счастливый день.

Наша Александра Андреевна была не только душевным, добрым человеком, но и строгой, очень взыскательной учительницей. И проникновенным воспитателем. Как-то раз, на одном из уроков, я не могла удержаться от улыбки, наблюдая за шалившей на уроке подружкой.

Подружка раньше меня заметила, что Александра Андреевна видит наши проказы, и вовремя остановилась. А я, даже увидев строгий взгляд учительницы, продолжала улыбаться против воли, не могла сдержаться. Александра Андреевна предложила мне выйти из класса. Я в ответ что-то жалобно залепетала. Но она была непреклонна и опять леденящим душу голосом сказала: «Маруся, выйди из класса, или я выйду!» Весь класс на меня зашикал: «Маруся, выйди». Для меня это была трагедия. На перемене, когда все, облепив Александру Андреевну, ходили с ней по коридору, я стояла около класса, как убитая. Она даже не смотрела в мою сторону! И уже поздно вечером, когда я пришла к ней в комнату просить прощения, она долго и серьезно разговаривала со мной: «Пойми, Маруся, ты теперь комсомолка и другим должна показывать пример, а на уроке получилось как-то неловко». Я поняла: ей было неловко за меня. Больше это не повторялось никогда.

Много времени отдавала Александра Андреевна нам, детям, и в последующее время. Она руководила драмкружком, устраивала отличные литературные вечера, организовала хоровой кружок и ревностно следила за его работой. Большой ее заботой было сделать нас широко образованными людьми. К нам часто приглашали высококвалифицированных преподавателей. Помню, у нас вел уроки естествознания талантливый преподаватель Селищенский, потом он получил звание доктора естественных наук. Профессор Н. Л. Бродский читал у нас лекции по литературе. Нередко бывал у нас профессор В. А. Поссе, который лично знал Льва Николаевича Толстого. Он очень интересно и увлекательно рассказывал о Льве Николаевиче и читал его произведения. На наших вечерах, посвященных революционным праздникам, по приглашению Александры Андреевны неоднократно бывали Мария Ильинична Ульянова, Екатерина Ивановна Калинина. Все это приобщало нас к большой кипучей жизни страны. И когда в августе 1924 года мы, сто детдомовцев, пришли работать на государственную кондитерскую фабрику «Красный Октябрь», мы не были ничего не знающими и ничего не понимающими школярами. Александра Андреевна продолжала оставаться нашим другом, учителем, верным советчиком.

Позднее, когда я поступила на рабфак и стала вече-

рами учиться, а днем работать, мы реже могли встречаться. Но каждый раз, когда мне нужен был совет, поддержка, я шла к Александре Андреевне.

Все важнейшие вехи в моей жизни отмечены душевным, искренним участием в них моей первой учительницы. 1929 год был для меня такой вехой. В том году меня приняли в ряды партии и коллектив фабрики «Красный Октябрь» избрал меня в члены Московского Совета.

Позднее, как член Моссовета, я была мобилизована на работу по коллективизации деревни. Я работала инспектором райполитпросвета и заведующей районной избой-читальней в селе Тоцкое Средне-Волжского края.

Вспоминаю встречу с Александрой Андреевной перед отъездом. «Какая ты счастливая,— сказала она мне,— я тебе завидую». Мы проговорили всю ночь. Я узнала много важного, дотоле мне неизвестного об особенностях деревни, о трудностях работы среди крестьян в тот сложный период. Это для меня, горожанки, было очень важно, я деревни совсем не знала. Связь с Александрой Андреевной была самая тесная. Сколько добрых советов я получила! Из Москвы шли пакеты с книгами, журналами, плакатами. А когда я приезжала в Москву, Александра Андреевна ходила со мной по театрам, музеям, водила слушать лекции:

— Тебе все это пригодится. Колхозникам расскажешь.

Я счастлива тем, что на жизненном пути повстречалась мне Александра Андреевна! Для меня это было особое счастье. Я росла без матери, и вся моя жизнь была согрета теплотой, материнской заботой Александры Андреевны.

Пятьдесят лет отдала она школе. Для нас, ее учеников, Александра Андреевна была учителем жизни. Много она работала с так называемыми трудными детьми, умела подойти к ним, повлиять. В каждом из них найдет то хорошее, что таится в глубине души, и вызовет к жизни. Люди ей бесконечно благодарны за это человеческое внимание к ним. Я знаю, что много лет спустя один из таких учеников пришел к ней домой и пригласил на свою свадьбу.

Очень любила Александра Андреевна нас, своих воспитанников, очень любила свою благородную, важную

в жизни людей работу. С большим сожалением покидала она школу на семидесятом году жизни. Ушла на покой. Но отрыв от коллектива, от детей она тяжело переживала. Мы это знали. Мы знали, что нашему учителю дорого наше внимание. Время от времени мы посещали ее и поодиночке и целыми компаниями. Помню, однажды пришли к ней сразу и учителя — ее бывшие сослуживцы, и мы, ее воспитанники. Принесли цветы, подарки. А главное — шум, веселье, разговоры. Уходя, мы оставили ей наш подарок — телевизор.

Александра Андреевна и взрослых продолжала воспитывать нас. Продолжала делиться опытом и со своими молодыми коллегами.

Большое, чистое сердце у Александры Андреевны. И когда мы узнали о присвоении нашей славной воспитательнице звания заслуженной учительницы школы РСФСР и о вручении ей ордена «Знак Почета», нашей радости не было предела. Вместе с Александрой Андреевной мы праздновали эту нашу общую радость. Помню, много нас тогда собралось, устроили веселый вечер, преподнесли нашей учительнице поздравительный адрес. Она была очень растрогана нашим вниманием, кротко улыбалась и тихо плакала.

В моей комнате висит большой портрет Александры Андреевны Блажиевской. Я с ней никогда не расстанусь. Когда должна решить, как поступить, я думаю: одобрила бы это моя учительница, пришлось бы это ей по душе?

Каждое свое действие, каждый шаг в моей жизни я сверяю с этой меркой.

Когда-то под руководством Александры Андреевны у нас в школе издавался ежемесячный художественный журнал. Все журналы писала я от руки и сама оформляла их.

Потом уже, будучи работницей фабрики «Красный Октябрь», я все годы состояла в редколлегии стенной газеты «Делегатка». Рабкор журналов «Делегатка», «Работница», была на встречах с Марией Ильиничной Ульяновой и Еленой Дмитриевной Стасовой. Выступала как рабкор по радио, мой портрет был напечатан в 1926 году на обложке журнала «Работница».

Все это я пишу не из бахвальства,— это труды Александры Андреевны, продолжение ее жизни.

Я делала всю эту работу с легкой душой, охотно, с любовью. Знала, что нравится или понравилось бы моей учительнице.

Стараюсь жить так, как она, и в этом вижу свое счастье. Да не только одна я. Многие бывшие ее ученики писали ей письма из разных городов нашей Родины. Ставшие педагогами советовались с ней. Она нам всем охотно отвечала. Особенно много писем приходило с фронтов Великой Отечественной войны.

Для меня, в моем сердце Александра Андреевна — одна, неповторимая, незабвенная.

На фабрике я часто беседую с рабочими и работниками. И они также со светлой улыбкой и чувством благодарности вспоминают своих учителей.

И вот я думаю, мы отмечаем у нас в стране труд людей самых различных профессий. Но День учителя — это поистине всенародный праздник.

Л. ХОХЛОВ,
товаровед

Той первой военной зимой, когда после эвакуации из Москвы я снова пошел в школу, преподаватель истории Андрей Дмитриевич Маркин был единственным мужчиной среди наших учителей. Но если говорить о мужской силе и твердости, то их, казалось, и не хватало ему прежде всего. Даже отчитывая нас, он словно старался смягчить свои упреки и, как бы принимая на себя часть нашей вины, спрашивал, скоро ли мы станем внимательны, или до каких пор мы будем опаздывать на уроки.

Сам он, конечно, был внимателен и никуда не опаздывал. Когда однажды он сообщил нам, что «вчера мы освободили Калугу», наш признанный заводила Костя Камакин совсем смутил его дерзким вопросом: разве, мол, учитель тоже участвовал в боях? И все-таки на следующий же день, обращаясь к тому же Камакину, Андрей Дмитриевич снова говорил: «Пора нам научиться не забывать тетрадей».

Он ни за что не хотел отделяться от нас, этот малень-

кий близорукий человек, считавший себя ответственным за то, что кто-то из учеников не слушает объяснений учителей, опаздывает на уроки, прогуливает, забывает тетради. А мы? Мы милостиво разрешали разделять наши грехи, но никто из нас не поделился бы с ним ни своими мечтами, ни своими радостями. Ребята того сурового военного времени, мы не прощали ему близорукости, хилого здоровья — всего того, что мешало ему сражаться на фронте. Когда Костя Камакин задал ему свой дерзкий вопрос, Андрей Дмитриевич, конечно, мог ответить, что победа куется и в тылу, каждый на своем посту помогает ее достижению. Но он знал, что у Кости Камакина ранен брат и просто сказал:

— Вчера советские бойцы освободили Калугу.

Есть люди, которые кажутся на первый взгляд слабыми, потому что не умеют себя защитить. Наш мягкий и уступчивый учитель был таким человеком. К себе он был строг. В ту пору, о которой я рассказываю, немногие из нас догадывались об этом. Ему нелегко приходилось с нами, и я, пожалуй, знаю об этом лучше других.

Наверное, каждый школьник переживает тот особый период, когда, определив какие-то свои интересы, задается вдруг странным вопросом о том, скажем, зачем ему математика, если он пишет стихи, или зачем ему история, если он решил стать физиком. Я был категоричнее других и, решив, что пойду в военное училище, отверг сразу все школьные дисциплины, кроме физкультуры. Я уже говорил, что пришел в тот год в школу только в начале зимы, но, вместо того чтобы наверстать отставание, еще больше запустил учебу, и мне становилось порой страшновато думать о том, чем это кончится. Когда Костя Камакин сказал мне по секрету, что собирается махнуть на фронт, я без колебания заявил, что отправляюсь с ним тоже.

До уроков ли будущим фронтовикам? В школу мы с Костей приходили, чувствуя себя уже очень далекими от своих недавних забот и волнений. Впереди нас ждали необыкновенные подвиги и приключения. Костя говорил, что мы непременно станем разведчиками, и я с невольным уважением глядел на своего товарища. В те дни мне больше всего хотелось походить на него, такого сильного, уверенного, дерзкого. Все восхищало меня в Косте: и смелость, с которой он прыгал с крыши сарая на школь-

ном дворе, и упорство, с которым он никогда не признавался, что не сделал урока. И каким жалким казался мне рядом с ним наш Андрей Дмитриевич, когда, с укоризной посмотрев на Костю, он снова повторял свое:

— Пора нам научиться не забывать тетрадей...

Я слушал Андрея Дмитриевича и думал о том, что мы с Костей будем уже ползти в разведку, а он снова войдет в класс и станет твердить, как нехорошо опаздывать на уроки. Я уже сказал, что моим героем стал Костя. Но если бы меня спросили, каким бы я не хотел вырасти, я бы, наверное, указал на нашего учителя. Со всеми своими разговорами о внимательности и забытых тетрадях Андрей Дмитриевич точно стал для меня олицетворением всего, что противостояло тому сильному и яркому, к чему тянулось мое мальчишеское воображение. И лишь когда я напрямик сказал ему, что выбрал себе профессию, для которой не нужно знать истории, он поразил меня тем, что не стал, как другие учителя, убеждать меня в необходимости своего предмета, а просто спросил, кем же я хочу стать. Не помню, что я отвечал ему, но думаю, что именно тогда он догадался, какие планы строим мы с Костей. До сих пор вспоминаю тот урок, потому что учитель неожиданно рассказал нам об одном революционере, который даже в ожидании казни продолжал учить английский язык. Я бы и сам не смог тогда сформулировать, что особенно встревожило меня в этом рассказе, но, придя домой, почему-то впервые за весь год сел за алгебраическую задачу. Она не получилась, конечно. Тогда я пошел к Косте, чтобы узнать, долго ли еще мы будем околачиваться в тылу...

— Ну, что мы приготовили сегодня к занятию? — как обычно начал на другой день свой урок Андрей Дмитриевич. Он точно забыл, что мне «не нужна» история, и первым вызвал меня к доске. Я так ничего и не смог ответить. Зато Костя получил в этот день «отлично». Хотя мы и собирались на фронт, ему было неплохо и в тылу — он быстро схватывал объяснения учителей, и там, где мне требовались часы упорных занятий, ему подчас достаточно было минут. Мы оба давно уже не готовили уроков, но наши отметки были все же далеко не равноценны — у меня не было хороших, а у Кости не было плохих. И теперь, когда приближалось окончание четвер-

ти, я все чаще и чаще торопил Костю со сборами на фронт. Не мог же я принести матери табель с теми оценками, которые меня ожидали. Каждый раз, когда Костя отделялся какими-то неопределенными ответами, мне становилось совсем не по себе и казалось, что он начинает понимать что-то такое, что может совсем изменить наши планы. Я старался отогнать от себя эти мысли и, по пути к школе свернув в кино однажды, я совсем перестал посещать занятия. Теперь я только ждал Костиного сигнала: дорога была одна — на фронт.

Долго и томительно тянулись дни. С Костей мы встречались после уроков — я стоял где-нибудь неподалеку от школы и сразу же начинал спрашивать: чего мы еще ждем? Мне почему-то было страшно, что он вовсе откажется ехать. Костя не отказывался, а просто говорил, что надо еще подождать, и спешил попрощаться. Мое общество явно начинало его тяготить, я чувствовал это.

Андрей Дмитриевич пришел к нам домой. Я только возвратился после очередного свидания с Костей, не успел еще раздеться. И мы оба стояли друг против друга в пальто и шапках — он с полевой сумкой, а я с портфелем в руках. Я не стал с ним ни о чем говорить, выскочил за дверь и помчался к Косте. Теперь больше нельзя было откладывать, сегодня моя мать должна была узнать все, Андрей Дмитриевич ждал ее у нас в комнате, и я не мог уже вернуться домой.

Костя выслушал меня молча и молча же стал собираться. Но когда мы вышли на улицу, он почему-то предложил мне пойти напоследок в кино. Потом еще долго бродил со мной по городу, вместо того чтобы идти на вокзал.

— Слушай, — сказал он мне наконец, — неужели ты не понимаешь, что нельзя ребятам на фронт? С тобой пошутили, а ты...

Пошутили!.. Это было первое предательство, с которым столкнулся я в жизни... И хотя Костя был намного сильнее и смелее меня, в эту минуту он, наверное, почувствовал, что ему больше нельзя оставаться со мной. Он пробормотал еще что-то и вдруг побежал.

По-разному люди прощаются с детством, бывает, что человек взрослеет как-то сразу, точно трезвеет на морозном ветру. Я шел домой и не думал о том, что стану

говорить матери, как стану оправдываться перед ней, а думал только о Косте. Я прощался со своим героем, но судил прежде всего себя. И еще думал о том революционере, который учил английский язык перед казнь. Старался представить себе, какой он был, этот человек, и чувствовал, что те привычные мерки, которыми измерял я до сих пор мужество и силу, не подходят к нему. Было больно и стыдно, и я уже знал, что непременно должен вернуться в школу, доказать, что могу наверстать упущенное. Нет, даже не ради того, чтобы не огорчать маму, а ради того, чтобы верить в себя.

Мы все завидуем в детстве героям и бойцам. Нам кажется, что главное — это оказаться на их месте, и трудно и больно бывает понять, что дело не столько в исключительных обстоятельствах, сколько в нас самих.

Когда я возвратился домой, учитель сидел в нашей комнате за столом и что-то писал. «На, прочти», — обратился он ко мне и протянул листок бумаги. Это было письмо в Наркомат Оборона. Оно начиналось словами: «Вынужден обратиться к вам, потому что все другие инстанции отказали мне в просьбе о посылке на фронт».

— Вот видишь, — улыбнулся Андрей Дмитриевич, — не одному тебе не везет!

И сразу, став серьезным, добавил:

— Запомни только: тот, кто бежит от труда, героем не станет.

Это, пожалуй, была единственная назидательная фраза, которую довелось мне услышать от него, но это назидание было исполнено для меня огромного смысла. Андрей Дмитриевич угадал это.

— Маму твою тревожить не станем, — сказал он мне на прощание, когда я рассказал ему обо всем. — Сами заварили кашу, сами и расхлебывать будем.

Он опять говорил так, точно принимал на себя часть моей вины. От этого я как-то сразу перестал чувствовать себя одиноким. Еще недавно он казался мне слабым, потому что не умел защитить себя. Но у него было достаточно сил, чтобы помогать другим. И я впервые подумал, что этим, вероятно, и определяется человек.

Я думаю о своем учителе Андрее Дмитриевиче Маркине. В тяжелую для меня пору он сразу почувствовал, как важно мне преодолеть преграды, не сдаться, не спа-

совать. Он не только занимался со мной историей, решал алгебраические задачи, помогал разобраться в физике. Он научил меня несравненно большему. Научил избегать жестов и постоянно чувствовать ответственность за других. Ведь передо мной был его пример, тот самый, который был мне больше всего необходим в то время.

Трудно мне было наверстать упущенное в учебе. Андрей Дмитриевич занимался со мной каждый день по нескольку часов, и постепенно это начинало давать плоды. Когда через месяц я получил первое «хорошо» по алгебре, Андрея Дмитриевича не было в школе, и сразу же после уроков я побежал к нему. Он встретил меня какой-то понурый, расстроенный. Я понял, что он очень огорчен. Оказалось, что ему снова отказали в посылке на фронт — опять подвело здоровье. И только тогда, глядя на его помрачневшее лицо, я понял, как страстно стремился к героическому этот маленький близорукий человек, говоривший нам о внимательности и забытых тетрадах.

Потом мы снова занимались, как обычно, алгеброй, физикой, английским языком. Терять время было нельзя. Раскисать тоже. Он сам сказал мне об этом.

И все-таки Андрей Дмитриевич добился своего, ушел на фронт. Было это уже после окончания учебного года, самого трудного учебного года в моей жизни. И пожалуй, самого счастливого, потому что трудности мне удалось преодолеть.

Говорят, большое видится на расстоянии. Об Андрее Дмитриевиче я снова услышал много лет спустя, когда уже осуществилась моя мечта и я стал офицером. В комнате боевой славы одной из частей я увидел портрет своего учителя. Он пал смертью храбрых в 1944 году. Я смотрел на портрет и думал о подлинном мужестве и настоящей силе.

Если бы меня спросили, на какого человека я бы хотел походить в жизни, я бы назвал своего учителя.

Ю. ЧЕРНЫШОВ,
драматург, актер

годами я все больше и больше вспоминаю своих учителей. Вспоминаю и в застольных разговорах, и когда остаюсь один на один с самим собой. Вспоминаю все: и радостное, и горестное, и смешное.

Вот, например, смешное. Пришел к нам в школу новый учитель. На перемене беседовал с матерью Коли Иванова. А у нас в классе был еще Вова Иванов. Вова сидел на первой парте. Когда учитель спросил, кто у нас Иванов, то встали оба. «Вы — Иванов? — обратился он к Коле. — Сядьте! А вы, Иванов, подойдите к столу». Вова Иванов подошел. Учитель с вдохновением начал: «Вот, полюбуйтесь. Вот он — Иванов. Даже родная мать говорит, что он негодный мальчишка». Вова Иванов покраснел, хотел что-то сказать, но учитель его прервал: «Помолчите. Да! Я буду говорить, а вы будете краснеть. Да! Вот он, фрукт: пришел вчера домой в полночь, отказался сказать матери и отцу, где был. Оказывается, играл в карты!..»

Кто-то крикнул: «Это не тот Иванов. У Вовки нет ни отца, ни матери».

Когда все выяснилось и Коля Иванов, повинувшись зову учителя, подошел к столу, учитель теми же словами, что и Вову, начал отчитывать и его. Опять говорилось: «Вот он, фрукт» и т. д. Мы смеялись. Потом прозвали учителя Органчиком и относились к нему без всякого интереса: он проштрафился перед нами. Не нашел в себе мужества даже извиниться перед Вовой, которого напрасно стыдил перед классом. Дети — люди и не терпят несправедливости.

У нас был еще такой случай. Преподавал физику учитель К. Неплохо объяснял материал, но любил «читать мораль». Говорил о долге человека, нравственной чистоте, высоких принципах, и не обычными словами, а возвышенными, и всегда ссылаясь на какой-нибудь исторический факт или известную личность. Нам даже это нравилось: когда он «читал мораль», мы всегда узнавали что-нибудь новое. Но вот однажды, после одного такого «вдохновенного» разговора, мы узнали, что наш учитель учит нас жить, а сам пьет, ночью у него в доме картежная игра, матери-старухе некуда притулиться.

Прилипло к нему прозвище Тартюф. Всякий авторитет в наших глазах этот учитель потерял. Он по-прежнему читал нам свои нотации, но на них уже не обращали внимания, ему не верили. Помню, как мой сосед по парте, когда нашего учителя премировали, сказал раздумчиво: «А может, так и надо жить?» Вот это уж было самое плохое, самое опасное.

Дурное поведение учителя может так повлиять на ученика, что тот станет моральным уродом. В душе ребенка многое наслаивается. Бывают семьи, где лицемерие берет верх над чистым и красивым. А теперь, представьте, если ученик еще узнает, что и его учитель — человек, который говорит одно, а живет по-другому. Это страшно.

К моему счастью и к счастью моих товарищей по школе, сильное влияние на нас оказывали хорошие учителя, люди с ясным и справедливым характером.

Такой была Мария Николаевна Яхнова в нашей 70-й трудовой школе. О ней надо рассказать подробнее.

Мы переехали на другую квартиру, и я пришел в 70-ю школу новичком. Вошла учительница. Все встали. Меня удивила тишина. Учительница подошла ко мне:

— Новенький? Юра Чернышов? Хорошо. Вертлявый только. Ну, у меня-то не повертись. Иди к доске, посмотрим, что ты знаешь.

Я знал мало. Очень мало.

— Немногому же тебя научили, — сказала учительница. — Но это не беда. Видно, не научили любить математику.

Я был поражен: откуда она знает, что не люблю математику? Я об этом никогда никому не говорил, даже дома. Приносил в школу тетради с аккуратными записями, учил уроки. Прежний учитель был доволен мной и ставил хорошие отметки. Но я действительно очень не любил математику. Почему учительница сразу догадалась?

Старая женщина, лицо изъедено морщинами, в бородавках. Она показалась мне злой, неприветливой. Голос у нее был громкий, говорила она коротко, тоном, не терпящим возражений. В классе стояла удручающая тишина. Меня охватил почему-то страх, захотелось плакать. Я так был поглощен своими мыслями, что не следил, что там делается у доски. И вдруг — смех Марии

Николаевны, да такой задорный, молодой! Лицо ее преобразилось — оно сияло! Смеялся весь класс, так же задорно и так же громко, как учительница. К моему удивлению, и ученик, который стоял у доски, тоже смеялся. «Ошибся, Мария Николаевна, сейчас исправлю». Стер с доски и стал решать заново. Мария Николаевна одобрительно кивала головой. Когда задача была решена, учительница спросила:

— Что же это с тобой случилось, Саша, а? Стал меньше заниматься, что ли?

Ученик ответил:

— Да вот уже целую неделю не занимаюсь.

Это уж было совсем непонятно. У нас в прежней школе никто бы не сказал так учительнице. Мы нашли бы тысячу причин, чтобы обмануть ее, соврать. А этот — стоит, даже испуга в лице нет, и спокойно признается, что целую неделю не брал в руки учебники. Что за странность? Вдруг совсем теплые, ласковые ноты зазвучали в голосе этой Марии Николаевны:

— А что случилось, Саша?

— Мать больна...

С сердечным участием учительница стала расспрашивать Сашу о матери, поинтересовалась, бывают ли врачи и не нужна ли помощь. В прежней школе я привык к тому, что с учеником разговаривают о матери, только когда он проштрафился. Удивлению не было границ.

Больше Мария Николаевна не стала вызывать учеников, а рассказала историю, как в детстве болела у нее мать и как она ее выходила. Жили тогда они в деревне, мать ее была учительницей, и одиннадцатилетней девочке пришлось в снежный буран ехать в соседнюю деревню за врачом. Это единственное, что я запомнил из этого урока математики.

Когда в коридоре раздался такой долгожданный всегда для учеников звонок, в классе стояла такая же тишина, как и прежде. И в этой тишине раздался голос Марии Николаевны: «Чернышов!»

Я вздрогнул. Робко поднялся.

Мария Николаевна сказала:

— Я думаю, надо будет нам после уроков с тобой каждый день по часу заниматься, пока не войдешь в колею. А то тебе трудно будет. Сегодня останься после уроков... Ну, идите теперь на перемену.

И опять удивительно: вместо того чтобы стремительно броситься к двери, ученики окружили Марию Николаевну. Они проводили ее до учительской, о чем-то оживленно разговаривая.

Конечно, первый урок в новой школе — событие в жизни ученика, но не каждый такой урок запоминается на всю жизнь. А мне он запомнился, потому что имел продолжение. Я стал заниматься с учительницей, она помогла мне догнать класс, вызвала интерес к математике. Ежедневный час в течение двух месяцев был не только учебой — я узнавал о роли математики в жизни человека, слушал интересные истории, решал математические загадки. Учительница никогда нам не говорила: «Будьте математиками» — она говорила: «Математика нужна каждому человеку, кем бы он ни был».

И все же, в чем секрет того, что Мария Николаевна Яхнова очаровала наши сердца, стала нашим кумиром, человеком, о котором никто не сказал ни одного плохого, — да что там! — ни одного неласкового слова? Она была удивительно справедлива и ни разу не сфальшивила, не оскорбила ученика. Мария Николаевна была нравственно чистым человеком. Мы это не столько понимали, сколько чувствовали. Она была судьей наших поступков и споров, она знала, чем мы живем, что делается в наших семьях. Вызывала она родителей не для «накачки», а для того чтобы посоветоваться, как лучше, «единым фронтом» воспитывать растущего человека.

Помню, мать, возвратясь из школы, сказала мне: «Счастье-то тебе какое привалило. Вот это учительница!» Я не знал, что мать была у Марии Николаевны, но понял, что речь идет именно о ней.

Ее давно уже нет, умерла наша Мария Николаевна, но в семье сказание о ней живет и перешло от меня к моим детям.

Я не стал математиком — стал актером, Мария Николаевна учила меня понимать математику, заниматься ею, — она научила меня трудиться. Математика мне давалась нелегко, но я трудился, потому что иначе не мог: она со мной занималась после уроков, и я знал — она жертвовала для меня своим временем, несомненно, очень дорогим для нее. Это пробудило у меня не только чувство благодарности, но и чувство долга.

Мария Николаевна была первым человеком, покорив-

шим мое ребячье сердце и вызвавшим интерес к знаниям. Помните «Огоньки» В. Г. Короленко? Таким огоньком была для меня Мария Николаевна.

М. ЕВЕЦ,
экскаваторщик,
Герой Социалистического Труда

не знал счастья ученья в детстве. Может, поэтому я всегда радуюсь за тех, кто имеет возможность учиться.

Как я научился читать и писать? Вы видели, конечно, «Русское чудо». Помните комнату, наполненную рабочими Магнитки? Усталые, сидят они за партами. Среди таких был и я.

Мне было двадцать три года. Обучал нас комсомолец, такой же рабочий, как и мы, — Иван Кислов. Такой же, да не такой. Он окончил девятилетку. Я проникся к нему особенным уважением. Мы его все знали и звали Иваном, но после нескольких уроков в ликбезе стали называть уважительно Иваном Васильевичем. Он был для нас необыкновенным человеком, потому что раскрыл тайну грамоты. И сейчас в нашей семье — и я, и жена, и сыновья — сердечно вспоминают Ивана Васильевича. Какую роль он сыграл в моей жизни? Главную: он открыл мне радость познания.

Сколько лет с тех пор прошло? Тридцать семь. А я помню этого кудрявого, задорного парня. А как умело он пользовался поговорами, поговорками и народными побасенками! Они были его помощниками в нелегком труде — научить нас понимать истину. Иногда он и подшучивал над нами. Но юмор его был удивительно мягким, ни поговоркой, ни острым словом он никогда не оскорбил наше достоинство. Он учил нас и азбуке, и арифметике, и географии. Все с каким-то веселым задором, удивительной легкостью. Каждый его урок был для нас открытием мира. Все мы садились за парту после тяжелого, изнурительного рабочего дня землекопа. Лопата и тачка были тогда основными орудиями нашего труда. И все-таки в школу мы шли с охотой, а вернее сказать, с нетерпением ждали вечерней встречи с учителем.

Может быть, некоторым покажется удивительным, что

мы, начав изучать, как говорил поэт М. Исаковский, «трудную книгу — букварь», сразу же стали серьезно заниматься историей и географией, арифметикой и литературой. Такую программу занятий разработал сам Кислов. Он понимал, что мы были хоть и неграмотные, но взрослые люди и нам надо знать не одну азбуку. И скажу от души, я и мои товарищи были за это ему благодарны.

Чему я научился у Кислова? Необыкновенно увлекательно Кислов рассказывал о различных странах. Это не был просто рассказ, содержащий интересные сведения. Это был страстный призыв к борьбе, возмущение существованием в капиталистических странах расовым неравенством, эксплуатацией человека человеком. Нам, ученикам Кислова, на собственном опыте испытавшим несправедливости старой жизни, были очень близки эти рассказы. Потом, когда я начал читать газеты, эти живые уроки политграмоты помогали лучше понимать то, что творится в мире, разбираться во многих сложных вопросах.

Таков уж он был, наш учитель Кислов. И таковы были мы, его ученики. Мы учились грамоте, для того чтобы сразу раскрыть газету, стать активными участниками социалистического строительства.

Научил нас Иван Васильевич понимать литературу, любить писателей, уважать талант. В то время по-разному преподавали литературу. Могли, например, сказать, что Пушкин отражал в своем творчестве идеологию дворянства, а Лермонтов был представителем армейского офицерства. Кислов убедительно разбивал подобные утверждения. Он учил нас дорожить наследием прошлого, ценить замечательных русских писателей, понимать красоту русского литературного языка. Он воспитывал у нас любовь к книге, к чтению.

Читать книги я начал уже будучи взрослым человеком. С тех пор читаю постоянно, читаю наших классиков, читаю и современных писателей и поэтов. Любовь к книге, воспитанная Кисловым, осталась навсегда.

Кислов работал на производстве механиком, вечерами занимался с нами. И это каждый день. Я спрашивал себя: как он не устает? И как распределяет время? И вдруг узнал, что ко всему прочему Кислов еще учится в заочном техническом институте! Надо к этому добавить, что был он активным комсомольцем, постоянно

много читал, по воскресеньям, когда мы, ликбезники, отдыхали, выступал перед рабочими с лекциями о международном положении. Вот с какой нагрузкой он жил! Он стал для нас примером в труде. Бывало, устанешь на смене и не пошел бы в школу, но вспомнишь про Кислова и идешь. Вот ведь как. Был он в ту пору по возрасту моложе меня, моложе всех своих учеников, а стал для нас примером.

Случилось так, что после окончания ликбеза я подал заявление на курсы экскаваторщиков, задумал работать не ручной лопатой, а механической. К моей великой радости, экзамены на курсы принимал мой учитель. С первого же экзамена я понял — радость преждевременная. Вижу, Кислов ко всему придирается. Экзаменует строго. Поначалу я даже подумал, что он за что-то обиделся на меня, потому что уж очень большие требования мне предъявляет. Потом пошли сдавать экзамены другие ребята. Ко всем он был также требователен. И лишь вечером, собрав нас всех, своих учеников по ликбезу, он сказал:

— Не обижайтесь, ребята, за строгость. Не вас проверял — себя. Убедился теперь, что недаром мы с вами просиживали вечера за партами.

Вот каким был, этот человек. Правда, мне тогда показалось, что он немного хитрил, когда говорил, что себя проверял, но потом, когда стал я в жизни понимать больше и в людях лучше разбираться, я по достоинству оценил поступок Ивана Васильевича. Ведь действительно он проверял себя. Не станете же спорить со мной, что плох тот учитель, который думает, что только ученики перед ним должны держать ответ.

Учился я у Ивана Васильевича еще два года — на этот раз он вел на курсах механическую часть экскаватора. Скажу по совести: все лучшее, что во мне, как в экскаваторщике есть, перешло от Кислова. Потому что он был не только прекрасным учителем, но и умным воспитателем, настоящим коммунистом.

Как видите, мне повезло в жизни, потому что в годы, когда довелось мне учиться, был рядом со мной такой человек, как Кислов.

Но были и другие учителя и другие ученики. О них рассказывает

ГЛАВА ВТОРАЯ,

В КОТОРОЙ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
РАЗГОВОР О ВОДЕ
ЖИВОЙ И МЕРТВОЙ

И В КОТОРОЙ
ВЫСТУПАЮТ:

академик С. СТРУМИЛИН,
лауреат Ленинской премии писатель С. МАРШАК,
учительница В. НЕМЫЦКАЯ,
старый большевик М. МОЛОТКОВ,
рабочий М. ЗИНЧЕНКО, получивший в 73 года
аттестат зрелости,
кандидат технических наук Р. ВИНОГРАДОВ

Р

усский публицист Влас Дорошевич, посвятивший немало страниц старой дореволюционной школе, писал: «Поколениями школьников выработалась традиция, что истинный негодяй это тот, кто всегда учит уроки. К нему относятся так, как относились бы к чиновнику, который стал бы моментально предупреждать всякое желание начальника, который таскал бы работу к себе на дом, не пил бы, не ел, не спал, чтоб только выполнить приказание начальника.

— Выслужиться хочет, каналья!»

«Первый ученик — изменник класса. Гнуснейший из изменников...» Пожалуй, ни в чем не выразилось с такой силой уродство старой школы, как в этой вражде между учителем и учеником, при которой в самих успехах ученика обнаруживалось что-то нехорошее, нечистое. И какая же это, в самом деле, горькая слава, быть первым учеником «человека... в футляре».

Но старая школа знала и иных учителей. Если в казенной обстановке гимназии с ее вечной войной между педагогами и учениками сумел учитель найти путь к душе ребенка, сумел пробудить в ней светлые чувства, на всю жизнь оставить добрую память о себе — разве это не истинный и великий педагогический подвиг! И это о педагогах, совершивших такой подвиг, говорили в беседах с нами ученый Р. Виноградов, писатель С. Маршак, академик С. Струмилин, учительница В. Немыцкая. «Старая школа, — отмечал Владимир Ильич Ленин, — была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников». «...Но надо, — говорил Ленин, — уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма». Те, кто на расстоянии времени, не скрывая плохого, говорят сегодня о том ценном, что дали им старшие их учителя, бесспорно еще раз помогают нам различить эту живую и мертвую воду традиций.

И все же живые традиции нашей школы — это прежде всего традиции народных учителей, тех, кто учил крестьянских детей, преподавал в городских училищах, нес луч света в темное царство невежества, которое оставляло на долю масс российское самодержавие.

Революция не только обновила жизнь страны. Среди самых славных традиций, рожденных в большевистском подполье, осталась живительная традиция воскресных школ, что были созданы ленинцами «за далекою Нарвской заставой». В городах и рабочих поселках России учителями жизни шли к трудовому народу пролетарские революционеры.

Ликвидация неграмотности, начавшаяся после победы Октября, имела свои истоки в самой революционной борьбе большевиков. Мы говорим, что революция открыла необозримые горизонты для творчества людей. Для учителей это вдвойне верно.

Работая над этой главой, мы встретили много людей, которые, начав с ликбеза, стали крупными учеными, военными и государственными деятелями. Интервью с одним из них — депутатом Верховного Совета РСФСР М. Ю. Евецем вы прочитали. Старейший рабочий говорит точно от целого поколения, которое благодарит тех, кто на стройках и в деревнях, при керосиновых лампах, а то и при лучине разжигали огонь знаний, учили взрослых, для того чтобы не осталось в стране ни одного неграмотного.

Люди вспоминают своих учителей. У каждого своя судьба. И каждый рассказ по-своему дополняет остальные. Учительница В. Немыцкая, беседу с которой прочтет читатель в этой главе, училась в старой гимназии, а учила в ликбезе, на рабфаке, в десятилетке наших дней. М. Зинченко намного старше ее. Но на долю его выпала удивительная судьба быть учеником школы двух эпох.

Шестьдесят лет назад пришел в первый класс учеником Михаил Петрович Зинченко. На пенсию он ушел, когда ему перевалило за 66 лет — все было жаль расставаться с любимой работой в Иртышгэсстрое. И не вынес покоя — поступил заочно в десятый класс. А летом минувшего 1965 года появилось в «Правде» сообщение о любопытном случае, происшедшем в восточноказахстанской заочной школе: 73-летнему пенсионеру вручен

аттестат о среднем образовании. Примечательно, что он закончил школу без единой тройки. Думается, читателю будет интересно познакомиться с воспоминаниями Зинченко о своих учителях.

Как и чеховский Ванька Жуков, старый большевик М. Молотков, выступающий в этой главе, рос в деревне в семье деда, а затем был отдан в подмастерья в город. Как и чеховский Ванька Жуков, узнал он издевательства и побои хозяина. И лишь революция вывела его на широкую дорогу жизни. На долю М. Молоткова выпало большое счастье — видеть Ленина, разговаривать с ним. В честь великого вождя назвал он Володей своего сына. Герой Советского Союза Владимир Молотков пал смертью храбрых во время Отечественной войны. Сегодня, вспоминая свою долгую жизнь, М. Молотков возвращается к ее истокам и рассказывает о своем любимом учителе.

— Как я мечтал быть первым учеником! — восклицает Михаил Молотков, крестьянский мальчик из подмосковного села Сысоево.

Первым и любимым учеником у своей Анны Алексеевны в волостном селе Яковлевском в глуши Тверской губернии был Михаил Калинин.

«Первый ученик» — так и называется глава в простой и хорошей книжке А. Дементьева «Штрихи большой жизни».

...Маленькая комната. Широким потоком льется солнечный свет. Все освещено его добрыми, чистыми лучами: полка с книгами, старенький стол и на нем стопка тетрадей, букет подснежников — первые цветы весны — подарок ребят старенькой учительнице. Анне Алексеевне вдруг страшно захотелось услышать школьный звонок. Школа от дома недалеко, да двери и рамы закрыты плотно — нездоровится. Но до ее напряженного слуха донеслось неожиданно другое. В сенях грохнула дверь, и возбужденный, нетерпеливый голос крикнул:

— Живые есть кто-нибудь!

Анна Алексеевна поднялась и обмерла: «Миша! Миша Калинин!» Да, это был он — ее любимый ученик Миша Калинин, а теперь первый человек в государстве — Председатель ВЦИК — Михаил Иванович Калинин.

— Мишенька! Здравствуй!

Она обняла его, поцеловала, усадила и долго молча рассматривала знакомое лицо.

— Что, постарел!

— Все такой же...

— Как в первом классе! — улыбнулся Калинин.

— Почти.

Не виделись они давно. И вот он сидел рядом с ней — живое подтверждение ее надежды и веры в людей. Ее жизнь и всех вот таких же учителей была не напрасной. Дети, которых они учили, стали взрослыми и не хотят жить так, как жили их забытые, безграмотные отцы!

— Господи, что ж это я! Человек с дороги, а я сжму, как на смотринах. Я мигом, Мишенька. Чайку поставлю, соберу кой-чего.

Время было трудное, голодное — весна 1919 года. Но для такого гостя из-под земли достанешь.

И все свои хворобы забыла Анна Алексеевна, слезила в подвал, принесла запотевшую темную бутылочку сливочки, невзвешенную с каких пор спрятанную ею на сливочай. И вот случай представился. Правда, гость-то непьющий. Но все-таки со старой учительницей не грех рюмочку осушить. За здоровье да за успехи государственные...

Они сидели друг против друга и вспоминали те далекие годы, когда один был еще мальчишкой, а вторая милой девушкой с серыми глазами...

И многое вспоминают они.

И среди дней ушедших тот, когда Анна Алексеевна исполнила свое давнишнее желание: купила Мише Калининну валенки и ластиковую рубашку с ремешком. Как он был смущен и счастлив, когда учительница протянула подарки и ласково потрепала мальчика по голове.

— Носи на здоровье!

— Это мне! Анна Алексеевна... За что!

— За то, что умница. И еще, чтобы не замерз в дороге. Я ведь знаю — каждую субботу в Троицу ходишь.

— Спасибо вам, Анна Алексеевна!

И убежал. А в ближайшую субботу заявился домой сияющий и еще с порога крикнул матери:

— Ма, у меня валенки! И рубашка вот. Новая...

Марья Васильевна вышла из кухни, увидела сына в валенках и засморкалась в фартук:

— Откуда это у тебя, Мишенька!

— Учительница подарила, Анна Алексеевна!

— Ох, радость она наша! Храни ее господь, добрую душу.

И еще один горький и радостный день вспоминают они. День, когда Миша Калинин сдал последний экзамен. Учительница была права. Он окончил школу за две зимы вместо четырех. Ему, как лучшему ученику, вручили похвальный лист.

Наверное, это был самый радостный день его детства и одновременно самый горький. Прощай, школа! Прощай, Анна Алексеевна! Кончилось короткое счастливое время учебы — впереди опять ждала трудная жизнь в людях...

Все ушли из класса, а Миша Калинин, прижав к груди похвальный лист, стоял у окна и смотрел на улицу. Анна Алексеевна подошла, тронула его за плечо, повернула к себе. По щекам мальчика текли слезы.

— Ты что, Миша!

— Куда же я теперь денусь!

И заплакал — впервые за эти годы, — горько всхлипывая и совсем по-детски пряча лицо от учительницы. Она принялась успокаивать, утешать.

— Ну что ты, Мишенька! Все будет хорошо...

А сама думала: «А что будет хорошо! Что! Уедет парень в свою деревню или поступит в услужение — и прощай будущий математик, а может быть, врач! Прощайте и надежды и книги...»

...Михаил Иванович положил свою темную тяжелую руку на ладонь Анны Алексеевны.

— Добрый вы мой друг... — растроганно сказал он, поблескивая стеклами очков. — Это вам я обязан тем, что в трудные дни со мной всегда была книга... Пушкин, Некрасов, Лермонтов, Чернышевский... Да что говорить — вся русская классика мерзла с нами в бараках, ночевала в тюрьмах. Вы научили меня быть в дружбе с книгой. Спасибо вам, дорогая Анна Алексеевна!

Анна Алексеевна вытерла платком набегающие слезы и растерянно улыбнулась.

— Это вам спасибо, Миша, тебе и твоим товарищам... Ленину Владимиру Ильичу спасибо! За свет, который вы принесли! Мы, учителя, тоже несли свет людям. Обидно, конечно, что очень немногим светил он... Но жизнь

такая была. Ты знаешь... А вот вы, большевики, свой свет принесли всем. Всему трудовому народу...

...Михаил Иванович встал, прошелся по комнате, заглянул в окно и о чем-то задумался. Потом достал из кармана небольшой снимок и повернулся к Анне Алексеевне:

— Вот хочу вам подарить мою фотографию.

Присел к столу и написал: «Анне Алексеевне от ее ученика на память. Михаил Калинин».

— Ну, мне пора...

Он уехал, а на столе осталась фотокарточка и добрые воспоминания, которым суждено будет уйти из дома Анны Алексеевны Бобровой только вместе с ней...

Прав и не прав был Влас Дорошевич. Он написал страшный рассказ о том, как учитель довел до самоубийства ученика. Но ему не дано было увидеть, как в маленькой сельской школе, в избе, где сразу учились четыре класса, уже рос и креп союз ученика и учителя, как всей силой детской души стремился ученик подражать учителю, жить той большой и высокой правдой, о которой он узнал от своего первого наставника.

С. СТРУМИЛИН,
академик

Отя времени с тех пор прошло не так уж мало (судите сами — в 1896 году весной я окончил реальное училище, а осенью поступил учиться в электротехнический институт в Петербурге), в памяти сохранилось все важное и значительное из школьных лет.

Те, кто рассказывают о средних учебных заведениях дореволюционной эпохи, чаще всего говорят о бездушной казенщине и бессмысленной зубрежке, о педагогах-формалистах, разительно напоминающих чеховского Беликова. Думается, однако, далеко не все школы того времени заслуживают столь негативной оценки, и уж, конечно, отнюдь не только духовные собраты «человека в футляре» были характерны для учительской среды. Во всяком случае, могу сказать, что мне повезло. Скопинское реальное училище, где мне довелось постигать

азы наук, было неплохой школой, а преподаватели, у которых я учился, и сейчас вызывают у меня чувство признательности.

Разве умение возбудить у аудитории глубокий интерес к излагаемым проблемам не является одним из важнейших показателей таланта педагога? В Скопинском училище мне довелось встретить немало педагогов, которые как раз и обладали этим чрезвычайно ценным даром.

Главными предметами считались математика, физика, химия, естествознание. И наши занятия строились так, чтобы мы воспринимали предмет не пассивно, на веру, а могли сами и вывести требуемую формулу, и воспроизвести опыт, и доказать теорему с выводом тех следствий, каких порой вовсе не содержал учебник. Зубрежка у нас не поощрялась. Преподавание велось всегда с опытами и приборами, поэтому объяснения очень хорошо запоминались прямо на уроках, и разве только в пору весенней экзаменационной страды приходилось перелистывать учебники, задерживаясь на знакомых чертежах, формулах и рисунках, которые нужно было воспроизвести на экзамене. Что же касается текста, то и перед экзаменами особенно заботиться о нем не приходилось, потому что он сам собой вытекал из хорошо усвоенной логики предмета.

И, вспоминая свои школьные годы, мне прежде всего хотелось бы рассказать, как добивались наши преподаватели активности и самостоятельности учеников. При этом сразу же хочу оговориться — наши педагоги вовсе не ориентировались на исключительно способных учеников, а старались заставить думать каждого.

Вот, например, какую методику применял учитель геометрии Галактион Сергеевич Тумаков, прозванный нами за вспыльчивый нрав «Грозой морей». Строго и точно объяснив и доказав ту или иную теорему, он сразу же начинал опрос учеников. Тот, кто выходил к доске первым, должен был тут же своими словами изложить новую теорему, при этом изменив чертеж и обозначения, например, заменив остроугольный треугольник на какой-нибудь другой, иной формы. Следующему ученику предлагалось уже сформулировать теорему, обратную доказанной, и доказать ее, если это было возможно. Затем вызывался третий ученик: он решал задачу на построе-

ние, связанную с только что доказанными теоремами, и т. д.

И хотя ученики отвечали новый материал, который еще не был закреплен домашним заданием, тот, кто терялся и пасовал перед своей задачей, получал неизбежно кол. Бывало, в течение одного урока какой-нибудь ученик зарабатывал по два, а то и по три кола, а на протяжении четверти у многих вырастали целые «частоколы». И все-таки зачастую те же самые ученики заканчивали четверть весьма успешно: стоило неудачнику подтянуться, показать свое умение не зубрить, а самостоятельно мыслить, как свирепый наш математик добрел и, вынув перочинный ножик, художественно подчищал «частоколы», заменяя многие единицы одной отличной четвертной отметкой.

Могут спросить, а способствовало ли развитию трудолюбия у учеников такое пристрастие учителя к сообразительности, проявляемой тут же, на уроке? Думаю, что механическое усвоение предмета, когда ученик не работает на уроках, а полагается только на зубрежку, не только связано с затратой дополнительного времени на учебу, но и по существу является своеобразной лазейкой для лентяев. Может ли быть назван трудолюбивым человек, которому лень мыслить? Учеба прежде всего и воспитывает человека в борьбе с этакой умственной дремотой, воспитывает умение мобилизовать себя, заставить действовать мысль и волю.

Вопрос о том, как вызвать активность ученика на уроках, не теряет своей остроты и сегодня. Мы часто жалуемся на перегрузку школьников. Но ведь именно тем ученикам, которые не сумели мобилизоваться в школе, приходится тратить особенно много времени на домашние занятия. Думается, не только общей суммой времени, потраченного на учебу, но и интенсивностью, с которой используется каждая единица этого времени, измеряется трудолюбие ученика.

Сказанное, разумеется, вовсе не означает, будто я считаю, что стиль преподавания нашего математика является единственно хорошим. Но бесспорно одно: вызвать умственную активность ученика — одна из важнейших задач педагога.

В этой связи мне хотелось бы вспомнить еще об одном своем учителе. В отличие от Тумакова, получившего

устрашающее прозвище Гроза Морей, преподавателя естествознания Александра Николаевича Рождественского мы называли очень ласково: «Тетенька». Заботливый и до педантичности аккуратный, он больше всего любил природу и прежде всего как бы старался поделиться с нами этой своей любовью. Тощие учебники ботаники, минералогии, анатомии не пробуждали у него слишком больших надежд, и он любил повторять: «Все, что можно воспринять из книги или только на слух, от учителя, воспринимается туго. А то, что познается предметно, собственными глазами, осеяется, обоняется и вообще осваивается личным опытом исследователя, усваивается прочно, раз и навсегда. Природу можно и должно познавать предметно и без излишних посредников».

Этим правилам он и следовал неукоснительно. Объясняя нам что-либо, не поддающееся показу, действительно повторял свои объяснения множество раз. Но как только появлялась возможность продемонстрировать перед нами хотя бы засушенное растение, чучело птицы или скелет человека, перед нами оказывался прекрасный натуралист, умеющий возбудить интерес к своему предмету тонкими наблюдениями и увлекательными практическими советами. Разве не любопытно было узнать, к примеру, как нужно собирать и определять растения или набивать чучела? Или получить скелет мыши, положив ее труп в муравейник? И еще увлекательнее было воочию видеть под микроскопом тайну кровообращения и пульсации крови в лапках лягушки.

Всегда рады были мы отправиться со своим учителем на загородную экскурсию, зная, что он поможет нам разглядеть то, что осталось бы не замеченным без него.

Под влиянием Александра Николаевича почти все мы, его ученики, хоть на короткое время сами становились натуралистами. Мы наблюдали жизнь пчел и муравьев, выращивали дома большие правильные кристаллы, собирали коллекции. До сих пор помню я, как собирал бабочек, засушивал цветы и растения, составляя гербарии, и как сооружал дома элемент Даниэля, самодельную электрическую машину, лейденскую банку. Я обзавелся колбами и ретортами, повторял опыты, которые мы делали в училище, в частности добывал кис-

лород и водород. Продолжалось это до тех пор, пока однажды после основательного взрыва, которым увенчалась моя попытка сделать нечто вроде спичек из горючей смеси сахарного песка с бертолетовой солью, перепуганная квартирная хозяйка не вышвырнула всю мою лабораторию.

Под угрозой выселения из квартиры от дальнейших опытов мне пришлось отказаться, но я уже почувствовал вкус к эксперименту и научной активности. Что ж удивительного в том, что вместо грошовой химии Роско стал я уже заглядывать в Менделеева, а после физики Краевича открыл академический солидный том физики Гано? К этому времени я начал внимательно следить за «Журналом опытной физики и элементарной математики», который издавался в те годы в Одессе. Сначала я решал содержащиеся в журнале задачи, а затем сам стал корреспондентом журнала, отсылая туда самостоятельно составленные задачи и теоремы. И хотя это было еще весьма скромное творчество, но все же его я считаю началом научной самостоятельности. И я с чувством благодарности могу сказать, что первые шаги к науке помогли мне сделать мои школьные учителя.

Пожалуй, больше всего я обязан 'лучшему из них — Дмитрию Константиновичу Гике. Чуждый всякого формализма и бюрократизма, он был не просто нашим директором, педагогом и классным наставником, но и верным защитником от различных напастей. Он умел здраво смотреть на мальчишеские проказы и, видимо, считал их вполне естественными в нашем возрасте. Запомнился мне, например, такой характерный эпизод. Как-то торопясь, Дмитрий Константинович вбежал к нам в класс, миновав раздевалку. Он на ходу сбросил пальто, шляпу и галоши и через секунду стоял у доски, углубленный в исполнение какого-то чертежа для предстоящей лекции. И вот один из учеников, зная, что в подобные минуты наш чудаковатый директор ничего вокруг себя не замечает, напялил на себя директорское пальто, шляпу и галоши и, подняв воротник, стал уморительно копировать обладателя этой одежды. Слишком громкий смех, раздавшийся за спиной директора, заставил его обернуться. Казалось, теперь уже ничто не предотвратит вспышки. Но Дмитрий Константинович остался невозмутимым:

— Ну вот, разумеется, опять ты, Чичерин, занимаешься пустяками, — сказал он. И, считая инцидент исчерпанным, снова повернулся к доске и принялся за чертеж.

Значительней, серьезней был другой случай. Однажды поздно вечером появились в городском саду в нетрезвом состоянии несколько учеников старшего класса. Выпускники на виду у всех курили папиросы, громко пели студенческие песни и в ответ на замечание местного блюстителя порядка, городского Яшки, пропели: «Пошел, ты, Яшка, к чертям собачьим!»

И вот на следующий день с жалобой на озорников явился к директору училища сам квартальный. Протянув Дмитрию Константиновичу список виновных и подробно перечислив все их прегрешения, каждое из которых грозило серьезными неприятностями, квартальный резюмировал:

— А главное, никакого начальства не признают. И даже полицейскую власть поносят.

Квартальный был весьма огорошен, когда Гике неожиданно спросил его:

— Скажите, вы сможете мне доказать теорему Пифагора?

Кто знает, что ощутил в это время квартальный. Быть может, почувствовал себя снова на минуту ленивым учеником под строгим взглядом учителя?

— Да ведь она мне теперь совсем ни к чему, эта теорема, господин директор.

— Как «ни к чему»? Вы неспособны доказать даже известнейшую теорему Пифагора, с которой у нас справляются ученики четвертого класса, а беретесь за решение никем вам не порученных труднейших проблем воспитания юношества! У нас имеется для этого свой собственный педагогический совет и учебная инспекция... Уберите вон отсюда вашу бумажку, — ткнул пальцем директор в список провинившихся, — и потрудитесь впредь не совать носа не в свое дело.

Тем и завершился весь инцидент, грозивший искорвать не одну молодую жизнь.

Живший только интересами своей науки, Гике постоянно уводил нас за рамки элементарных учебников. От четвертого постулата Эвклида он незаметно переходил к идеям Лобачевского, Римана и Бельтрами, от теории

пределов — к началам дифференциального исчисления, от азбучных начал космографии — к теории мироздания Канта — Лапласа. Многому научил нас этот мудрец и философ. Недаром мы слушали его так, что часы казались нам минутами.

Конечно, далеко не все ученики в нашем училище воспринимали в достаточном объеме все, что давала им школа. Но, хотя бы для того, чтобы еще раз подчеркнуть объективность той высокой оценки, которую не могу не дать своим учителям, хочу отметить: на конкурсных экзаменах в петербургских вузах скопинцы в течение долгого времени шли впереди выпускников многих других, даже столичных школ.

В

своей книге «В начале жизни» я рассказываю о нескольких учителях Острогжской гимназии, где мне довелось учиться в младших классах до того, как меня перевели в Петербургскую гимназию.

Кого же из учителей назвать первым? Как литератор, я, пожалуй, больше всего обязан тому из своих педагогов, кто помог мне по-настоящему почувствовать и полюбить живую, не книжную русскую речь. Не удивляйтесь, если я назову не преподавателей русского языка и словесности, а учителя латыни Владимира Ивановича Теплых.

Теперь, на склоне лет, я могу с уверенностью сказать, что встречал на своем веку немногих людей, которые бы так талантливо, смело, по-хозяйски владели родным языком, как владел им Владимир Иванович. Его речь была в равной мере чужда и книжных оборотов, и псевдопростонародных. В старших классах — я знал это от своего брата — он иной раз подтрунивал над художочным и излишне правильным языком в работах учеников, получавших у других гимназических педагогов пятерки.

Но каким же образом преподаватель латыни мог обучать нас, ребят, русскому языку? Это делалось неза-

метно, я бы сказал, произвольно. Отвечая урок, мы уже по одному выражению лица Владимира Ивановича, по едва заметной его усмешке или легкому движению бровей понимали, как оценивает он каждое наше слово. Банальность, вычурность, неверность, ложная интонация так же оскорбляли его слух, как фальшивая нота слух музыканта. Стоило ему поморщиться, как мы уже невольно задумывались над только что произнесенным словом, старались понять, что же именно покорило учителя. В сущности таким путем он постепенно изо дня в день воспитывал наш вкус.

Вспоминая Владимира Ивановича, я не могу сказать, был ли он хорошим педагогом в общепринятом смысле этого слова. Он любил заниматься прежде всего со способными учениками и не скрывал своего презрения к лентяям, тупицам и неряхам. Точно так же не жаловал он подхалимов, выскочек и верхоглядов. Думаю, что при всех его недостатках это был незаурядный педагог, вдохновенный, талантливый, страстно влюбленный в свой предмет.

Об этом свидетельствует хотя бы то, что лучшие ученики шагали у него семимильными шагами. Они изучали латинский, а затем греческий языки как бы на фоне истории античного мира. На уроках Владимир Иванович рассказывал ученикам то о героях Троянской войны, то о походах Юлия Цезаря, то об одежде, утвари и обычаях древних греков и римлян. Таким интермедиям были рады не только лучшие ученики, но и худшие, которых рассказы Владимира Ивановича спасали от вызова к доске.

Я уже говорил, что Теплых привил нам любовь к русской речи. Но еще удивительнее то, что он заставил нас полюбить и латынь — предмет, ненавистный большинству гимназистов.

До сих пор бережно храню в памяти образ этого особенного, не всем понятного, но необыкновенно привлекательного человека. Нас, ребят, больше всего пленяло его гордое и независимое поведение в тех случаях, когда другие учителя теряли чувство собственного достоинства и осанку, а вместе с тем и наше уважение. Помню, как пожаловал к нам в гимназию, «сам» попечитель Харьковского учебного округа со звездой на форменном фраке. Но и в его присутствии Теплых продолжал как ни

С. МАРШАК,
писатель,
лауреат Ленинской премии

в чем не бывало свой очередной урок и будто нарочно вызывал посредственных учеников.

Были ли Теплых самым любимым учителем? Любимым — это не совсем точное слово. Как ни уважали мы нашего латиниста, а все-таки замечали, что иной раз он бывает несправедлив, пристрастен к своим любимцам и слишком несдержан в минуты гнева.

Но по-настоящему мы любили другого педагога, попроще. Звали его Яков Константинович Пустовойтов. Однажды весной наша гимназия в полном составе, со своим оркестром, с корзинами бутербродов и сверкающими на солнце большими самоварами отправилась за город на традиционную прогулку: там, в только что зазеленевшей роще, я улучил минуту, чтобы высказать Якову Константиновичу чувства, переполнявшие мое сердце. Я отозвал его в сторону и, задыхаясь от волнения, сказал:

— Яков Константинович, я вас люблю!

Он пожал плечами, чуть-чуть улыбнулся и ответил мне своим негромким, с легкой хрипотцой, голосом:

— Ну и что же нам теперь делать?

Я смутился, он заметил это и ласково хлопнул меня по плечу:

— Ладно, ступайте, ступайте, побегайте!

Чем покорило мое детское сердце Яков Константинович Пустовойтов? Пожалуй, об этом стоит рассказать подробнее.

Как и всех новичков, гимназия на первых порах ошеломила меня помпезностью своей обстановки, столь разительно отличавшейся от всего, что я видел на окраине уездного города, где жила наша семья. Но постепенно я стал привыкать к строгим царским портретам в золотых рамах и к важному величавому виду учителей, которые в торжественные дни появлялись перед нами при всех своих орденах и даже со шпагами. Но праздники сменялись буднями, в классах учителя покрикивали на учеников, ставили их к стенке и оставляли «без обеда». Гимназия мало-помалу теряла в моих глазах свой показной блеск.

Не будет преувеличением, если я скажу, что многих наших учителей выводил из обычного для них состояния апатии лишь азарт охотника, преследующего ускользающую добычу. Казалось бы, как привлекательна мо-

жет быть для ребят география, какие горизонты в самом буквальном смысле слова могла бы она открывать им, а между тем даже «немая» карта, висевшая на стене, становилась у нашего географа Павла Ивановича всего лишь западной для ловли тех, кто не знает урока или по близорукости плохо ориентируется в карте. Океаны, острова, джунгли — все это превращалось для нас в некие волчьи ямы.

Заядлым «звероловом» был и другой учитель гимназии, преподаватель словесности Антонов. К доске он вызывал обычно только тех учеников, на чьих лицах видел признаки беспокойства и неуверенности. В этом не было желания помочь отстающим и неуспевающим. Нет, на каждом уроке шла охота, жертвами которой становились самые слабые или рассеянные ученики. Любопытно, что ребята в конце концов перехитрили не слишком догадливого преподавателя. Ученик, хорошо знавший урок и желавший отвечать, начинал ерзать на парте и лихорадочно перелистывать учебник грамматики. А тот, кто боялся вызова, старался всем своим видом показать готовность к ответу и даже поднимал руку. Сбитый с толку «охотник» сам попадал в расставленную им западню.

Антонов был сух, несловоохотлив, больше всего боялся всякой вольности в мыслях и в стиле изложения. Малейшее отступление от букввальности казалось ему недопустимым. Рассказывали, что, заметив в работе одного ученика выражение «глубокая мысль», он дважды подчеркнул его, а на полях написал: «Глубокой может быть только яма». Почему только яма, а не море, не океан? Вероятно, потому, что поблизости от Острогжска не было ни моря, ни океана.

Шутки шутками, а все-таки я и мои товарищи были рады, когда Антонова временно заменил другой педагог. Так пришел к нам в класс Яков Константинович Пустовойтов. Трудно объяснить, почему нам стал так дорог этот учитель отнюдь не импозантной наружности, в слишком длинном сюртуке, который как будто даже мешал ему ходить. Вероятнее всего, он пленил нас своей человечностью. Пусть Яков Константинович тоже частенько прикрикивал на нас, пусть даже давал ребятам самые невероятные прозвища, взятые из классической литературы, мы чувствовали, что наш новый мрачноватый учитель незлобив и только из какой-то понятной нам, детям,

застенчивости, а может быть, и ради самозащиты скрывает свою душевную мягкость и доброту. Какое-то безосибибное чувство подсказывало нам, что в жизни он не очень счастлив и не рассчитывает на блестящую карьеру. А дети почему-то любят таких не слишком удачливых людей.

До сих пор отчетливо помню Якова Константиновича, его добродушно-ворчливый юмор, его хмурую улыбку и хрипловатый грудной голос. Я жалел его до глубины души, когда он приходил в класс на пять минут позже обычного чем-то огорченный. В мире «охотников» и «звероловов», вероятно, не только нам, но и ему несладко жилось.

Пробыл Яков Константинович у нас в гимназии недолго, и больше мы с ним не встречались. Вспоминая прошлое, я ничуть не стыжусь своего детского признания в любви, на которое он ответил мне шуткой.

После ухода Пустовойтова к нам снова вернулся наш старый словесник Антонов. По-прежнему он высился перед нами на кафедре, как некий памятник, и редко едва достаивал нас взглядом из-под очков. Нам стало казаться уже, что Антонов будет неразлучен с нами до конца наших гимназических дней, как вдруг классы поделили между ним и новым преподавателем. По счастью, наш класс достался не Антонову, а еще незнакомому нам педагогу.

Новый преподаватель русского языка и литературы Николай Александрович Поповский сразу поразил нас новшествами, которые мы даже представить себе не могли раньше. С учениками он был вежлив, всем говорил «Вы». Когда он впервые возвратил нам тетрадки с письменной работой, мы не нашли в них отметок. Вместо цифры, выведенной красными чернилами, каждый из нас увидел в своей тетрадке несколько кратких замечаний. Так, например, в тетради одного из первых учеников было написано: «Все правильно, ни одной ошибки, но язык беден, бесцветен, надо читать больше. Н. П.». Эти замечания были так непохожи на те, которые делал на полях Антонов (вроде «глубокой ямы»).

Было ясно: пришел настоящий педагог с совершенно новыми методами и требованиями; учиться у него будет гораздо интереснее. Но по старой привычке, выработанной еще во время нашей долгой войны с «охотни-

ками» и «звероловами», многие из моих соклассников продолжали тратить все свои способности и силы главным образом на то, чтобы перехитрить и нового учителя.

А Николай Александрович будто не замечал этого. На уроках он попросту разговаривал с нами или спрашивал, не вызывая к доске. Тем, кто плохо знал урок, это было только на руку: отвечая с места, легче получить подсказку. Постепенно самые наши отчаянные головорезы и совсем перестали церемониться на уроках нового учителя. Особенной дерзостью отличался отъявленный лентяй и специалист по шпаргалкам Степа Чердынцев. За годы учения в гимназии он ни в чем не достиг такого успеха, как в искусстве подсказки. В этом деле у него не было соперников. Опутав весь класс нитками, как проводами, он передавал и получал шпаргалки, как телеграммы. Отвечая урок, он приклеивал шпаргалку к учительской кафедре. Вероятно, если бы Степа тратил столько же энергии на занятия, он был бы первым учеником.

Но вот однажды, когда Степа преспокойно орудовал своими шпаргалками, Поповский пристально поглядел на него, нахмурил черные брови и сказал громко и раздельно:

— Послушайте, что я скажу вам. Больше месяца я терпел это издевательство. Я ведь все видел, но только мне было стыдно — понимаете ли, стыдно! — ловить вас за руку, как мелких воришек. Кого вы обманываете? Если вы хотите оставаться безграмотными — оставайтесь, воля ваша. Но в таком случае вам незачем занимать эти места за партами. Ведь на них могли бы сидеть честные и способные ребята, из которых вышел бы толк.

Немного помолчав, Поповский продолжал:

— Вот что, господа! Не для того я стал учителем, чтобы донимать учеников единицами и двойками, оставлять без обеда, выгонять из класса. Дайте мне возможность учить вас, а не воевать с вами!

Я уверен, совсем по-иному пошли бы занятия у нас в гимназии, если бы раньше появился педагог, который умел бы говорить с учениками, как со взрослыми, не унижая их достоинства и не роняя своего. Именно так говорил с нами Николай Александрович Поповский на этом уроке, который навсегда запомнился мне. И когда кто-то из шутников, сидевший на последней парте, попро-

бовал передразнить Поповского, его сосед тут же зажал ему рот.

Речь Поповского по-настоящему тронула и взволновала почти всех ребят нашего класса. Поповский, как видно, заметил это и, неожиданно улыбнувшись, сказал своим обычным ровным и звучным голосом:

— Итак, я надеюсь, вы прекратите эту нелепую комедию. А вас, Чердынцев, я попрошу на первой же перемене убрать подальше все свои хитроумные изобретения. Попробуйте жить честно. Я предлагаю вам такой уговор. Завтра у нас в классе будет письменная работа. Я освобождаю вас от нее, но зато вы должны будете тут же, при мне, выучить урок, который я вам задам. Не бойтесь — всего две-три странички, не больше! Зато я вам поставлю в году тройку, а может быть, и четверку. Вы перейдете в следующий класс без переэкзаменовки и хоршенько отдохнете летом. Согласны?

Чердынцев кивнул головой.

На следующий день наш класс стал свидетелем невиданного зрелища. Степа сидел за партой, не поднимая головы, весь погрузившись в книгу, только наши удивленные взгляды немного смущали его: он так любил козырять перед нами своей бесшабашной удалью, а теперь сидел тихо и смиренно, точно обезоруженный пленник.

Однако он скоро оторвался от книги: то вытаскивал часы из маленького тесного кармана в брюках, то снова прятал их. Затем он принялся точить карандаш.

— Ну, как дела? — спросил у него наконец Поповский. — Надеюсь, вы готовы? Что же вы молчите? Я спрашиваю, можете ли вы отвечать?

Чердынцев с трудом поднялся с места и, глядя куда-то в сторону, пробормотал сквозь зубы:

— Не могу... не умею...

И вдруг он, как-то странно надувшись, засопел и заплакал громко, как не плакал даже в первых классах. Захлебываясь, вытирая кулаком слезы, он твердил:

— Не могу... ничего запомнить не могу... способностей нет...

Поповскому так и не удалось перевоспитать Степу, испорченного и родителями и учителями. Но у меня в памяти Николай Александрович остался как первый настоящий педагог. Не преподаватель, а именно педагог. Вряд

ли он пришелся ко двору в нашей гимназии, где большинство учителей состояло из чиновников, знавших только одно: от сих до сих. Талантливый, умный, широко образованный, Поповский мог бы найти более блестящее и выгодное применение своих сил и способностей, чем должность преподавателя в уездном городе. Но он был педагогом по влечению души, по призванию.

И все же одна ласточка весны не делает. Как бы ни были талантливы отдельные педагоги, школа сильна прежде всего своим учительским коллективом. Только общий его высокий уровень гарантирует подлинный успех дела.

Вспоминая гимназическую старину, я рассказал здесь о делах и людях давно минувших дней. За годы Советской власти сеть школ охватила всю страну. Из небольших городов, расположенных где-нибудь за Полярным кругом, я получаю письма от ребят и узнаю, что в одном городе — двадцать, в другом — тридцать, а в третьем — и пятьдесят школ. И строится наша школа на совсем иных началах, чем гимназия, в которой я учился. Вряд ли встретишь в нашей школе Антонова или нашего географа — «зверолова». И все же и сегодня ходят еще в учителях люди, равнодушные к детям и к делу воспитания.

Разве редки у нас случаи, когда юноша или девушка идут в педагогический институт только потому, что не прошли по конкурсу в какой-нибудь другой институт? Лишенные музыкального слуха люди не могут поступить в консерваторию, а вот педагогический институт доверчиво открывает двери перед людьми, лишенными «педагогического слуха». Вот почему еще и сегодня можно встретить учителя, находящегося в состоянии войны со своими учениками, еще и сегодня в школах проводятся уроки, от которых веет скукой и казенщиной. Все это не может не волновать каждого.

Вопросам воспитания уделяется у нас место не только в педагогической, но и в общей печати. То и дело раздаются голоса молодых и старых педагогов, обличающих закоренелые недостатки школы. Но я полагаю, что прежде всего следовало бы глубоко задуматься над тем, как улучшить работу в педагогических институтах.

В. НЕМЫЦКАЯ,
учительница

Когда я вспоминаю свои далекие школьные годы, передо мной прежде всего возникает светлый образ Алексея Алексеевича Соколова, инспектора нашей 5-й московской гимназии (должность инспектора в тогдашних казенных гимназиях соответствовала нынешней должности завуча).

Верно, очень светлая душа была у этого человека, если он сумел сохранить ее среди бездушия и казенщины, с которыми ему, несомненно, приходилось на каждом шагу сталкиваться.

Когда мы пришли в гимназию, ему было лет пятьдесят. Никаких условностей он не признавал, если за ними не скрывалось что-нибудь разумное. Его естественность и простота являли разительный контраст с той чисто внешней чинностью и благовоспитанностью, которую нам всячески стремились привить.

На всю жизнь врезалось мне в память одно маленькое происшествие. Я очень любила игру в «чижики». Теперь она не в ходу, а тогда это была самая любимая игра так называемых «уличных мальчишек». Почему это была именно их игра — сказать трудно. Думаю, потому, что она не требовала никаких затрат, ничего, кроме деревянной чурочки и лапты, которые мальчишки, конечно, без труда, делали сами. «Приличным» детям играть в «чижики» считалось зазорно. Дети нашего двора всегда играли в «чижики», а я была по этой части просто виртуозом.

И вот однажды весной, когда нас стали выпускать на гимназический двор, принялась я с жаром обучать гимназических подружек этому делу. Присутствовавшие здесь классные дамы поджали губы и зловеще безмолвствовали... Через несколько минут во двор спустился Алексей Алексеевич и, как всегда, без всякой улыбки, просто и спокойно сказал нам:

— А ну-ка, покажите мне, как это вы тут в «чижики» играете.

Я с полной готовностью положила «чижика» в круг, «пробила» по всем правилам искусства и вопросительно посмотрела на Алексея Алексеевича.

— Что ж, — раздумчиво сказал он, — ничего плохого я здесь не вижу. Играйте, играйте!..

Но вот «чижики» ушли в прошлое. Алексей Алексеевич пришел к нам в класс преподавателем. В это время мы уже знали, что он болен туберкулезом. Мы сидели на его уроках тихо, как мыши: мы берегли его.

Знали мы также, что последние годы он каждую весну собирался выйти в отставку, но каждую весну приходили к нему девушки, перешедшие в последний класс, и упрашивали остаться только еще на один год, пока они не кончат. И Алексей Алексеевич, растроганный, соглашался остаться еще на год. Так же весной 1917 года ходили к нему и мы. И он так же согласился остаться еще на год.

Осенью 1917 года прогремела Октябрьская революция. Даже в наших далеких от политической жизни казенных женских гимназиях повеяло свежим воздухом: мы с увлечением стали выпускать рукописный журнал, появились литературный и исторический кружки, класс разбился на «партии». Настоящего понимания обстановки было мало, но горячности и желания ее понять очень много. У нас чаще стали устраиваться вечера, на них гремела «Песня о Соколе». Алексей Алексеевич бывал на наших вечерах не начальством, а самым дорогим и желанным гостем. А чувствовал он себя все хуже и хуже, и мы это замечали и, несмотря на свою «кипучую деятельность», беспокоились за него.

Условия жизни давно уже стали очень тяжелыми, в гимназии на завтрак вместо прежних котлет и пирогов мы получали по куску черного хлеба с солью. В классах было очень холодно. Как сейчас помню: Алексей Алексеевич в холодный зимний день за учительским столом в нашем классе, укутанный поверх форменного мундира шерстяными платками. Он принимал эту заботу девочек так же просто, как делал все. И вот настал горький день, когда он слег. Мы просили дать адрес, чтоб навестить его, но классная дама сказала, что нас решено не пускать к нему из опасения, что мы будем «шуметь», что нам разрешают только написать ему письмо. Мы были уже 17-летними девушками, да никогда не шумели при нем и в гимназии... Мы были оскорблены и возмущены. Решено было во что бы то ни стало достать его адрес, а пока поневоле ограничились письмом.

Развязка наступила неожиданно быстро. Алексей Алексеевич умер. Нам сказали, что незадолго до смерти он читал наше письмо и плакал.

Горю нашему не было конца. Мы не могли примириться с тем, что нас к нему не пустили. Как он был бы рад, если бы мы к нему пришли!

Прошло почти полвека, прошла длинная, тревожная жизнь, наполненная людьми и событиями, но образ Алексея Алексеевича встает передо мной так ясно, как будто я видела его только вчера. И этот образ не тускнеет для меня — сильны детские и юношеские впечатления. Так же сильны они, конечно, и у других учеников.

Это счастье и для учителя, и для его учеников, если учитель ясно помнит себя и своих товарищей в детские и юношеские годы и умеет понимать своих ребят со всеми особенностями их возраста, если он умеет идти впереди них как старший друг, умеет обходиться без излишней сентиментальности и без грубых окриков, не давит сверху, не нависает над детьми, как грозная, карающая палка. В последнем случае не ждите от детей доверия.

Как важно бывает не пожалеть времени и самому посмотреть, что такое этот самый «чижик» и так ли уж он страшен... Именно самому посмотреть, а не верить на слово современным «классным дамам», которые, к сожалению, нет-нет да и встречаются у нас и среди родителей, и среди учителей. Как часто из-за какого-нибудь «чижика» ребята у нас приобретают плохую репутацию, в то время как они повинны только в том, что шумны, подвижны и создают нам лишние хлопоты! А ведь плохая репутация, незаслуженно сложившаяся в школе, очень живуча. Бывает, что она причиняет ученику большую боль и озлобляет его. В таком случае мы приходим к результатам, противоположным тем, к которым стремимся.

Часто репутация «трудных» появляется у ребят совсем незаслуженно — из-за одного какого-нибудь поступка, иногда просто неправильно расцененного. Помню случай, когда несколько учащихся десятого класса отравились вместе в кино. Девочкам захотелось мороженого, а денег не было. Тогда один из мальчиков, Федоров, снял свои галоши, тут же продал их (что сделать было очень просто, так как это был послевоенный год) и угос-

тил девочек мороженым. Случай этот стал известен в школе и расценен завучем как хулиганство. С тех пор, рекомендуя новому учителю класс, завуч всегда предупреждала, что там учится Федоров, а Федоров — это «о!». А почему, собственно, «о!»? Другие учителя смеялись и говорили, что, наоборот, это, можно сказать, самоотверженный поступок и пожалеть только можно маму, которой не так-то легко было достать ордер на новые галоши. Но завуч была непреклонна, и новые учителя, начиная работу в классе, уже относились к Федорову предубежденно. В чем было дело, толком они и не знали, оставалось «общее впечатление», что Федоров «трудный».

Однажды два товарища перед экзаменами повторяли материал, стоя у окна школьного коридора и разложив книжки на подоконнике. Начался экзамен. Один из мальчиков сдал на «5». Но разве мог он уйти домой, если друг еще не отвечал? Он подсматривает в щелку двери и к ужасу своему видит, что товарищ стоит перед доской и молчит. А материал — тот самый, который они вместе повторяли и оба так хорошо знали! Что делать? Мальчик распахивает дверь и громко говорит: «Окно». И тут экзаменуемого мгновенно «осеняет», и он начинает отвечать уверенно и толково. Что это? Нарушение дисциплины? Конечно, да еще какое! Но ведь понятно, что мальчик не мог удержаться, когда увидел, что товарищ «тонет», просто растерявшись, и что можно помочь одним только словом. И разве нарушитель не симпатичнее тех учеников, которые, ответив сами, спокойно уходят домой, а до товарищей им и дела нет? Но еще долго некоторые учителя говорили: «Вы помните, как этот Иванов нахально ворвался на экзамен? Он такой недисциплинированный!..»

Если ученик грубо отвечает учителю или если вдруг впадает в nepозволительную фамильярность, учителю стоит подумать, не дал ли он сам повода к этому.

Коля П. из X класса был тихим, и никто никогда на него не жаловался. Но вот однажды в школьном коридоре сломались два выключателя, и Коле вместе с Гришей, учеником IX класса, было поручено починить выключатели в перерыве между сменами. В это время дежурным по коридору был один из учителей младших классов, совсем не знавший старших ребят и принадле-

жавший к числу тех «педагогов», которые в любом поступке ученика непременно подозревают какой-нибудь подвох. Увидев ребят, возившихся с выключателями, он мгновенно решил, что ребята хотят их украсть. Зачем ребятам выключатели (если даже предположить, что они воры), об этом учитель не подумал. Он неслышно подкрался и «огорошил» учеников вопросом: «Что, украсть хотите?» — «Молчи, акробат!» — услышал он в ответ («Акробат» было прозвище, данное ему учениками). Сейчас же в крайнем негодовании отправился учитель к директору с жалобой на оскорбивших его.

Оскорбить учителя — дело из ряда вон выходящее, но классный руководитель был спокоен: не мог его тихий Коля сказать учителю такую дерзость! Так и заявил директору. Но на другой день, когда классный руководитель был один в учительской, к нему явился Коля.

— Это не Гриша, это я, — сказал он, опустив голову.

— Как ты мог так грубо ответить?

— Он меня назвал вором, я вспылел и себя не помнил...

Неважно в данном случае, как все это разрешилось. Важно то, что и пострадавший учитель, и директор, и родители Коли, и классный руководитель — все изрядно потрепали себе нервы. А ведь ничего этого не было бы, если бы учитель умел видеть в ученике личность, требующую уважения к себе, и не считал бы, что ученик должен безмолвно и безропотно принимать все, что ни вздумается учителю сказать...

Молодую учительницу Киру Михайловну по окончании вуза направили на работу в ту же школу, которую она окончила. Учителя с радостью приняли свою бывшую ученицу, способную и трудолюбивую, бывшую в школе на хорошем счету. Сначала, казалось, все шло гладко. И вдруг разразился скандал: Кира Михайловна ушла с урока из X класса и бросилась с жалобой прямо к директору. После уроков другие учителя были срочно вызваны туда же. Кира Михайловна, красная, взволнованная, показывала деревянного мужичка с балалайкой в руках, который, если дергать за веревочку, играл на своей балалайке.

— Вы подумайте, — говорила Кира Михайловна, чуть

не плача, — Боков, этот мальчишка, этот нахал, вытащил из парты эту вот гадость и спрашивает: «Кира Михайловна, что вам сыграть: фокстрот, танго или, может быть, что посовременнее?» И весь класс хохочет, вместо того чтобы остановить его.

— Боков? — ахнули учителя. — Да он тише воды, ниже травы!

Вскоре загадка поведения Бокова была разгадана. Возбужденные ребята заканчивали последние приготовления к новогоднему вечеру. Деятельное участие принимали и классные руководители.

— Нет, вы посмотрите на него, — сказала вдруг Кира Михайловна, притягивая за руку упиравшегося Петю К. из того же, что и Боков, X класса, — вы только посмотрите, какой он стал! Вы посмотрите, какие у него глаза! А ресницы! Редко у девушки найдешь такие!

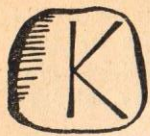
И она погладила вконец сконфуженного Петю по голове, для чего ей пришлось слегка приподняться на цыпочки. И тут стала ясна история с Боковым: он усвоил тон самой Киры Михайловны и, увлекшись, продолжал «игру» на уроке, к полному удовольствию ребят.

Можно и играть, и танцевать с ребятами, можно ходить с ними в походы, можно вести с ними дружеские беседы, но у настоящего учителя между ним и учениками всегда бывает какая-то грань, которую никогда не переступят ни он, ни ученики. Ее не надо создавать искусственно, она возникает сама собой. Если же учитель держится с учениками запанибрата и они ему платят той же монетой, то, кроме себя, ему и пенять не на кого.

Примеров, подобных этому, можно привести немало. Я говорю о них потому, что считаю это одной из слабых сторон в работе школы: фатальным образом виноваты оказываются в конфликтах всегда и во всем только дети. Почему школьник «сорвался», в чем корни того или иного его поступка — об этом мало кто задумывается.

Ученик должен чувствовать, что в него верят. Он никогда не должен видеть досадливо отмахивающуюся при одном лишь упоминании его имени руку.

Вера в человека и уважение к нему, а главное — справедливость — вот что должно лежать в основе работы учителя. Тогда он оставит «незримый прочный след в чужой душе на много лет».

М. МОЛОТКОВ,
старый большевик

Когда меня просят рассказать о моем детстве, сразу вспоминаю чеховского Ваньку Жукова. И хозяин мой, которому меня отдали на учение в город, был удивительно похож на того, что описан в рассказе, и дед мой, добрый и ласковый, у которого я жил в деревне, тоже словно шагнул из моей биографии на страницы книги. Но был в моем детстве еще один человек, навсегда вошедший в мою жизнь. И о нем мне сейчас хочется рассказать.

Если сумел я не озлобиться на всех и сохранить веру в людей, несмотря на все издевательства и побои, которые довелось перенести, то этим я прежде всего обязан нашей сельской учительнице Анне Петровне Седовой. Это у нее учился я до того, как попал в город. В нашей земской школе, занимавшей половину избы, где в тесноте, но не в обиде помещались все три класса, мы, деревенская детвора, получили первые уроки грамоты.

Стройная, худенькая, в строгой своей одежде, Анна Петровна сейчас встает передо мной, какой она была тогда, учительница, открывшая мне свет знаний, навсегда оставшаяся примером чуткости и доброты. Ее любили не только мы, дети, но и все взрослые в деревне — наши матери, отцы, деды. В самые трудные минуты они шли посоветоваться с ней, и она никогда никого не оставила без помощи: вечно хлопотала за кого-то, писала письма по просьбам неграмотных, давала читать книги тому, кто был грамотен. Мать ее учила моего отца, и Анна Петровна в той же самой школе занималась с нами, детьми учеников своей матери. Ее судьба была точно неотрывна от наших судеб, и все мы чувствовали это.

Я вспоминаю уроки Анны Петровны. Она много читала нам, и своей любовью к книге я обязан прежде всего ей. Из ее рук я впервые получил томики Гоголя, Лермонтова, Толстого. И всякий раз, когда доводится мне теперь открыть эти замечательные книги, я снова с благодарностью думаю о своей учительнице. Тот интерес к печатному слову, который удалось ей заронить в наши души, стал залогом и основой самообразования, а для людей моей судьбы это было особенно важно. И эта же

тяга к печатному слову привела меня, рабочего паренька, в революционные кружки, к запрещенным книгам, которые указывали пути борьбы и счастья.

Анна Петровна обладала многими высокими качествами учителя, которые давали ей возможность воспитывать у своих учеников лучшие человеческие черты. Большое счастье мое, что довелось мне встретить ее в самом начале жизненного пути. И какие бы люди ни вставали на моей дороге потом, как бы мрачно ни выглядела действительность, я уже знал — есть на свете высокие и светлые души. И это придавало силы, рождало стремление быть лучше, чище, добрей.

Я не знаю, как сложилась судьба чеховского Ваньки Жукова, а мою судьбу преобразила революция, открывшая новую жизнь для таких, как я. Еще совсем молодым пареньком, работая на заводе, примкнул я к революционному движению, и, наблюдая тех, кто занимался с нами в революционных кружках, я почему-то всегда думал о своей учительнице. Они напоминали ее и скромной и строгой манерой держаться, и всем своим внутренним складом: высокой душевной культурой и простотой. И то доверие, которое я ощутил к этим людям, как-то сразу связалось в моем сознании с доверием и любовью к первой учительнице.

Вы уже, наверное, поняли, что Анна Петровна прежде всего покорила мое детское сердце своей отзывчивостью и добротой. Как умела она радоваться нашим успехам и как огорчалась, если мы ленились или, того хуже, поступали плохо! И надо ли говорить, что все мы были счастливы, когда могли доставить своей учительнице радость. Мы старались не из боязни перед ней, а из любви и уважения.

Преподавал в нашей земской школе закон божий один священник. Помню, за незнание он здорово колотил нас или загонял за печку, где кишели тараканы. Мы очень его боялись, отвечали же на его уроках плохо. А вот Анна Петровна никогда никого из нас пальцем не тронула, но как волновались мы, когда чувствовали, что недостаточно выучили урок, как старались лучше ответить! Мы гордились каждой похвалой нашей учительницы, и мне до сих пор доставляет удовольствие вспоминать, что я был у нее первым учеником. И когда однажды в третьем классе она поручила мне в знак

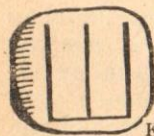
признания моих успехов самостоятельно провести урок, моему счастью не было конца.

Об Анне Петровне я бы мог рассказывать и рассказывать. Я прожил долгую жизнь, повстречал на своем пути много интересных людей. Мне выпало огромное счастье видеть Владимира Ильича Ленина, говорить с ним. Я был знаком со многими выдающимися деятелями нашего государства. Но навсегда в памяти моей среди воспоминаний об этих замечательных людях, с которыми свела меня судьба, почетное место занимает скромная моя учительница.

Ее умение пробудить в детях стремление быть лучше, зажечь любовь к знаниям многое подсказали мне, когда, став отцом, я воспитывал своего сына. И хотя ему ни разу не довелось увидеть Анну Петровну, он столько слышал о ней от меня, что тоже считал ее своей наставницей. Об этом он писал мне в одном из своих писем, присланных с фронта, и я до сих пор храню это письмо.

Мой сын, Владимир Молотков, погиб при освобождении города Черкассы. За храбрость, проявленную в бою, ему присвоено звание Героя Советского Союза. Когда меня просят рассказать о тех, кто оказал влияние на формирование характера сына, я называю и свою старую учительницу — Анну Петровну Седову.

В 1960 году в городе Дмитрове, неподалеку от того села, где довелось мне учиться, мы неожиданно повстречались с ней. Она узнала меня, и мы обнялись. Но тогда я как-то не сумел сказать ей всего того, что хотелось. Пусть прочтет она эти строки, как знак глубочайшей благодарности от ученика, который стольким обязан ей в своей жизни.

колу я окончил в семьдесят три года, уже после того как вышел на пенсию. В юности мне не пришлось доучиться, тому было много причин: необходи-

М. ЗИНЧЕНКО,
пенсионер

мость работать, чтобы обеспечить семью после смерти отца, война. И все-таки, если на склоне лет я снова вернулся к учебе, то немаловажную роль сыграли тут те навыки и привычки, которые я получил еще в детстве, занимаясь в городском училище, где начинал свое образование. Именно об этом и хочу прежде всего сказать, задумываясь о роли учителей в моей жизни. Пусть не смог я тогда завершить учебу, — стремление к знаниям и умение с пользой организовать досуг привили мне те, кто учил меня в детстве.

Я вспоминаю наше училище, тех, кого послала нам в наставники судьба. Разные это были люди. Низенький старичок в вицмундире, смотритель училища, преподавал нам историю и географию. Но от учеников он требовал прежде всего субординации. Мы не любили его и дали ему прозвище Варнава. Пожалуй, он был типичен в какой-то мере для тех педагогов, которые учили нас. И если я с благодарностью вспоминаю школу, то потому, что были у нас и другие учителя, умевшие привить интерес и к своему предмету, и к знаниям вообще. Преподаватель математики Алексей Семенович Кравченко, несомненно, относится к их числу.

Уже старик, внешне суровый, в очках, с глуховатым голосом, он на первый взгляд не вызывал симпатии, но был уважаем и любим учениками. Не в пример другим своим коллегам, он всегда ходил в гражданском платье, точно не признавал всей той казенщины, которая царила вокруг. Он преподавал нам математику и был действительно большим специалистом своего дела. Свою задачу он видел и в том, чтобы содействовать нашему общему развитию, помочь нам осмыслить происходящее в жизни.

То было бурливое время первой русской революции — 1904—1906 годы. И наш учитель запросто беседовал с нами о событиях дня, объясняя происходящее. Многие из того, что прочли мы в политических книгах и брошюрах, которыми начали интересоваться, становилось нам ясней и понятней благодаря Алексею Семеновичу. Сын его, студент, был сослан царскими властями в Сибирь, и я думаю, что в свое время Алексей Семенович оказал влияние на формирование его взглядов. Каждый из нас также ощущал на себе влияние любимого учителя. Я не знаю, стал ли кто-нибудь из его учеников революционером, но всех он заставил задуматься о том, что не

единым хлебом жив человек, пробудил желание с пользой для людей прожить жизнь. Всякий педагог, наверное, должен учить этому, учить, не кривя душой, не уходя от самых острых вопросов, волнующих молодые сердца.

Почему мы так верили Алексею Семеновичу, почему все, что он говорил, не воспринималось нами как морализирование? Да все потому, что все мы видели и знали, что учитель наш чужд всякого лицемерия, что он говорит нам только то, во что верит сам. И мы тоже всей душой верили ему.

Наш преподаватель математики стал для нас подлинным учителем жизни. Ему мы обязаны, прежде всего, воспитанным в нас желанием быть полезными людям. Он как бы приоткрывал для нас высокие цели, ради которых должен жить человек. И потому так убедительно было то, что он говорил нам, разъясняя, например, вред водки, курения, лени,— всего того, что обедняет жизнь человека, заставляет его тратить время на ненужные вещи.

Что касается меня, то жизнь рано показала мне, как справедливы были эти утверждения учителя. Мой отец, рабочий, много пил, и я видел, как в пьяном виде он становится непохожим на себя, допускает издевательства над близкими. Все это вместе воспитало во мне отвращение к курению, алкоголю, непреодолимое желание всегда с наибольшей целесообразностью использовать досуг, не терять попусту времени. И когда я вышел на пенсию, то не мог, как иные мои коллеги, удовлетвориться времяпровождением за картами и лото. Дело нашлось — надо было помогать в учебе дочурке, которой нелегко давалась учеба. И я решил, что будет неплохо, если получу квалифицированные знания в объеме средней школы. Я окончил ее заочно. Когда получал аттестат, вспомнил и своего старого учителя Алексея Семеновича, потому что неизвестно, как бы сложилась моя старость, если бы он не пробудил у меня этой нетерпимости к ничегонеделанию, не научил стремлению жить так, чтобы не стыдно было перед собой. Спасибо ему за это, наставнику моему!

Я думаю о благородном труде учителя. Если удалось мне в семьдесят три года окончить школу, то в известной мере сказалося тут то, что в течение всей жизни я осве-

жал свои знания, нередко по просьбе соседей помогая детям в занятиях. И все-таки если за шестидесятилетний перерыв в учебе я не все позабыл из того, что узнал в детстве, то разве это не заслуга тех, кто преподавал в том дореволюционном городском училище, где я впервые соприкоснулся с наукой.

Труд учителя тоже проходит испытание временем. Он измеряется не только тем, насколько успешно сдает недавний ученик экзамены в институт, когда еще свежи его знания, но, если хотите, и тем, может ли отец помочь своей дочери решить алгебраическую задачу, может ли мать подсказать сыну, как лучше подготовиться к сочинению по литературе. Дать знания, пробудить интерес к их пополнению — вот благородная цель учителя.

Теперь, обозревая пройденный по жизни путь, я могу сказать, что мой учителя, в первую очередь Алексей Семенович Кравченко, справились с этими задачами. Я и теперь, окончив школу в свои семьдесят три года, чувствую потребность в дальнейшей учебе. Особенно меня интересует радиотехника, и весной я, по-видимому, поступлю на специальные курсы. Меня живо интересует также краеведение, привлекает работа над архивными документами из истории Восточного Казахстана. Я изучаю казахский язык, но многие из интересующих меня документов написаны по-арабски. Если представится возможность достать учебные грампластинки на арабском языке, я не премину приступить и к его изучению.

Конечно, не только школе обязан я тем, что не умею сидеть сложа руки. Многолетняя работа на производстве выработала неодолимую привычку к труду. Все же есть исток у этого постоянного стремления к деятельности, и берет он начало еще в школьных годах, это я могу сказать твердо, здесь не будет ни натяжки, ни преувеличения.

Именно сознание того, как важны для человека знания и навыки, приобретенные в детстве, заставляет меня сегодня уделять много времени ребятам. Я член домкома, занимаюсь бытовыми вопросами, знаю, что многое, еще вызывает тревогу в воспитании детворы. И когда на совещаниях, где обсуждаются эти вопросы, слышу упреки в адрес школы или милиции, я думаю о нас, родите-

лях. Не всегда еще мы умеем внушить детям должное уважение к педагогу, стать его помощниками в нелегком его труде. Многие отцы и матери могут рассказать о той помощи, которую оказывает им школа. Но все еще мало учителей, которые получают такую же помощь от семьи.

По своему собственному опыту я знаю, как велика роль педагога в жизни человека. От нас зависит сделать так, чтобы влияние учителей на наших ребят стало еще глубже, всесторонней, действеннее.

Б

Р. ВИНОГРАДОВ,
кандидат технических наук

Больше всего обязан я тем, что стал математиком, преподавателю словесности Николаю Ивановичу Шатерникову. То же самое, я думаю, могли бы сказать ученики нашей бывшей 10-й московской гимназии, ставшие потом известными писателями: Василий Иванович Лебедев-Кумач и Петр Григорьевич Скосырев. Вполне естественно, преподаватель литературы воспитал любовь к литературе, и люди стали писателями. Однако, факт: я — не литератор, а тоже считаю себя учеником Николая Ивановича Шатерникова. И не я один. Кто не знает в нашей стране выдающихся хирургов — Бориса Александровича Петрова и Дмитрия Алексеевича Арапова? Они тоже — благодарные ученики Шатерникова.

В чем же дело? А в том, что он передал нам самое главное — умение вдохновенно трудиться. Это же счастье — влюбленность в свой труд! Эту влюбленность в свое дело мы перенимали у самого Николая Ивановича.

Полвека — срок немалый. Но я и сейчас помню, как входил Николай Иванович в класс, как начинал урок, как говорил и что говорил, как спрашивал учеников. Все до мелочей помню!

Николай Иванович Шатерников очень много знал, мы всегда поражались глубине и разносторонности его знаний.

Но порою учитель немало знает, а не может передать свои знания, увлечь учеников. Учителю важно обладать не только даром красноречия. Еще важнее — даром

убеждения. Вот в этой связи мне вновь хочется говорить о Николае Ивановиче Шатерникове.

Мы знали, что он — автор книги стихотворных переводов римских и греческих древних поэтов... Отвлекусь: и теперь, когда я бываю в Ленинской библиотеке, к удивлению работающих там товарищей, беру книгу переводов Шатерникова. Как-то, извинившись, библиотекарьша спросила у меня, какое отношение имеет эта книга к моим математическим изысканиям. Я ответил: «Прямое. Это мой учитель». Перелистываю страницы этой книги, и ко мне приходит вдохновение юности.

Шатерников был весьма разносторонним лингвистом и литературоведом. В третьем классе гимназии он вел латинский язык и синтаксис русского языка. Хорошо зная ряд европейских языков, Шатерников легко проводил параллели между формами и оборотами в различных языках и тем сильно заинтересовал нас. Благодаря живому интересу и знания прочно укладывались в головы. Сейчас, через 50 лет, я хорошо помню и эти уроки и синтаксис русского литературного языка знаю.

В четвертом классе гимназии Николай Иванович преподавал церковнославянский язык; читалось Остромирово евангелие в подлиннике. Здесь в полной мере развертывалось умение Шатерникова дать яркую картину исторического развития языка как в отношении лексики, так и в отношении форм склонений, спряжений и т. п. Каждому современному языковому обороту давал он полное историческое объяснение. В том же классе изучался курс теории словесности.

В пятом классе изучали историю русской литературы, причем ученики познакомились с большим числом народных сказаний и песен, которые впоследствии легли в основу художественных произведений наших классиков. Шатерников уделял большое внимание народному творчеству западных стран — песням менестрелей, трубадуров, народному театру, мистериям, а также древнему театру Греции и Рима. Весьма подробно проходило «Слово о полку Игореве» — с разбором как исторической обстановки, так и языковых особенностей этого произведения. Проходили также русскую литературу, кончая XVIII веком, то есть Державиным.

В шестом классе гимназий изучалась эпоха Пушкина,

его предшественников и продолжателей. Шатерников давал тончайшую характеристику литературным оборотам и формам, показывал, что из народного говора вошло в золотой фонд языка в качестве пословиц и поговорок. Он читал нам «Войну и мир» Л. Толстого. Как положительными, так и отрицательными примерами Шатерников успешно прививал учащимся хороший вкус в языке.

После гимназии я не занимался ни русским языком, ни литературой, но на всю жизнь остались твердые и ясные знания и любовь к родной литературе.

Шатерников не был догматиком, он был человеком творческим. Он учил нас размышлять над прочитанным, думать по-своему, говорить по-своему. В этом — немаловажная черта педагогического дарования нашего учителя.

Николай Иванович Шатерников провел с нами годы. Но мне хочется сказать и о другом человеке, с которым мы провели вместе всего часов сорок. Он появился в нашей гимназии, когда мы учились в седьмом классе, раз в неделю преподавал нам гигиену. С самого начала мы весьма иронически отнеслись к этому нововведению — курсу гигиены. Говорили: «Придет фельдшер и будет рассказывать, как надо в чистоте содержать квартиру и спать с открытыми окнами». Остротам и шуткам не было конца. Как мы ошиблись! В класс вошел Константин Мануилович Беляев. Мы были потрясены: все знали его. Главный хирург Московского травматологического института был одним из популярнейших людей в Москве.

Шла империалистическая война. Москва была полна ранеными. Все мы знали о сложных операциях, которые делал Беляев, о нем часто писали в газетах. И вот этот человек у нас. Он вызвал такой интерес к изучению медицины, что многие стали его последователями. Тут прежде всего надо сказать о профессоре, генерал-лейтенанте медицинской службы, докторе медицинских наук Дмитрие Алексеевиче Арапове и о Борисе Александровиче Петрове, которые стали его учениками сразу же после окончания гимназии, учениками на всю жизнь.

Уроки гигиены были для нас откровением. Всегда безупречно аккуратный, внимательный, тонко реагирую-

щий на чувства и пожелания собеседников, Беляев в классе производил на учеников незабываемое впечатление. И всегда мы чувствовали в нем старшего товарища — это я особо хочу подчеркнуть.

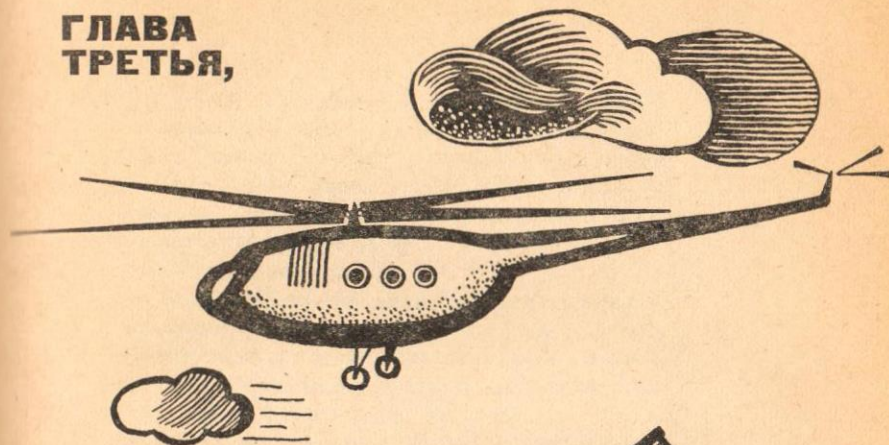
Ученики живут не только тем, что делается в своей школе, но знают о хорошем и дурном в других школах. Мне бы хотелось рассказать об одном знаменательном факте, который волновал нас тогда и дал повод для раздумий.

Группа педагогов во главе с Е. А. Кирпичниковой и П. Н. Поповой организовала на Знаменке (ныне улица Фрунзе) гимназию с новым педагогическим направлением. Во-первых, это была первая в России гимназия с совместным обучением мальчиков и девочек, во-вторых, была поставлена цель: предоставить возможно больше простора инициативе самих учащихся. Шли даже на некоторое снижение требований по большинству предметов, если учащийся проявлял живой интерес к какому-нибудь одному, показывал при этом большую активность. Вначале это направление было встречено скептически, и московский учебный округ с большим трудом дал разрешение на открытие гимназии. Но принцип оправдал себя блестяще — гимназия выпустила целую плеяду выдающихся деятелей с ярко выраженной индивидуальностью. Гимназию Е. А. Кирпичниковой, а позже П. Н. Поповой, окончили выдающиеся артисты Е. Вахтангов, Р. Симонов, И. Ильинский, писатель П. Антокольский, математик П. Урыссон (он в содружестве с П. Александровым создал новую важную область математики — топологию, которая развивала и обобщала идеи пространства, изложенные в трудах Лобачевского, Римана и Эйнштейна), Б. Стерлигов (мастерская, созданная Стерлиговым и Ноздровским, стала базой для развития производства советских аэронавигационных приборов), крупнейший советский физик, академик А. Андронов, предшественник И. Курчатова.

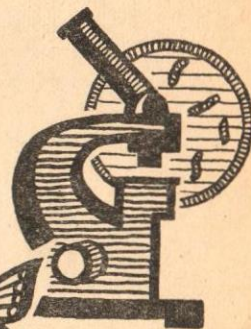
Можно удивляться, насколько полно оправдались идеи организаторов гимназии, в том числе и идея совместного обучения юношей и девушек. Гимназия дала целый ряд выдающихся деятельниц в различных областях знания. В качестве примера приведу имя профессора, доктора медицинских наук, — А. Горбуновой, возглавляющей школу советских вирусологов.

И не только Р. Виноградов говорил нам о роли учителя в судьбе ученика, ищущего свою дорогу в жизни. Много волнующих рассказов нам посчастливилось услышать о том, как учитель помогал людям найти призвание. Беспредельна благодарность учеников, имена учителей по праву становятся в ряд с их именами, потому что учитель стоял у истоков всего того, что дал людям его ученик. Мы рады были, когда удавалось проследить эти истоки. Из таких рассказов и состоит

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

В КОТОРОЙ
РЕЧЬ ПОЙДЕТ

О ПРИЗВАНИИ

И В КОТОРОЙ
ВЫСТУПАЮТ:

академик, Герой Социалистического Труда, лауреат
Ленинской премии К. СКРЯБИН,
рекордсмен мира по вертолетному спорту
Р. КАПРИЛЯН,
инженер С. ЛАРИН,
доктор физико-математических наук И. МАРШАК,
лаборант А. АБРОСИМОВ,
начальник отдела научно-исследовательского института
Е. КОЛОБАЕВ

«Только математика» — так называется заметка в «Юности». Со страницы журнала смотрит на нас юноша. Взгляд спокойный, безмятежно устремленный куда-то вдаль. Глядя на этот снимок, и не подумаешь, какая беспокойная душа у этого человека. Теймуразу Вепхвадзе 20 лет.

Что значит «только математика»!

Француз Лиувилль, великий математик, даря человечеству свои формулы, говорил: «Кто хочет, пусть попробует вывести их сам». Многие хотели, многие пробовали. Более ста лет формулы дразнили математиков, но разгадать «загадку Лиувилля» не удавалось.

...Тбилисский студент Теймураз Вепхвадзе вывел формулу Лиувилля. Сообщение об этом облетело все газеты. — Почему вы занялись математикой? — спросили Вепхвадзе.

— Почему? — ответил Вепхвадзе. — Человек не рождается математиком или физиком. Я, например, еще лет шесть назад предпочел бы майку тбилисского «Динамо» любой иной славе. У меня был первый разряд по футболу, я играл за юношескую сборную Грузии. Большой футбол был самой большой моей мечтой.

Я, наверное, никогда бы не изменил футболному мячу, если бы не мой школьный учитель Шота Яшвили. Он был убежден, что на свете нет науки прекраснее, чем математика. И он умел убеждать в этом нас, своих учеников. Мы решали задачи, которые не входили в программу, занимались в школьном кружке и постепенно учились познавать красоту этой на первый взгляд сухой науки.

В девятом классе я впервые принял участие в республиканской олимпиаде юных математиков и вошел в число победителей. Это меня окрылило. Затем победы на других олимпиадах, в том числе и на Всесоюзной! К каждой олимпиаде приходилось готовиться весьма основательно, и постепенно, как-то незаметно даже, математика стала для меня самым главным в жизни. Когда я окончил школу, вопроса кем быть не было. Только математика!

Мы списались с Теймуразом Вепхвадзе и попросили его рассказать подробнее о своем учителе. Вскоре пришло ответное письмо:

«Мне всегда приятно вспомнить моего школьного учителя Шота Ивановича Яшвили. Заслуженный педагог Грузии, он 33 года служит воспитанию советской молодежи. Под его руководством вот уже восемнадцатый год выходит учебник по математике для 1-го и 2-го классов. Кроме педагогической деятельности, Шота Яшвили плодотворно работает в области методики преподавания математики. Опубликовано несколько его трудов.

В школе я сначала не отдавал предпочтения ни одному предмету, все они хорошо давались мне. Но вот я начал учиться у Шота Ивановича, и я понял, что математика может стать неотделимой частью моей жизни. Он учил нас математике, как большой актер передает свой опыт начинающим. Присутствовать на уроке Шота Ивановича было для меня одно удовольствие. Я наслаждался на уроках, как можно наслаждаться, слушая хорошую музыку. Он помогал мне познать всю красоту математики.

Он умел в меру и ругать и подбадривать. Встретив какую-нибудь трудность, я терялся иногда. Он всегда приходил на помощь, вселял уверенность. А это, по моему, главное. Однажды он даже сказал, что сам отнесет мои документы на математический факультет, если я соберусь поступать на другой.

Я всегда помню, что он верит в меня, и всячески буду стараться оправдать его надежды».

— Быть учителем — это призвание, — говорил С. Я. Маршак. С ним, наверное, согласится каждый. Об этом рассказывается в этой главе. Но учитель — это не только тот, кто нашел свою единственную дорогу в жизни, но и тот, кто умеет помочь найти такую же единственную дорогу другим. Это долг учителя перед каждым учеником и перед всем обществом. Нам вспоминается беседа с председателем колхоза «12-й Октябрь» Героем Социалистического Труда Прасковьей Малининой. Рассказав о том, как готовит сельская школа кадры для колхоза, она заметила:

— По-разному, конечно, складывается молодость у людей. Не всегда просто бывает помочь юноше или

девушке отыскать свое призвание. И все-таки я бы сказала: как правило, это ненормальное явление, если ученик начинает метаться после школы, никак не может найти себе занятие по душе. Не только по отметкам в аттестатах и свидетельствах, но и в зависимости от того, насколько быстро удастся вчерашним школьникам «определить себя», должны мы судить о достижениях учителей.

В этой главе мы и предоставляем слово тем, кто рассказывает, как помогали им учителя найти свою дорогу в жизни. Об учителях — открывателях талантов, об учителях — мудрых друзьях и наставниках говорят академик Скрябин и молодой ученый Колобаев, летчик Каприлян и инженер Ларин, доктор физико-математических наук Маршак, лаборант Абросимов. Это люди самых различных профессий, и многим из них учитель с детства внушил любовь именно к тому предмету, который преподавал сам.

Но разве ученики должны непременно «повторить своих учителей»? Разглядеть индивидуальность, помочь раскрыться способностям и склонностям человека — вот задача педагога. И нам дорог опыт сельской учительницы Лидии Федоровны Головкиной, о которой рассказывала в своей беседе П. Малинина.

— Чем ценен опыт Головкиной! — говорила она. — Прежде всего тем, что она и другие учителя нашей сельской школы не только дают знания и трудовые навыки ребятам, но и умеют научить их видеть красоту будничного дела. Не только в космосе или на полярной зимовке может проявить свою силу человек. Помогая ученикам определить свои наклонности и дарования, наши педагоги стремятся пробудить в каждом воспитаннике гордость за свой колхоз, привить сыновнюю любовь к родному краю. Не случайно организовали они, например, агрономический кружок при школе, дали возможность ребятам углубить свои знания по агрохимии применительно к нашим местным условиям. Помочь человеку найти призвание — это не только увлечь его своим предметом, но и раскрыть перед ним поэзию труда, помочь увидеть большое в малом.

Как удавалось это сделать учителю?

— До сих пор нет-нет да все еще и вспоминают у нас

известный спор о «физиках» и «лириках»,— говорил, беседуя с нами, академик Скрябин.— Какую роль играет поэзия в жизни нашего современника? Волнует ли его мир литературы и искусства? Самые различные воззрения и соображения были высказаны в споре, но почему-то почти никто не обратил внимания на то, что все эти вопросы имеют прямое отношение к школе. Если физика не волнует лирика, если ограничил человек круг своих интересов лишь избранным делом, это невольно наводит на мысль, что еще в ранние годы была обеднена его жизнь, что еще в детстве и юности не дала ему школа действительно широкого кругозора. Дать ученикам широкое общее образование — не значит ли это открыть простор для выбора, помочь обнаружить призвание!

Эти слова академика Скрябина можно было бы поставить эпиграфом к этой главе.

«Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя»,— сказал когда-то Козьма Прутков. В этой главе рассказывается не о тех, кто воспитывает однобоких специалистов, а о тех, кто, не обедняя духовный мир ученика, умеет не пройти мимо главного — мимо таланта. В этой главе люди говорят о зоркости педагога, о его чуткости и внимательности.

...Долгие годы вели московские ученые раскопки у деревни Ежово Очерского района, что неподалеку от Перми. Здесь было найдено гигантское кладбище древних ящеров. находка оказалась щедрой, обнаружено много ранее неизвестных науке родов и видов вымерших животных. Одно из кладбищ палеонтологи назвали «очереей Нецветаева» в честь неутомимого краеведа, немало способствовавшего успехам научных поисков.

К Александру Васильевичу Нецветаеву и обратились мы с просьбой рассказать о своих учителях. Ответ маститого краеведа был для нас находкой: еще в прошлом столетии вызвал у него интерес к будущей профессии учитель Сергей Александрович Филиппов. Впрочем, письмо Александра Васильевича, нам кажется, представляет большой общественный интерес, и мы хотим привести его полностью: «Начинал я учиться в реальном училище. Помню, однажды вместо вечно сидящего на кафедре старика историка появился у нас молодой

учитель, только что окончивший университет. Звали его Сергей Александрович Филиппов. И история ожила!.. Как-то рассказал он нам о нашем маленьком городке, увел нас в глубь веков, во времена Ивана Грозного. Теперь мы сами стали искателями, ходили по городу, изучали его, старались обнаружить следы веков. Учеба моя на этом закончилась. И дальше пошли «мои университеты».

По уральским заводам был мелким служащим. На мою долю досталась война 1914—1917 годов, затем война гражданская. Был в легендарной 30-й стрелковой дивизии, потом работал в детдоме инструктором трудового воспитания. Жизнь многому научила. Рисовал декорации. Резчик по дереву, муляжист, слесарь. Не обошла меня и Отечественная война — два года был в разведке по глубоким тылам противника. Но привязанность к истории не прошла. И чем бы ни приходилось заниматься, интерес к истории и краеведению, вынужденный учителем, уже не остывал.

Теперь я полностью отдаю свое любимому делу. Организовал у себя в квартире комнату краеведа, хожу в длинные многодневные экскурсии с ребятами.

Иногда удается делать больших масштабов открытия. Помогаю научным работникам. Не обижается на меня и областной краеведческий музей. Пишу вторую тысячу листов летописи своего города Очера. Иллюстрации — сотни фотографий.

И всегда я свой человек в школах. Верю: если мой учитель заронил искру в мою душу, может, и я смогу пробудить в ребятах интерес к истории».

И дальше Нецветаев сообщает такой замечательный случай: «Есть у меня друг — учитель Иван Данилович Туров. Как-то проходил он со своими ребятами Куликовскую битву. Попросил меня помочь. И тогда я подумал: как бы помог на моем месте мой любимый педагог Сергей Александрович Филиппов! И вскоре в класс явился... воин в кольчуге, в шлеме, со щитом и с бердашем в руке. Так решил я для наглядности изобразить перед ребятами война той эпохи. Этот урок, я уверен, надолго остался в памяти учеников. Так же, как навсегда остались в моей памяти уроки Филиппова. Спасибо ему за то, что сумел он пробудить во мне

интерес, который не оставляет меня всю жизнь». Вот уже более пятидесяти лет хранит Александр Васильевич Нецветаев благодарную память о своем учителе: он подарил мечту, указал дорогу, которая принесла счастье.

Плодотворна зоркость учителя, открывающего талант. Горька слепота педагога. Мы и теперь вспоминаем, как после неудачного опыта по химии в наказание поставили педагога в коридор мальчика: на грудь ему повесили дощечку с иронической надписью — «Великий химик». Какой жестокой была шутка слепцов и невежд, она могла сломить (к счастью — не сломила) душу, характер и судьбу юноши. Этот мальчик был Бутлеров. Ученик-то ведь и в самом деле стал великим химиком. А поступок учителей до сих пор напоминает о том, как смеется жизнь над незадачивностью педагога — невежды.

В счастье учеников — счастье учителя. В славе их — его слава.

...«Свою самостоятельную работу автор начинал под руководством замечательных русских ученых и педагогов, ныне покойных Ганса Егоровича Линдеса, Александра Алексеевича Чернышева и Карла Адольфовича Круга, к памяти которых он всегда обращается с чувством глубокой благодарности» — так пишет в предисловии к своей книге «Импульсные источники света» доктор физико-математических наук И. С. Маршак, с рассказом которого о своем учителе познакомится в этой главе читатель.

Не всем ученикам дано посвятить книги своим учителям. Но где бы ни работали люди, на каких бы широтах и меридианах жизни ни оказались, они обязательно вспомнят добрым словом того, кто еще в школьные годы сумел заглянуть в их будущее, помог выбрать дело по душе.

«От каждого по способности» — это закон нашего общества. Какая же ответственность — разглядеть эти способности, выявить их, пестовать первые ростки, создать условия, чтобы они расцвели и плодоносили!

Всем прозорливым, щедрым и бережным, тем, которые помогли академику Скрябину и рабочему Абросимову, народ устами благодарных учеников говорит спасибо.

К. СКРЯБИН,
академик, Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

ожет быть, это звучит несколько необычно, но свое призвание я начал нащупывать еще в дошкольные годы. Уже тогда моим любимым занятием стало чтение книг о растениях и животных, а когда я поступил в реальное училище, круг моих интересов определился уже довольно четко. С тем большей благодарностью вспоминаю я человека, который поддержал меня при первых моих шагах на пути к науке. Этим человеком был учитель естественной истории Сухов.

Мы часто говорим о том, что хороший педагог должен быть влюблен в свое дело. Спору нет, без педагогического призвания учить нельзя. Но мне бы хотелось прибавить: настоящий учитель должен быть влюблен не только в педагогику, но и в ту науку, с которой он призван познакомиться своих воспитанников. Сухов был именно таким учителем — энтузиастом естествознания.

Естественная история была в его представлении интереснейшей и увлекательнейшей из всех наук. И пусть не всем ученикам удалось ему передать это свое убеждение, — не было таких, кто слушал его без интереса. И разумеется, каждый охотно извинял ему некоторую «необъективность», которая ведь только свидетельствует об искреннем пристрастии к любимому делу.

Что касается меня, я убежден, что встреча с Суховым была одной из удач моего детства.

Помню, в третьем или четвертом классе я взялся быть помощником в кабинете-музее естественной истории, который существовал в училище. И сейчас я думаю об этом маленьком музее со светлым чувством. Помогая Сухову, беседуя с ним, слушая его замечания, — у него было точное зрение, и он умел метко сравнивать явления, образно и тонко характеризовать их, — я все больше и больше утверждался в мысли о своей будущей профессии.

Когда я окончил реальное училище, для меня уже не было вопроса, кем я буду. Я хотел стать биологом.

Но осуществить свою мечту мне удалось не сразу. Прежде чем продолжить учебу, мне пришлось самому преподавать. Я стал народным учителем в воскресной школе для рабочих, вел уроки естествознания, пропаган-

дировал дарвинизм. Я был очень молод. Добрый пример моего учителя во многом помог мне.

С этого времени — 1899 года — исчисляю я свой педагогический стаж. Как видите, он даже больше моего научного стажа. Среди моих учеников — 79 докторов и 250 кандидатов наук.

Какие черты кажутся мне особенно ценными в педагоге? В краткой беседе трудно сказать обо всем. Остановлюсь на нескольких положениях.

Вспоминается мне 1921 год. Время было тяжелое, занимались студенты в холодной аудитории, печурка, стоявшая посредине, не могла согреть большой зал.

И вот перед первой же лекцией произошел у меня с моими слушателями инцидент. И я и они пришли в аудиторию в шубах — это в ту пору было делом обычным. Но я увидел, что все сидят и в шапках. Я подождал. Некоторые, видимо, поняли — сняли шапки. Другие не снимают. Демонстративно? Тогда, не начиная лекции, стоя на кафедре, я объяснил, что в такой обстановке выступать не привык и не считаю возможным. И вот слышу:

— Что это — церковь, что ли?

Я сказал:

— Это не церковь, а храм науки. Именно поэтому я не буду читать лекцию, пока все не снимут шапок...

Теперь только один человек сидел по-прежнему в головном уборе. И тогда я увидел, как из следующего ряда протянулась рука и спокойно, медленно сняла эту шапку...

Почему я рассказал об этом эпизоде, какое он имеет значение? Я считаю, большое. Нельзя учить людей, не внушая им глубокого уважения, я бы сказал, благоговения к науке. С этого, по-моему, начинается и старательность ученика, и тишина на уроке. Константин Сергеевич Станиславский говорил, что театр начинается с вешалки. Школа, любая — начальная, средняя, высшая — тоже начинается с уважения к ней...

Мне довелось преподавать науку, которая была моим детищем. Я чувствовал, что без меня она может пропасть: судьба гельминтологии зависела от того, поймут ли меня люди, найдутся ли у меня последователи. Я не имел права отпугнуть ни одного ученика от своей науки, я был обязан заинтересовать ею. Читая лекции, я все

время их варьировал, ни одна не была похожа на другую.

На плечи учителя обыкновенно не ложится, конечно, ответственность за всю ту отрасль знаний, которую он преподает. История не перестанет существовать от скучного урока, и алгебра не погибнет от неточного объяснения. Но ученик, который сидит на этом скучном уроке или слышит это сбивчивое, путаное объяснение, может потерять для себя и историю, и алгебру: не заинтересоваться ими, не получить к ним вкуса. А кто знает, может быть, именно этот ваш ученик и способен был внести вклад в науку, охоту к которой вы у него отбили?..

Школьные науки существуют давно, но учителю дано каждый раз открывать науку перед каждым новым классом, перед каждым сидящим за партой учеником. Да не покинет его это чувство, — озаряющее чувство личной ответственности за географию и ботанику, астрономию и грамматику, за древнюю геометрию и новую историю.

Р. КАПРИЛЯН,

рекордсмен мира по вертолетному спорту

учился в Баку. Воспоминания о школе сохранились самые светлые. Учителей не забываю.

Навсегда близким и дорогим остается тот учитель, который помог найти дорогу в жизни. Таким был для меня Дмитрий Иванович Киреев, наш преподаватель русского языка и литературы.

Он любил нас. Мы это чувствовали и были с ним предельно откровенны. Мы хорошо знали: если ему поведать тайну — он ее сохранит, если рассказать о своей мечте — он проявит озабоченность и придет на помощь. Ну, а если придешь к нему с «грехом» на исповедь — не будет ядовито шипеть и никогда не напомним о проступке, но как-то удивительно тактично поможет тебе уйти от порока. Он знал, кто чем живет и кто о чем мечтает, и помогал каждому уверенно идти навстречу своим стремлениям.

Я «болел» авиацией. Ни дома, ни в кругу друзей ни-

кто серьезно к этому не относился. Ведь в двадцатых годах она только появилась в нашей стране. Быть летчиком — это было сказочно и недоступно. Даже мой отец, профессор, человек передовой и умеющий видеть будущее, с недоверием относился к моему стремлению в авиацию.

Дмитрий Иванович, узнав о моем желании, сказал очень просто: «Здоровье надо иметь хорошее». И порекомендовал мне систематически заниматься спортом.

Это был первый и очень нужный совет. Потом он подбирал литературу по авиации — в газетах, в журналах, советовал, какие книги прочесть. У меня был альбом вырезок из газет и журналов — фотографии самолетов разных систем, портреты летчиков, чертежи, заметки. Многие из них я получил от Дмитрия Ивановича.

Мы с ним часто беседовали о развитии авиации, и мне казалось, что он не меньше моего заинтересован в том, чтобы я стал летчиком. Но он проявлял заботу и о тех ребятах, которые мечтали стать писателями, поэтами, моряками, инженерами или врачами. Теперь я понимаю: такую заинтересованность он проявлял ради нас, потому что любил нас, думал о нашем будущем. Спрашиваю я себя: почему это делал из всех учителей только один Дмитрий Иванович, а другим после уроков словно и дела до нас не было? Кирееву вообще, вероятно, было чуждо безразличие. Он был учитель по призванию, а не только по должности. Он хотел нас видеть людьми, влюбленными в то дело, которое мы себе выбирали. Дмитрий Иванович любил повторять: «Тот, кто рано нашел свое призвание, больше успеет сделать в жизни».

Дмитрий Иванович очень любил литературу, научил нас любить книги и понимать их. Но он не был настолько узок, чтобы стремиться вызвать у всех нас стремление стать литераторами. Он хотел, чтобы мы любили литературу, потому что книги облагораживают, и добились этого. Но он понимал, что сам человек лучше других сумеет выбрать себе любимое дело. Важно только, чтобы он знал как можно больше о том, чему хочет посвятить свою жизнь.

Я благодарен Дмитрию Ивановичу Кирееву прежде всего за то, что он поверил в меня и заставил меня пове-

рять в самого себя. Как это важно, если бы вы только знали!

Он убедился, что я серьезно отнесся к его советам, очень радовался моим успехам. Как-то он попросил, чтобы я позанимался спортом с его сыном. Мы начали тренироваться, и он следил за нами. Но я думаю, что все это был тоже педагогический прием Дмитрия Ивановича, — он, видимо, хотел подчеркнуть мои успехи в спорте тем, что отдал на выучку мне своего сына. Я гордился этим. Тренировки, особенно по боксу, у нас шли успешно. Впоследствии сын Киреева стал боксером, чемпионом страны.

Я часто думаю о мудрости нашего учителя, преклоняюсь перед его удивительной способностью верить в своих учеников. Этой верой он вызывал в нас такую активность, что мы могли горы свернуть. Учитель, не умеющий пробудить активность в ребенке, — плохой учитель. Он не выполняет своего предназначения. Ведь дело не только в том, чтобы научиться грамотно писать, решать задачи — словом, усвоить премудрость средней школы. Учитель помогает ученику твердо стать на ноги, почувствовать себя нужным другим людям, своей стране, своему народу.

Мой дом утопает в фруктовом саду и окнами выходит в лес — мачтовый сосновый лес, тропинка через который ведет к Волге. На берегу Волги я живу давно — пошел второй десяток лет, а до этого побывал во многих краях, куда заносила меня судьба строителя. И даже кажется удивительным, что я так долго задержался здесь, в городе Тольятти. Но что поделаешь? Едва мы построили у Жигулей могучую гидроэлектростанцию, как нам предложили строить новые предприятия. И мы строим. Сколько уж заводов вступило в строй, больших и первоклассных! Наши заводы поставляют стране, да и не только стране, а во многие зарубежные страны машины, синтетический каучук и ртутные выпрямители, хими-

С. ЛАРИН,
инженер

ческие продукты и многое другое. Теперь о нашем городе говорят не только как о городе энергетиков, дающем ежегодно больше десяти миллиардов киловатт-часов энергии, но и как о городе химиков. Ну что ж, мы не в обиде. А строительная горячка не спадает. Нам предстоит и в будущем на этой приволжской земле строить и строить.

Не знаю, переживает ли кто-нибудь больше радости в жизни, чем сами строители, когда вырастают новые корпуса, вступают в строй новые заводы, когда из заводских и фабричных ворот выходит первая продукция. Мне эта радость знакома.

Если бы мне кто-нибудь сказал, что есть на свете лучшая профессия, чем строитель, я б отнесся к нему недоверчиво. Откуда же пришла ко мне любовь к строительству? Наша семья — семья потомственных железнодорожников, и было бы естественным, если бы я тоже был привязан, как мой отец, дядя и братья, к романтической и благородной профессии путейца. Но я избрал себе иную профессию. Кто же виновник, что я изменил семейным традициям? Кто имел такую силу надо мной? Я назову этого человека — Александр Леонидович Генчель.

...Воскресенье. Свободный день. Сажу на террасе, пью чай с домашним клубничным вареньем. У калитки появился почтальон. Младший сын идет за почтой. Берет газеты, журналы, письма. Он просматривает конверты и вдруг бежит, подымая конверт над головой. Он кричит: «Узнай, от кого?» И я, конечно, узнаю. Это письмо от Александра Леонидовича. Воскресная почта принесла немало писем, но первым у нас читается это. Его письма приходили ко мне и на строительство канала Москва — Волга, и на Урал, и вот сюда, на Волгу. Александр Леонидович пишет о своей жизни. Он недавно ушел на пенсию, хотя ему уже семьдесят пять лет, живет теперь под Москвой, в просторном деревенском доме, старается все свободное время быть на воздухе... Пишет он о себе подробно, потому что хорошо знает: все в его жизни интересует меня и мою семью.

Дорог мне этот человек. Дорог потому, что в далекие школьные годы вызвал у меня любовь к инженерному делу, к строительству. Он сам увлекался техникой и у нас, детей, пробудил стремление как можно лучше знать

технику. Физик и математик, еще в те давние годы он говорил нам:

— Время, в которое мы живем, время техники. Но она находится еще на младенческой стадии развития. Представьте же себе, когда она выйдет из колыбели, возмужает. Какое могущество принесет она человечеству! Это даже трудно предвидеть.

Часто гуляя с нами по лесу, Александр Леонидович с увлечением мечтал о будущем техники, которой суждено преобразить мир, сделать подвластными человеку другие планеты. Он утверждал, что настанет время, когда с Луны и Марса и других дальних планет мы будем привозить на Землю нужное нам сырье, которого нам не будет хватать, и само Солнце будет давать человечеству океан энергии. И конечно, по достоинству оценивал он энергию атомную.

Он первый познакомил нас с историей мировой техники, хотя это и не входило в школьные программы. Александр Леонидович подробно рассказывал о крупнейших открытиях и изобретениях. Мы узнавали, как работали Ньютон, Эдиссон, скандинавский изобретатель Лаваль, немецкий изобретатель Дизель. Мы узнавали подробности жизни Циолковского. Нет, это было не только суммой новых знаний, это были уроки мужества, воли, творческого труда. Я узнавал истоки изобретений и открытий, пути, по которому шли ученые и изобретатели.

Сколько таких бесед Александр Леонидович провел с нами в старом русском городе Орле, где учил нас! Обучая нас физике и математике, он воспитывал в нас интерес к творчеству, мужество и стойкость в преодолении трудностей, которые могут встретиться в жизни.

Наш учитель хорошо знал немецкий, английский и французский языки. Он следил за всеми новинками техники у нас и за рубежом и, конечно, обо всем этом рассказывал нам. Как гордился он первой пятилеткой, открывшей небывалые возможности для технического прогресса в нашей стране! Восхищенно он говорил: «Вот где огромные просторы для инженера-строителя».

Он был человек одержимый. Потом в жизни я видел много одержимых людей, которые были влюблены в свое

дело, и каждый раз убеждался, что эти-то одержимые обязательно приходят к цели и добиваются в жизни того, чего хотят. Ведь одержимость — это неиссякаемый внутренний энтузиазм.

Человек с душой очарованной и чистой, одаренный педагог, Александр Леонидович умел вести уроки так, что даже ответы учеников на его вопросы содержали что-то новое, чего не было в учебнике, обогащали нас знаниями. Он знал каждого ученика, его способности, умение. Лучших учеников класса, которые шли впереди, он заставлял как бы забегать вперед, и они-то открывали другим новое, то, что мы уже потом в более развернутом виде узнавали от своего учителя. Я не знаю, может быть, этот метод не соответствовал канонам педагогической науки, но Александр Леонидович так нас воспитал, что мы сами стремились обгонять намного школьную программу, хотели больше и лучше знать.

Частые прогулки с ним и в летнюю, и зимнюю пору были теми же занятиями по физике и технике, что и в школе. Разговор шел самый подробный и откровенный. Эти прогулки пополняли наши знания и расширяли наш кругозор.

Может быть, я скучно говорю о своем учителе. Не знаю. Но я бы хотел собрать все самые добрые и самые теплые слова, рассказывая о любимом и дорогом мне человеке.

Могу только добавить одно: по окончании школы все ученики нашего класса, все без исключения, пошли в техникумы и инженерные институты и сейчас плодотворно работают на заводах, фабриках, в научно-исследовательских институтах и экспериментальных лабораториях. И хотя, с тех пор как мы расстались с Александром Леонидовичем, прошло больше тридцати лет, ученики неизменно с ним переписываются.

Так случилось, что я не смог сразу попасть в технический вуз, пришлось работать и учиться. Имел я только среднее техническое образование. И только много лет спустя, когда мне уже было сорок, я заканчивал вечерний институт. Много было тем из практики гидростроения для того, чтобы без особого труда, с легкостью подготовить диплом для защиты. Но меня соблазняла одна довольно трудная тема — проект Переволоцкой гидроэлектростанции.

Я написал своему учителю о возможных темах моей дипломной работы и вот получил от него ответ, который хочу здесь привести:

«Что ты, мой дорогой Серафим Гаврилович, мельчать стал или стареешь, что прислал мне такое письмо? Как это понимать? У тебя, будущего инженера, есть возможность сделать открытие при защите диплома, разработав проект Переволоцкой гидроэлектростанции, а ты вдруг испугался и в кусты. Неужели у тебя меняется характер, неужели ты не дорожишь инженерной гордостью? В то самое время, когда тебе представляется возможность показать уже в проекте свои инженерные способности? Почему ты думаешь, что можно взять другие легкие темы? Инженер, который будет искать путей легких, скажу тебе по совести, инженер плохой, а в моих глазах просто никчемный. Нет, отказываюсь тебя понимать и думаю, что таких писем получать от тебя не буду. Обнимаю тебя и целую. А. Л.»

После письма моего учителя я, конечно, отбросил все другие, более легкие темы и стал работать над проектом Переволоцкой гидроэлектростанции. Это была трудная работа. Весь отпуск я провел на трассе будущего канала от Волги до Переволоц, сам составил геологические карты к проекту, сделал подробные сметные расчеты для того, чтобы доказать преимущества Переволоцкого варианта. И конечно, составил проект гидроэлектростанции, в котором предусмотрел использование для строительства ГЭС всех новейших технических материалов и самых современных механизмов.

Защитил я свой диплом с отличием, хотя комиссия была очень пристрастна, председательствовал на экзаменационной комиссии известный советский гидростроитель академик Н. В. Разин. Конечно, первым меня поздравил с отличной защитой диплома Александр Леонидович. Судя по его письму, он был очень рад не только тому, что я защитил диплом, но и тому, что я не стал в его глазах никчемным инженером.

Часто Александр Леонидович поддерживал меня духовно в трудные минуты жизни. И эта поддержка была естественной, необходимой, как в школьные годы.

Так учитель, любимый в давние годы, стал спутником моей жизни, моим другом. Я не боюсь назвать Александр-

ра Леонидовича своим другом, потому что эти слова часто читаю и в его письмах ко мне.

По делам службы мне приходится нередко бывать в Москве. Обязательно еду я в село Молоди к Александру Леонидовичу. Каждая встреча приносит нам обоим большую радость. Иногда живу у него и день, и два, пока не поговорим обо всем, что волнует, пока не переспорим друг друга по каким-нибудь техническим проблемам.

В моем столе много писем Александра Леонидовича и каждое ценно, потому что по старой привычке он следит за моей инженерной работой, часто подсказывает мне, что нового вычитал в заграничной технической литературе и что может пригодиться в работе. Я-то хорошо знаю, что он прочитывает технические журналы по гидростроению ради меня. И эта забота невыразимо радует мое сердце.

Очень часто вспоминаю школьные годы, вспоминаю учителей. Иных совсем забыл, будто они и не встречались на моем пути, как будто я не учился у них много лет. Хотя учителя у нас в школе были неплохие. Почему же так случилось, что никто из них, кроме Александра Леонидовича Генчеля, не вошел в мою жизнь навсегда? Почему же он-то стал мне необходимым, даже теперь, когда мне перевалило уже за пятьдесят и за плечами долгий и не очень легкий путь жизни?

Отвечу коротко. Это случилось потому, что в те далекие школьные годы он заставил меня и моих товарищей поверить в свои собственные силы. Он как будто бы видел эти силы и с полным доверием открывал нам дорогу в будущее. А уметь доверять человеку — для этого надо самому быть добрым и обладать широким умом, зорким взглядом. Надо так искренне любить ребят, как любил нас Александр Леонидович.

В ту пору не было еще тимуровского движения, но я люблю Аркадия Гайдара за то, что он нам подарил «Тимура и его команду», раскрыв благородство душ ребятских. А мы, ученики Александра Леонидовича, по праву могли бы себя назвать тимуровцами, потому что уже тогда мы следили, чтобы наш любимый учитель не остался на зиму без дров. Мы сами завозили, сами рубили, сами аккуратно складывали дрова в сарае Александра Леонидовича, хотя он об этом нас никогда не просил.

Мы стояли в очередях для того, чтобы вовремя получить для нашего учителя продукты, выдаваемые по карточкам. Мы делали все, чтобы хоть чем-нибудь облегчить ему жизнь.

Наша мальчишеская любовь была активной. Как-то Александр Леонидович нам сказал: «Я вас люблю за то, что вы хорошо учитесь». И для нас это тоже было большой радостью. Учиться плохо у Александра Леонидовича было невозможно. Высокообразованный человек, он был не только хорошим педагогом, но и мудрым воспитателем, который хотел как можно больше дать нам, своим ученикам, и с успехом этого добивался.

И. МАРШАК,

доктор физико-математических наук

не предложили рассказать о любимом учителе. С готовностью принимаю это предложение.

Задумываться над выбором наиболее памятного имени мне не пришлось. Учитель Линдес преподавал в 1929—1930 годах математику мне и моим одноклассникам по пятому и шестому классам ленинградской одиннадцатой школы-девятилетки на Кирочной улице (ныне улицы Салтыкова-Щедрина). Звали его Гансом Егоровичем. В течение многих лет я испытывал потребность выразить чувство глубокого восхищения перед этим человеком — потребность, которую не смог вполне удовлетворить краткими словами благодарности в предисловии книги об импульсных источниках света — моей докторской диссертации.

Человеческая память — удивительно совершенное и в то же время несовершенное средство, как теперь говорят, «накопления информации». Очень многое уже стерлось из моей памяти начисто: содержание большинства школьных занятий, внешность и даже имена множества товарищей и учителей, с которыми меня столкнула жизнь, проведя через пять школ в годы непрерывной ломки системы народного образования. И вместе с тем самый для меня важный образ, связанный со школьными

годами,— образ удивительного учителя, давшего сорока ученикам нашего класса каких-нибудь полторы сотни уроков,— вполне отчетливо стоит перед моими глазами, занимая чуть ли не добрую половину всех моих школьных воспоминаний.

Ганс Егорович, несомненно, был педагогом-энтузиастом, истово относившимся к своему делу. Он обладал великолепными математическими познаниями, позволявшими ему преподавать математику в вузе (жизнь это позднее подтвердила). И вместе с тем он работал только в школе, да к тому же и не в самых старших классах, отдавая этому делу все свое рабочее время и большую часть домашнего времени. Но я не думаю, чтобы среди встреченных мною в школьные годы педагогов больше не было столь же добросовестных и самоотверженных тружеников. Напротив, я мог бы сам назвать еще нескольких учителей, так же всецело преданных своему делу и своим воспитанникам. Следовательно, Ганса Егоровича отличала не только истовость в работе.

Стараясь уяснить для себя, что же в нашем учителе математики было самым значительным, выделявшим его среди других учителей, я пришел вот к какому выводу: главным в нем было постоянное стремление преодолеть всякую инерцию в своем деле, побороть в своем общении с учениками «всяческую мертвечину» и утвердить в нем «всяческую жизнь». Сведения, которые он нам преподносил, казались не застывшими и мертвыми, а как бы рождались на наших глазах из проводившегося им тут же вместе с нами исследования. Тем самым он знакомил нас не со сводом фактов, а с процессом раскрытия их смысла, взаимосвязей, с процессом анализа и обобщения. Овладеть этим важно для всякого творческого работника — ученого, инженера, артиста. Воистину это был педагог-поэт, педагог-художник.

Жизнь была в Гансе Егоровиче ключом. Стройный, всегда опрятный, с добрыми, улыбочатыми черными глазами и ежиком на голове, легко и пластично входил в класс. С какой артистичностью он рисовал нам геометрические фигуры, проводя на черной доске разноцветные, удивительно правильные прямые и окружности имевшимися только у него одного цветными мелками. Он утверждал жизнь своей манерой уважительно, требовательно и вместе с тем с юмором, а иногда и ласковой

иронией разговаривать с хорошими и не очень хорошими (плохих у него не было) учениками.

Жизнь кипела в удивительном темпе и насыщенности его преподавания. Он мог по два раза в неделю проводить контрольные работы, возвращая нам всегда на следующую же день тщательно проверенные тетрадки. Разнообразные задачи, которые он сам задавал (придуманные им самим или извлеченные из множества известных лишь ему одному задачников) всегда были интересными, чуть-чуть более трудными, чем нам бы,— пока мы их не решили,— хотелось. В каждом элементе его урока учитывался фактор времени: частенько он предлагал нам задачи «на скорость» — те, кто решил их первыми, зарабатывал аккуратный плюсики перед своей фамилией в его маленькой записной книжечке, а к концу четверти число плюсики, собранных каждым из нас, объявлялось перед всем классом к удовольствию отличившихся в этом разумно азартном соревновании.

Жизнь, а не школярство сквозила в его убедительно справедливых оценках, которые он проставлял на наших работах. В те времена в школах была не пятибалльная, а трехбалльная система: «уд» (удовлетворительно), «вуд» (вполне удовлетворительно) и «неуд» (неудовлетворительно). Но у Ганса Егоровича была своя система, весьма многобалльная, с огромным (не установленным твердо) числом ступеней и оттенков. Помимо общепринятых тут были и самая высшая отметка «в» (весьма хорошо) и «едуд» (едва удовлетворительно) и «сл» (слабо — чуть лучше, чем просто «неуд») и множество вариаций с плюсами, минусами, вопросительными и даже восклицательными знаками (хорошо помню свое разочарование результатом одной моей классной работы, под которой я нашел отметку «едуд» с тремя вопросами). А чего стоила самая страшная, едва ли примененная им за два года преподавания в нашем классе, но известная нам по школьным легендам отметка «N3» (звучала она для нас тогда непонятно, а потому злое: «Нотабене»)! Эту отметку Ганс Егорович ставил якобы тогда, когда обнаруживал явно непорядочный поступок ученика,— например списывание решения с тетради соседа по парте.

Все внимание класса на занятиях Ганса Егоровича

было захвачено уроком. Какая там забота о дисциплине! В худшем случае, заметив невнимательность какого-нибудь отвлекшегося ученика, Ганс Егорович мог на секунду умолкнуть, бросив на него пронизывающий взгляд — этого было уже вполне достаточно. Думаю, что плохая дисциплина на уроке — прежде всего своеобразный протест против сухости, допущенной на уроке преподавателем. А на уроках Ганса Егоровича жизни, кислорода всегда было так много, что всякая нечисть в нем мгновенно сгорала.

Творческое начало проявлялось у Ганса Егоровича и в построении всего годового курса — в том, как он встречался с нами (при первом знакомстве или после каникул), как наращивал напряжение занятий и сбавлял темп к их концу. Как расставался с нами в конце учебного года, посвятив последний урок, уже не занятый программным материалом, задушевной, лирической и в то же время полной юмора беседе, чудесным рассказам о своей жизни и путешествиях, забавным историям, обмену мнениями о книгах. Своей превосходной, насыщенной и безукоризненно правильной русской речью Ганс Егорович незаметно учил нас не только математике, но и русской словесности.

И какую же силу жизни мы почувствовали в нашем учителе, когда, собравшись после летних каникул в шестом классе, мы, к своему изумлению, обнаружили, что Ганс Егорович начинает теперь преподавать нам не только математику, но и анатомию!

Каким образом это случилось — то ли школа не нашла преподавателя-специалиста, то ли Ганс Егорович сам увлекся новой для него дисциплиной — мне неизвестно. Но о таком, поистине творческом, поэтическом преподавании анатомии мне никогда не приходилось слышать. Скажу без преувеличения, что я до сих пор отлично знаю анатомию и физиологию в пределах расширенного Гансом Егоровичем на собственный страх и риск школьного курса. И даже теперь, по прошествии тридцати пяти лет, мне ничего не стоит увидеть мысленным взором аккуратно вычерченные Гансом Егоровичем на больших листах ватмана крупные, хорошо различимые с последней парты таблицы-рисунки, из которых на одной, например, были изображены функции частей головного мозга (мозжечок на этой таблице был соединен стрелкой с идущей

по проволоке циркачкой в желтой пачке и с зеленым зонтиком в руке), на другой — синие и красные вены и артерии большого и малого (легочного) кровообращения (полая вена была там изображена красной линией, так как по ней из легких течет очищенная артериальная кровь). На третьей — «кинематографическая» схема течения болезни: в первом квадрате — бездействующий белый фагоцит, желтая «ткань» в уголке, черные, квадратная и круглая, скобки — вяжущие свойства крови, «амбоцептор» и «комплемент»; в следующих квадратах появляется лиловая чечевица — «бактерия», выделяющая лиловые палочки — «токсины», вторгающиеся в ткань; дальше из ткани выделяются желтые палочки — «антитоксины», перекрещивающие лиловые, затем бактерия охватывается скобками — «связывается»; потом она поглощается, прямо вместе со скобками, фагоцитом; и наконец, в последнем квадрате остается фагоцит с несколькими лишними желтыми палочками и крупной желтой надписью «ИММУНИТЕТ».

Жизнь обошлась с Гансом Егоровичем Линдесом очень сурово. Его единственный и очень им любимый сын Юрий, способный студент-физик, который был на четыре года старше меня, но стал в университете моим большим другом, в результате ложного доноса оказался безвинной жертвой тридцать седьмого года. А сам Ганс Егорович вместе с женой погиб в конце 1941 года от голода во время блокады Ленинграда.

Он передал своим ученикам такой жаркий творческий огонь, который во всяком случае будет гореть, пока жив хотя бы один из его учеников, и, надеюсь, перейдет в какой-то мере от нас к следующим поколениям.

...Несколько слов постскриптума.

Эти воспоминания о Линдесе я послал в Ленинград, внучке Ганса Егоровича, Нине Николаевне Иваницкой, которую я знал еще маленькой девочкой. Вот несколько строк из ее ответного письма:

«Я не знаю, как прочтут Вашу беседу другие, те, кто не знали Ганса Егоровича, но я прочла ее с огромным трепетом, я узнала его во всем, в каждой Вашей строчке, Вы нигде не исказили его облика... Для меня он таков, и, хочу я этого или нет, читая очерк, я вижу реального деда, вместе с ним брожу по комнате, когда он собирается на работу, сижу рядом, когда он проверяет тетради или го-

товит свои палочки, цветные мелки, книги, тетради к новому уроку. Каждая Ваша фраза имеет свое продолжение в моей памяти... Конечно, здорово было бы, если бы на примере Ганса Егоровича поучились другие, но боюсь, что далеко не всему, чем он обладал, можно научиться. Ведь не всем даже понятно, что «разжевывание» не лучший метод обучения. А ведь дедушка умел как-то так задать вопросы свои, что сразу все становилось ясным без объяснений, он умел заставить мыслить и делал это так легко, что только потом понимаешь, что он помог решить задачу.

В конце Вашего рассказа о деде вы упомянули и о его судьбе. Он разделил судьбу многих. Важно, как он принял ее. Как не уставал верить в торжество справедливости, как стойко принял смерть вместе с тысячами ленинградцев, веря в победу. Он умер 28 декабря 1941 года...»

А. АБРОСИМОВ,
лаборант

Когда, отслужив в армии, я поступил на завод и возобновил учебу в восьмом классе, был я уже вполне взрослым человеком. Был я аккуратным учеником. И дома удивились, когда однажды, вместо того чтобы отправиться в школу, я улегся на диван и стал читать газету. Я ничего не сказал домашним, но для себя уже решил, что продолжать учебу не буду. Не знаю, одумался бы сам или нет, но через два дня пришла ко мне наша классная руководительница и заставила снова взяться за занятия.

В школу я отправился нехотя, точно делал одолжение кому-то: пропала у меня вера в свои силы. В самом деле: сидят с тобой рядом за партой ребята да девчата, которых чуть не за твоих детей принять можно, и вот они все понимают и получают хорошие отметки, а ты должен радоваться какой-то несчастной тройке. Значит, не можешь учиться, не дано...

Я благодарен преподавателю математики и физики Петру Васильевичу Глазкову за то, что он окрестил меня лентяем. Он не уставал твердить это при каждой

моей неудаче. Впрочем, расскажу об этом по порядку.

При первом знакомстве Петр Васильевич Глазков производил впечатление человека чудаковатого, но отнюдь не снисходительного, скорее из тех, о ком говорят: мягко стелет, да жестко спат. Бывало, вызовет ученика к доске и, если увидит, что тот не может решить задачи, сам идет ему на помощь. Ученик рад: увлекся учитель, фактически сам отвечает урок. А на самом деле Петр Васильевич просто таким образом еще раз объяснил материал. И хотя он действительно увлекался, знания ученика оценивал точно. Отпуская его на место, говорил: «Садись. Хорошо. Два».

Тройку, с которой порой так небрежливны некоторые учителя, у него нужно было заслужить. Это был требовательный, чрезвычайно требовательный педагог. Добиться похвалы его было крайне трудно. Надеяться на шпаргалку или подсказку вовсе нельзя. Я бы сказал так: он досконально изучал каждого ученика, знал как бы «математический почерк» каждого из нас и подать ему списанную работу было равносильно тому, что сдать тетрадь, где решение написано чужой рукой. Казалось, он отчетливо представлял себе ход мысли каждого и сразу не только бы понял, что работа списана, но и узнал бы, у кого ее списали. На контрольных он никогда не подглядывал за учениками, но мы знали своего учителя и хитрить не пытались.

Как видите, учиться у Петра Васильевича было не легко. И все же он умел сделать так, что его ученики не впадали в уныние. На всю жизнь запомнил я его любимую фразу: «Нет неодаренных людей, есть лодыри». Это было глубокое убеждение нашего учителя. Убеждение, основанное на вере в человека, в его силы и способности. И именно эту веру, несмотря на всю свою строгость, умел он вдохнуть в каждого ученика.

Я занимался довольно много, а успехи были, как мне казалось, далеко не пропорциональны затраченному труду. Но вот странное дело: упреки в лени, которые адресовал мне Петр Васильевич, не обижали меня, они даже как-то ободряли! «Ленив,— думал я,— значит, еще мало занимаюсь, значит, нужно быть еще упорнее». Утешало то, что успех в конечном счете зависит только от меня. Другое дело, если сознаешь себя неспособным человеком. Тут уж не на что надеяться...

Случается, объявят в школе диспут или дискуссию, долго готовятся к ним, составляют конспекты, а то и речи пишут, но вот собрались люди — и не о чем им говорить. Я думаю, это часто происходит оттого, что для обсуждения выбирают слишком общие темы или стараются спорить о вопросах, на которые жизнь давно дала ответ. Петр Васильевич тоже проводил с нами настоящие дискуссии, но не объявлял о них заранее. Нам казалось, что они возникали как бы невзначай. На самом же деле он просто умел повернуть разговор на нужную ему тему и всегда эта тема была животрепещущей.

Вы можете легко себе представить, как взволновала меня, человека, неуверенного в своих силах, дискуссия на тему «Есть ли неспособные люди». Она состоялась у нас как-то после уроков. Никто не ушел домой. Все с огромным интересом приняли участие в споре. Замечательно говорил в этот вечер Петр Васильевич. Он просто рассказывал нам случаи из своей педагогической практики. Вывод из его рассказов мог быть только один: нет такого препятствия в учебе, которое бы не преодолел человек упорным трудом; труд и только труд — залог всех успехов.

Помню, вышел я тогда из школы, словно окрыленный. Я уже говорил, что и раньше занимался немало. Теперь стал отдавать учебе еще больше времени; уже не сверлила мысль, что это время тратится впустую.

Школу я закончил успешно и, когда сдал экзамены на аттестат зрелости, уже твердо знал, что не прекращу учебы. Математика стала самым любимым предметом. Петр Васильевич с похвалой отзывался о моих знаниях.

Сейчас я работаю в научно-исследовательском институте. Мне приходится производить довольно сложные расчеты. Свободное время продолжаю отдавать математике. Во-первых, потому, что поступил в институт, а еще потому, что эти занятия стали для меня потребностью.

Многие учителя в школе помогали мне. Немало из того, что я говорил о Петре Васильевиче, могу сказать и о других педагогах нашей школы. Требовательность и вера в человека, умение спросить и умение вдохновить — качества, по-моему, самые важные, отличающие настоящего учителя.

Их много, прекрасных учителей, в нашей сто шестнадцатой, и я с благодарностью вспоминаю свою школу.

Е. КОЛОБАЕВ,

начальник отдела
научно-исследовательского института

Теперь, когда немало уже прожито и пережито, более ярко всплывают в памяти имена моих учителей. Хочу говорить о тех, кто оставил в моем сердце неизгладимый след, о людях, которые навсегда вошли в мою биографию.

Я мог особенно высоко оценить моих учителей, когда мне довелось в течение десяти лет вести преподавательскую работу в одном из технических институтов. Оказалось, что мои учителя, не только подготовили меня к преподавательской работе, но и к научной. Особенно это хорошо понимаю, работая вот уже несколько лет в научно-исследовательском институте.

Невольно вспоминаю первые военные годы. Мы жили в совхозе Астраханской области. Вспоминаю сельскую семилетнюю школу. В сорок втором году я ее окончил. Был у нас директор школы — Михаил Николаевич. Он преподавал русский язык и литературу. Все школьники были в него влюблены, хотя Михаил Николаевич был неуклюжим, от роду горбатым, внешне некрасивым человеком. Но вспоминаю теперь его с особой радостью и всегда с улыбкой. Прежде всего это был человек добрый, любящий людей и умеющий находить пути к сердцу каждого человека.

Вспоминаю школьный скандал. Кто-то из семиклассников разбил окно. Учителя бросились в поиски виновных, пошли суды и пересуды, школа волновалась. И вот узнал об этом Михаил Николаевич. Как обычно, спокойно вошел к нам в класс. Встретили мы его, конечно, гробовой тишиной. Он поздоровался, мы тихо ответили. Стоял он у стола, посмотрел на нас, потом — на разбитое стекло в окне и спокойно сказал:

— Не понимаю, ребята, почему второй день такой шум в школе. Ведь не нарочно разбили стекло. Я в этом убежден. Значит, надо сделать самое простое — вставить его. Тот, кто разбил, может сам вставить стекло?

Вдруг поднялся парень, виновник всех событий, и сказал:

— Могу.

— Вот и хорошо. Желаю вам успеха, ребята.

И также спокойно ушел.

Вот таким был наш Михаил Николаевич. От него ничего нельзя было скрыть, никогда ему нельзя было сказать неправду. Я часто думаю, почему мы иногда обманывали других учителей, были с ними неискренни и недоброжелательны, а к нашему Михаилу Николаевичу относились всегда с какой-то особой нежностью и теплотой.

Всем известно, что дети по натуре немножко злы и любят подмечать уродство других. Но у нас никто из школьников не называл Михаила Николаевича горбуном, никто не посмел бы о человеке этом отозваться не по-доброму. Почему? Дело в том, что он был всегда справедлив. Он никогда не придирался к детям, ко всему относился с присущим ему юмором, и если уж кто-нибудь из ребят был в чем-либо виновен, то он мог долго сидеть с ним, беседовать как-то по-дружески, по-человечески. Часто рассказывал, как сам рос,— а мы знали, что детство его было тяжелое, потому что вырос он в бедной крестьянской семье, и, чтобы учиться, ему самому пришлось зарабатывать деньги на жизнь.

После разговоров с Михаилом Николаевичем мы передумывали о многом, оценивали все, что он нам сказал, и старались лучше понять свои ошибки.

Он нас не оскорблял и не унижал, он уважал достоинство ребят, ребячью гордость, умел отличить ложь от фантазии. И если замечал у ребят фантазию, то, сам великий фантазер, помогал придумывать что-нибудь новое и необычное.

Он был удивительным рассказчиком и пленил наши ребячьи души тем, что каждый день в школе рассказывал о боях, которые шли на фронтах Великой Отечественной войны, восхищался поступками героев. Мы знали так много героев Отечественной войны, что я и теперь, годы спустя, читая книги о войне, то и дело отмечаю имена, которые слышал от Михаила Николаевича. Только не подумайте, пожалуйста, что для этого наш учитель использовал время уроков. Нет. В его классной комнате висела огромная карта нашей Родины, испещренная флажками, а в столе были собраны вырезки из газет и журналов о подвигах людей на фронте. И мы после уроков, не сговариваясь, шли к Михаилу Николаевичу, что-

бы послушать его рассказы о войне. Он был чудным агитатором и через нас, школьников, вел беседы по существу со всеми нашими семьями, потому что все, что мы узнавали от него, мы, конечно, рассказывали дома со всеми подробностями, которые слышали от Михаила Николаевича. И дома уже ждали. Ведь все тогда хотели знать, что творится на фронтах. Бывало, не успеешь переступить порог дома, как сразу же слышишь вопрос: «Ну, что там сегодня нового?» И пока мать разогревает обед, я рассказываю.

Михаил Николаевич никогда не называл свои беседы с нами патриотическим воспитанием. Но каждый из нас, бывших школьников, а теперь людей взрослых, может с гордостью сказать, что наш учитель был вдохновенным и непревзойденным воспитателем, он разбудил в нас чувства неиссякаемой любви к Родине и ненависти к ее врагам.

У нас часто говорят о трудовом воспитании в школе. Не знаю, то ли тогда было не принято об этом говорить, то ли Михаил Николаевич понимал, что не всегда слова о пользе труда достигают цели. На первом месте были дела, а не слова.

Во время летних каникул мы были так же связаны со школой, как и в дни учебы. И вот однажды, после очередной информации, Михаил Николаевич задержал нас и сказал:

— Хочу с вами, ребята, посоветоваться.

Мы узнали, что в совхозе запаздывают с сенокосом, что не хватает рабочих рук — мужчины на войне, а женщинам одним трудно. Совхоз наш — молочное хозяйство, без сена не проживет. Чем мы можем помочь? (Это была у него привычка такая, причем не надуманная, а идущая от сердца, — советоваться с учениками.)

Ну, конечно, мы решили всей школой пойти на сенокос — кто погоночным, кто на сенокосилку, а кто и с косой, девочки с граблями. Провели мы на сенокосе недели три, и наша помощь была очень кстати. В эту зиму совхоз был обеспечен сеном. Самое примечательное, что Михаил Николаевич был с нами все эти дни на сенокосе, и, если уходил, то только затем, чтобы послушать радио да принести новые газеты. Мы до того привыкли к его информации, что сами уже об этом его просили.

Мы работали на сенокосе дружно и хорошо. В памяти эти дни сохранились еще и потому, что каждый вечер для нас был чудесной встречей с новой книгой. Михаил Николаевич пересказывал нам многое из Майн Рида, Ильфа и Петрова, из Джека Лондона. Рассказывал он ярко, с подробностями. Позднее, когда я перечитывал многие из книг, о которых тогда впервые услышал, просто диву давался, какая же замечательная память и какое умение пересказать было у нашего учителя. Хорошо знаю, что он был пропагандистом художественной литературы во многих семьях.

Разрешите немножко отвлечься. Не так давно мне попалась книга Адриана Митрофановича Топорова «Крестьяне о писателях». Я ее прочел с большим интересом и был потрясен сходством нашего Михаила Николаевича с Топоровым. Убежден, что их роднит одно — любовь к людям. Никто специально не изучал, какой след в жизни каждого из учеников оставил наш Михаил Николаевич. Но я могу сказать не только за себя, но и за других товарищей, что след этот неизгладимый. Он воспитал в каждом из нас прежде всего человека. И за это мы ему благодарны. Мне бы хотелось, чтобы о нем знали как можно больше людей.

Когда я кончал семилетнюю сельскую школу, для меня было ясно, что стану учителем и буду преподавать обязательно литературу. Конечно же, мы были не просто влюблены в Михаила Николаевича, а влюблены и в его предмет. Учились мы все хорошо. Не помню учеников, которые бы отставали по русскому языку и в особенности по литературе. Я объясню, почему так получилось. Вы прекрасно понимаете, одной влюбленности в учителя еще мало для того, чтобы хорошо учиться. Любовь наша к нему была вызвана не только его высокими человеческими качествами, но и тем, что он удивительно хорошо мог вести уроки, вовлекая в работу весь класс. Ясность изложения, умение точно и четко все объяснить делали его предметы доступными и понятными.

Помню, как на уроках русского языка с увлечением занимались мы, потому что, отрабатывая правило, сами придумывали фразы, примеры и, если Михаил Николаевич одобрял их, весь класс записывал. Что касается литературы, то мы под влиянием нашего учителя прочли не только все книги, предусмотренные программой, но и

другие, о которых он нам рассказывал. Именно в ту пору я прочел всего Лермонтова, хорошо знал стихи и поэмы Маяковского, увлекался Некрасовым. Сам прекрасный рассказчик, Михаил Николаевич и нас учил говорить правильным литературным языком. Главное было не в том, чтобы мы как можно полнее пересказали содержание той или иной книги, он стремился к тому, чтобы мы правильно поняли «душу» произведения. Именно с тех давних пор я подружился с книгой, и она заняла в моей жизни большое и важное место.

Обстоятельства сложились так, что в старших классах средней школы я учился в Саратове, в мужской железнодорожной средней школе. Учиться было мне не легко, по математике в особенности. Если я с успехом занимался литературой, подтянулся по другим предметам, то по математике приходилось получать даже двойки. И вот однажды меня попросил зайти к себе Григорий Андреевич Савин, наш учитель математики. Он сказал со свойственной ему прямотой:

— Слушай, Женя, мне кажется, что ты получаешь двойки по математике не потому, что неспособен, а потому, что ленишься. Математика требует терпения и усидчивости, а ты все привык схватывать налету. Слету эту крепость не возьмешь. Если бы ты был поменьше, я бы вызвал твоих родителей и поговорил с ними. Ты уже взрослый человек. В твоем возрасте люди успевали сделать много интересного и большого. Ты человек способный. У тебя может быть большое будущее. По складу ума, я полагаю, ты можешь стать даже математиком, потому что для математика очень важны разнообразные и всесторонние знания и, прежде всего, аналитический ум. Вот запомни: я к тебе буду очень требователен, может быть, больше буду требовать, чем с других. Что возьмешь с неспособного ученика? Глупо к нему предъявлять повышенные требования. А к тебе я буду их предъявлять. Самые жесткие. Я убежден, что у тебя должны быть пятерки.

Он строго и в то же время доброжелательно смотрел на меня. И теперь вспоминаю я остроту его взгляда, и желание вызвать во мне гордость, и боязнь, как бы меня не оскорбить, не обидеть. Еще не дождавшись моего ответа, он спросил:

— Ты мне ответь, хочешь ли учиться? Человек не

должен тратить время попусту. Учись тогда мастерству, становись хорошим токарем, плотником или ищи другую профессию, которая тебе по душе. Это лучше, чем плестись, еле-еле вытягивая на тройки. Я от тебя не требую немедленного ответа. Подумай, потом встретимся и поговорим.

Какой неожиданный урок преподавал Григорий Андреевич Савин! Я ходил и размышлял над каждым его словом. Не могу сказать, что в ту пору я доброжелательно относился к Григорию Андреевичу, я его не выделял среди других учителей и ни к кому у меня привязанности не было. Рассказывал о своей беседе моим друзьям по школе, но и, конечно, поведал об этом Зое, девушке из соседней женской средней школы, с которой в ту пору дружил. Эта девушка теперь моя жена. Ее не удивила беседа, потому что она считала Григория Андреевича одним из своих любимых учителей и тут же пылко начала доказывать мне, что лучшего учителя, пожалуй, на белом свете нет. Она хвалила и его метод преподавания, и его уважение к самостоятельности учеников старших классов, и даже упомянула о том, что в правилах Григория Андреевича Савина не вызывать родителей в школу за провинность или неуспеваемость учеников. Я помню ее слова (мы часто вспоминаем их и сейчас):

— Какой же ты, Женя, неблагодарный! Учитель, да еще такой талантливый, как Григорий Андреевич, разговаривает с тобой, как с равным, говорит тебе, что ты умный и способный ученик, а ты не мог по достоинству оценить его отношение к тебе. Даже смешно. Надо взяться за ум. Сумеешь. До его появления в школе мы тоже не очень любили математику, а теперь все занимаемся у Григория Андреевича с увлечением. Его уроки — это же поэзия! Он раскрыл нам огромное значение математики в жизни и деятельности людей. У математики такое будущее, которое даже трудно предсказать. И недаром он говорит, что математика для физики все равно, что русский язык для литературы. Ну ты же увлекаешься физикой. Как можешь ты так недооценивать математику?

Вечер был снежный, мы ходили по затемненному Саратову и долго беседовали о Григории Андреевиче, о математике. Зоя заставила меня заняться математикой как следует. Тут немало ее заслуги, она все перевернула в моей душе. Ведь я-то обиделся на Григория Андрееви-

ча — как же: он недвусмысленно намекнул мне, что лучше уйти из школы. И я ведь было решил сам уйти, искать себе работу — действительно, не маленький, да и к труду приучен!

Вернувшись после этого памятного вечера, я, хотя у меня много было не приготовлено уроков, засел за математику. Задачи были сложные, и с трудом я шел по математическим дебрям, не ощущая никакой поэзии (придумала же Зоя!). Но все же на следующее утро я пришел сам к Григорию Андреевичу и сказал ему:

— Буду учиться. И как следует.

— А не поспешно ли твое решение? — хмурясь, спросил у меня Григорий Андреевич. — Может быть, еще подумаешь? Ведь ты мужчина. Если даешь слово, надо держать.

Признаться, это меня рассердило. Я немножко грубовато ответил:

— Потому и пришел сказать, что так решил. А мое решение — кремень.

Он улыбнулся и сказал:

— Ну что же, считаю, что наш разговор исчерпан. Значит, заключаем с тобой мужское пари. Ты будешь хорошо учиться, а я не изменю к тебе строгого и требовательного отношения. Это помни!

Не знаю почему, но я ушел от него удовлетворенный и вечером вновь сел за задачи. Сколько я их перерешал в тот памятный для меня год, трудно сказать. Но и Григорий Андреевич был хозяин своему слову. Он внимательно следил за моей работой, был доволен, что я с таким упорством иду к цели. Но каждый раз брал меня за живое:

— А вот эту задачу можно решить и в другом варианте, и даже в третьем, более изящном.

Я запомнил, он так и сказал: «Более изящном».

Я начал искать и второй, и третий варианты и долго возился, пока нашел эти варианты, и нашел даже тот самый «изящный» — был он значительно проще, короче и прямолинейнее. Я стал сопоставлять все три варианта и вдруг нашел в этих решениях подлинно поэтическое начало. Поэзия эта заключалась в моих поисках. Я впервые понял, — первый раз в жизни! — неисчерпаемость возможностей математики. Но, оказывается, что и в этих трех вариантах не было того изящества, о котором

думал Григорий Андреевич. Может быть, это покажется непедагогичным, но мы сели с ним вместе, и он мне написал в тетрадь еще два варианта решения задачи и привел тот, самый «изящный», который имел в виду, когда беседовал со мной. Мой третий вариант он отчеркнул в тетради и написал: «Вариант Колобаева».

Какое же было моё удивление, когда на следующем уроке математики он рассказал о четырех вариантах решений этой задачи и сказал всем:

— Но нам с вами надо найти пятый вариант, вариант Колобаева.

Я покраснел. Весь класс оглянулся на меня, кто-то не удержался:

— Не нашего ли Женьки Колобаева?

Раздались смехи, конечно, ехидные. Ведь в классе знали, что я успел нахватать по математике много двоек, а тут такое! Но Григорий Андреевич, улыбаясь, объяснил тоже не без ехидства, но на этот раз в адрес тех самых остряков, которые так пренебрежительно отозвались обо мне:

— Представьте себе, этого самого Колобаева, Евгения Николаевича Колобаева, вашего товарища. Преду-преждаю, вариант трудноват, но каждому, кто его решит и найдет формулу Колобаева, я ставлю пятерку. Вы знаете четыре варианта, теперь ищите пятый. Могу вам сказать, что пятый вариант не самый лучший, но он самостоятельный. И в этом его прелесть.

И сейчас с гордостью вспоминаю, что не все в классе могли найти то, что было найдено мною в одну из бессонных ночей. Но все, кто решил задачу по-моему, получили пятерки. И это, скажу откровенно, для меня было только началом. Потому что и дальше я так же мучительно и с трудом занимался математикой, видел, что тут легких путей нет. Правда, чем больше я занимался, тем легче она мне стала даваться. Это сблизило меня с Григорием Андреевичем. Были и встречи, и прогулки, и незабываемые беседы. Именно в этих беседах я узнал чарующую историю математики и жизнь многих математиков. Я уходил вперед, стал продвигаться все увереннее. Мог уже без труда заниматься высшей математикой без помощи Григория Андреевича, потому что был уже увлечен. Это увлечение пришло ко мне незаметно, но тем более оно было сильным и надежным.

Я стал себя готовить для поступления в вуз на физико-математический факультет. Еще в школе я страстно захотел стать инженером, потому что в инженерном деле видел воплощение математики или, точнее сказать, математику в действии. И сейчас, когда я уже давным-давно окончил школу и вуз, десять лет сам преподавал в институте физику и математику, я по-прежнему вспоминаю Григория Андреевича Савина с трепетным чувством благодарности.

Не подумайте только, что я в нашей средней саратовской школе был каким-то выдающимся учеником — таких ребят, как я, было много. К чести Григория Андреевича Савина надо сказать, что он никого особенно не выделял, ко всем относился удивительно ровно, с той же строгостью, а порой даже суровостью. И мы умели в нем ценить его справедливость и добрую пристальность. Это он нашел во мне, открыл мне мои способности к математике. Это целиком заслуга моего учителя Савина. Но он нашел способности к математике и у многих моих одноклассников, которые сейчас работают инженерами, преподают в вузах, занимаются научной работой. Он был ко всем так же внимателен, как и ко мне.

Когда у нас с женой выпадают свободные дни, мы собираемся в Саратов в гости к Григорию Андреевичу Савину. Нас связывает с ним не только далекое школьное прошлое.

Человек разносторонне образованный и увлекающийся, Савин — отличный собеседник, с ним интересно говорить и о литературе, и об искусстве, и конечно, о математике, потому что наш век — это, можно сказать без преувеличения, век математики, которая вознесла нас в космос, дала возможность облететь Луну, посылать наши ракеты на другие планеты. Здесь уж повод для математических размышлений огромный, истине фантастический. Григорий Андреевич, как истинный математик, влюбленный в науку, но никогда не теряющий трезвость ума, умеет и помечтать о будущем, а ведь самая высокая фантазия современности по сравнению с возможностями математики кажется мизерной. И при каждой встрече, которая для меня и для Зои Сергеевны является большой радостью, мы чувствуем себя так, словно прошли новый курс, шагнули по особой программе вперед. Эта программа включает в себя не только проблемы математики и

философии, но и проблемы человековедения, потому что Григорий Андреевич был и является подлинным инженером человеческих душ, каким и должен быть, как мне думается, каждый учитель.

...А как же с Михаилом Николаевичем? Не изменил ли я ему в своей любви? Не перенес ли я весь жар души на Савина? Нет. Исток реки всегда является истоком. И какой бы река ни становилась полноводной, разве она не начинается с истока, ее породившего, разве она может забыть его?

Я часто думаю, почему в наших анкетах нет такого необходимого и важного вопроса, на который обязан ответить человек:

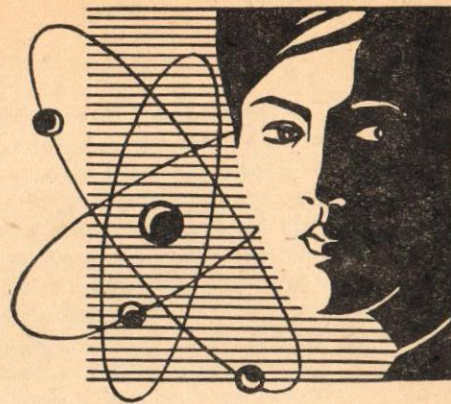
— А чей вы ученик?

И пусть бы каждый с такой же гордостью мог сказать, как я говорю:

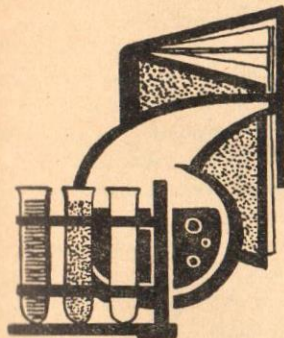
— Я ученик Михаила Николаевича и Григория Андреевича. Не знаете их? Если вам не встречались на пути такие учителя, мне только стоит вас пожалеть.

Всем ли на жизненном пути встретились такие учителя?
Об этом расскажет

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

В КОТОРУЮ

СО СВОИМ
СЛОВОМ
ПРИШЛИ
ВЧЕРАШНИЕ
ШКОЛЬНИКИ,
А НЫНЕ
СТУДЕНТЫ:

М. ШЛАИН,
К. ДЕЙНЕКО,
М. ЗОЛОТАЙКИНА,

А. ЯКОВЛЕВ,
Л. МАГАЙ,
В. СКРЯБИН,

Л. ЭЛЬПЕРИН,
В. БОРИСОВ,
К. РОМАНОВ

К

ажется, не было человека, который не хотел бы рассказать о своем любимом учителе. И лишь студент Константин Дейнеко ответил непохоже на всех. «Я согласен на интервью,— писал он нам в коротеньком письме из Ленинграда,— только при условии, если вы мне дадите возможность сказать не только об учителях, которых я люблю, но и о тех, кого презираю. А если будет только патока, я не хочу».

Мы прочли задорное письмо студента и, конечно, ответили ему, что он не только может, но и должен сказать все, что чувствует. И потом, когда мы уже записали его рассказ, невольно вспомнились нам строки из мемуаров Е. Терешенкова «Встречи на дорогах»:

«Я видел, как работают учителя, и сколько раз хотелось крикнуть иному:

— Уйди, ты не на своем месте, не за свое дело взялся. Нет горше беды для вступающих в жизнь, когда их руководители не идут, а ковыляют, дымят, но не пылают». К сожалению, они и сегодня еще не устарели, эти откровенные и поучительные слова старого педагога. В этой главе мы представляем слово молодым, тем, кого Терешенков называет «вступающими в жизнь». Вчерашние школьники, они сердечно вспоминают умных и честных наставников, но они, ершистые эти ребята, не желают обходить и плохое. Думается, выступления их дадут возможность поговорить о сегодняшнем дне школы, о нашем педагоге-современнике. Возможно, оценки недавних учеников в какой-то степени субъективны. Может быть, некоторые из выступающих еще по молодости лет не в состоянии понять и оценить многое, не хотят мириться со справедливыми упреками и замечаниями педагогов. А может быть, порой просто излишне категоричны. В конце концов не в этом дело. Как ни разноречивы мнения юношей и девушек, выступающих со своими первыми воспоминаниями, мы легко можем найти нечто общее, что объединяет требования молодежи к человеку, профессией которого является обучение и воспитание людей. Это, прежде всего, неприятие всякой казенщины, лицемерия, ханжест-

ва, грубости, стремления воздействовать окриком. Это — глубочайшее уважение к такту педагога, к его душевной деликатности. И еще одно объединяет суждения молодых: восхищение яркой индивидуальностью педагога и неудовлетворенность посредственностью, даже нетерпимость к ней, неприятие учительской безликости.

Выступления наших молодых товарищей дают пищу для раздумий. Они помогают понять характерные черты современного школьника, дают возможность лучше представить, какого учителя любят, каким восторгаются, кому подражают.

В «топоровских адресах» было имя Тамары Константиновны Пересунько («человек потрясающей биографии»...). Мы списались с ее учениками, ныне студентами. И все они тотчас откликнулись. Это было показательно уже само по себе.

Мы прочли письма...

Как же много может значить для молодой души педагог, если он честен и искренен, если он не только дает знания, объясняет и спрашивает по программе, но и становится духовным руководителем своих учеников! Мы не можем привести всех писем, полученных от учеников Тамары Константиновны. Вот два из них.

«Счастлива, что у меня появилась возможность рассказать о Тамаре Константиновне,— пишет нам Наташа Косьяненко.— Я люблю ее не просто как хорошую школьную учительницу, люблю, как маму, как сестру, которых она мне заменила. Я хочу, чтобы вы почувствовали, насколько дорога мне Тамара Константиновна».

Казалось бы, чувства выражены с предельной горячностью. Но Наташе все кажется, что она не сумела воздать должное любимому педагогу. И, уже поставив подпись в конце письма, она делает приписку: «Уж очень сухое мое письмо. Я хочу, чтобы вы знали, какую радость принесла мне ваша просьба, ведь написать о Тамаре Константиновне — моя давнишняя мечта. И вдруг...»

Второе письмо от студента Сергея Несвета: «Я давно собирался написать о Тамаре Константиновне, но как только садился за стол, ничего не получалось. «Почему!» — можете вы спросить. Наверное, потому, что

о таком человеке, как Тамара Константиновна, можно говорить долго и много. Это человек, частичка сердца которого рассыпана в сердцах многих людей. Я помню тот день, когда впервые к нам в пятый класс пришла учительница русского языка. Я сидел на «камчатке», где, как известно, всегда весело. Мы были «злыми» людьми. И естественно, новая учительница была встречена дружным смехом «камчатки». Многие педагоги терялись в такие моменты, но эта не испугалась. Она только покраснела, глаза ее заблестели, и через минуту мы были в коридоре. Могли ли мы тогда предполагать, что такая строгая учительница станет самым душевным другом для каждого из нас!

Когда Тамара Константиновна в первый же день поставила нашу «камчатку» из класса, она не кричала, а очень спокойно и тихо попросила: «Выйдите, пожалуйста». И была в этом какая-то грусть и сожаление, но не обида. Мы вышли, и, знаете, чем-то нам понравилась новенькая, что-то почувствовали мы в ней... Говорят, чтобы написать хорошую книгу, писателю нужно много пережить, передумать. И актеру нужно это, чтобы хорошо сыграть роль. Наверно, и учитель должен иметь это пережитое и передуманное, прежде чем войти в класс. В новенькой это было. Мы как-то сразу почувствовали, что было. Как сейчас помню, после уроков мы зашли в учительскую и попросили прощения. Разные бывают люди, некоторых не сразу узнаешь и оценишь, а некоторым дано тотчас войти в сердце. Прошло время, и мы больше узнали о нашей учительнице, узнали о том, как она, с детства прикованная к постели, училась, и что окончила школу с золотой медалью. А пока мы просто чувствовали: перед нами человек большой внутренней силы.

И началась наша новая жизнь. Мы узнавали не только правила правописания и знакомились с произведениями русской классики, но и учились понимать окружающий мир, задумываться над различными явлениями жизни. Что поразило нас в Тамаре Константиновне? Наверное, прежде всего, ее умение выслушивать и обстоятельно отвечать на любые вопросы. Она была первым педагогом, который относился к нам, как к взрослым людям. Именно это притягивало к ней всех нас.

Она прекрасно преподавала литературу, замечательно

умела выбрать темы для сочинений, чтобы заинтересовать всех. Но дело не только в этом. Нам было трудно, когда, подрастая, мы сталкивались с теми сторонами жизни, которых, по нашему мнению, не должно было быть. Но мы шли к Тамаре Константиновне и верили, что она все объяснит. А ведь она была всего на шесть-семь лет старше нас. И она сделала из нас людей, умеющих не пугаться темных сторон жизни, а стараться сделать жизнь лучше, красивей.

Я после девятого класса перешел в другую школу, но продолжал заходить к Тамаре Константиновне. Когда было тяжело — спрашивал совета и знал, что она не солжет. Не сочтет ребенком, которому не говорят всю правду. А когда было хорошо, я делился с ней радостью и знал, что это будет и ее радость.

Она сделала меня принципиальнее, моя учительница русского языка и литературы, а правильнее — моя учительница чувствам.

Почему я считаю, что Тамара Константиновна сделала меня принципиальнее! Наверное, потому, что сама человек большой воли и настойчивости, она учила не ныть, а бороться с недостатками. И уж тут не идти на уступки.

Когда я пошел работать, выбрали меня начальником штаба «Комсомольского прожектора». Постепенно я начал лучше разбираться в производстве и понял, что на предприятии, считавшемся лучшим в городе, не все обстоит хорошо. Тот сатирический выпуск газеты, который мы сделали, был вывешен как раз в тот день, когда к нам должен был приехать заместитель министра. И тогда мне сказали: «Сними».

Не знаю, если бы я учился не у Тамары Константиновны, то, может быть, махнув на все рукой и впад в уныние, действительно снял бы газету. Но теперь я не мог этого сделать, потому что главное, что внушил мне человек, ставший для меня учителем жизни, заключалось в том, чтобы стараться сделать действительность лучше, а не просто отмечать плохое. И газета осталась висеть.

Это Тамара Константиновна помогла нашему «Комсомольскому прожектору» сократить прогулы на предприятии, поднять активность комсомольцев, способствовала внедрению хозрасчета. Кстати, заместитель мини-

стра, узнавший о многом из нашей газеты, тоже содействовал выправлению дел на предприятии.

Мне все-таки чертовски повезло, что моим учителем была Тамара Константиновна Пересунько. Я не представляю, кем бы я был, что бы знал, как бы жил без нее, без того, что дала она мне. И хочется постоянно жить так, чтоб она была довольна, улыбалась, моя дорогая «духовная мама». И разве один я думаю так! Спросите об этом Борю Попова. Ему сейчас пятнадцать лет, но он уже по-взрослому рассуждает о жизни, пишет хорошие стихи. Мы все помним, как порой появлялась у него излишняя наивность, та доверчивость, которая прежде всего ранила потом его самого. Тамара Константиновна помогла ему стать закаленным, чуть трезвее и чуть суровей, так же как помогала она стать нежнее и добрее тем, кто прошел другую школу жизни. Был у нас в школе Саша Г. Он попал под влияние нехороших людей, озлобился. Его хотели исключить из школы, а Тамара Константиновна сказала, что он будет настоящим человеком. И она сделала его таким. Я помню, как плохо сложилась жизнь у Наташи К. Из семьи ушел отец. Потом она осталась без матери. Ей было очень трудно. Она пришла к Тамаре Константиновне. Просто рассказала ей все. И с тех пор между ними установилась крепкая дружба. Тамара Константиновна в самую трудную минуту жизни помогла понять Наташе, что мир состоит не только из злых людей. И Наташа поверила людям, поверила навсегда.

И у меня были такие случаи, когда хотелось все бросить, ни во что не верить. Но я знал, что есть человек, который поможет разобраться во всем, и я шел на Маяковскую, 14. Звонил в дверь. И Тамара Константиновна встречала меня на пороге...

«Человек, который поможет разобраться во всем» — так называет своего любимого педагога Сергей Несвет. Есть в этих словах что-то очень характерное для тех требований, которые предъявляет молодежь к своим наставникам, к своим учителям. Сегодня нельзя об этом не задумываться.

Есть такое выражение: «взыскательный зритель». В наши дни у педагога «взыскательный ученик». Порою с ним очень трудно, но зато какой благодарностью платит он тем, кто нашел путь к его сердцу и разуму!

О

М. ШЛАИН

на об этом, видимо, и не знает. О моей учительнице я рассказывал дома своим и, хотя с тех пор, как я не учусь у нее, уже прошло много лет, она по-прежнему сохранилась в моей памяти и является добрым другом нашей семьи. Она у нас дома никогда не бывала, но если вдруг открылась дверь и вошла она, ее узнали бы потому, что я рассказывал, какая она, каков цвет ее волос, какие глаза, какого роста и как говорит, как приветлива с людьми. Ну, а если бы она начала говорить, то не только наши семейные, но и друзья нашей семьи назвали бы ее имя. Речь ее удивительно чиста, словно она подбирала слова, как опытный селекционер зернышко подбирает к зернышку. И об этом я тоже рассказывал.

Могу сказать: влияние моей учительницы было сильным и разносторонним. Останусь благодарен ей на всю жизнь за то, что она открыла передо мной поэтические тайны русского слова.

Фамилия моей любимой учительницы Свирская. Учился у я нее всего два года, учила она только двум предметам — русскому языку и литературе, а научила многому. Была она самой молодой и самой живой из всех наших учителей. И работала не то, что хорошо, — это не то слово, — а азартно. Мучилась, что не может найти нужного слова, начинала быстро-быстро говорить, когда рассказ удавался и все получалось здорово.

Когда мы были с ней, нас всех не оставляло чувство, что эта женщина глубоко заинтересована в нашем счастье. Она никогда не была «железным» человеком. И может быть, из-за нее я окончательно разлюбил людскую «железность». У нее бывало и хорошее, и плохое настроение. И мы знали, когда ей худо, как бы она ни старалась скрыть. У нее были уроки уверенные и слабые, но нередки — просто блестящие.

У нее были свои литературные симпатии и (представьте себе) антипатии. До нее мне казалось, что учитель всегда без памяти увлечен тем, о чем ему приходится говорить по программе. У нее этого не было. Я не помню на ее уроке случая деланного воодушевле-

ния. Но зато, если ей писатель нравился, ей страшно, по-ребячьи, хотелось, чтобы он нравился всем. И это ей удавалось.

Вот еще два предмета, которым учила она меня — азарт и человеческая искренность, естественность. Их нет в аттестате, но они так же необходимы, как русский язык и литература. И еще учила меня моя учительница важной дисциплине — осторожности в отношениях с людьми, осторожности в лучшем смысле этого слова — чуткости и доброте. Мне кажется, что сила убеждения у человека, а тем более у педагога, почти целиком — в силе примера. Не помню такого случая, чтобы наша Изабелла (так мы ее называли) задела кого-нибудь, оскорбила, обидела. Мне кажется, что она именно уважала нас, а без такого уважения любая заботливость, любая наставительность, могут вызвать оправданную неблагодарность. Незаметно я полюбил поэта Леонида Мартынова, незаметно решил, что буду заниматься литературой, незаметно стал студентом филологического факультета МГУ...

И еще о моих стихах. Моя учительница была первым серьезным критиком. Тогда я постеснялся идти к ней со стихами сам, послал товарища и побежал домой ждать звонка. И вот он кричит в трубку: «Изабелле понравилось!» Это была радость. А потом вместе с ней мы выпускали литературный альманах и говорили серьезно о моих стихах и вообще о поэзии. Наши вкусы и убеждения были почти одинаковы — теперь я понимаю, что просто перенял ее вкусы и убеждения, но не жалею об этом.

Прошло больше четырех лет с выпускного вечера. Мы встречаемся — правда очень редко — с нашей Изабеллой не для того, чтобы вспоминать, хотя это весело. Мы встречаемся, чтобы снова учиться азарту, увлеченности, искренности.

Каждый хочет, чтобы его судьба была большой судьбой. Каждый хочет, чтобы о нем думали и говорили хорошо и дружески, чтобы незапятнанной осталась его душевная чистота. Но дело не только в нашем желании. Дело в том, что это наш долг перед людьми, которые верили в нас и отдали нам все лучшее, что было в них самих и что они знали. Это наш долг перед такими светлыми людьми, как моя любимая учительница.

О

ткрылась дверь в класс, и чей-то звонкий голос прервал интересный урок:

— Дейнеко, к директору!

Я прошу разрешения учителя и ухожу из класса. Так бывало уже не раз: я — секретарь комсомольской организации и мы с директором часто беседуем о разных делах. Мне всегда приятны встречи с ним. По пути думаю, почему я вдруг во время уроков понадобился директору? Переступаю с улыбкой порог директорского кабинета и слышу:

— Он еще улыбается! А ведь плакать надо!

Это говорит наша классная руководительница. Я недоумеваю. Это недоумение, видимо, не трудно прочесть на моем лице, потому что опять слышу злой голос нашей классной руководительницы:

— Посмотрите, посмотрите! Он еще строит рожи и чувствует себя прямо героем, а ведь...

В разговор вмешивается директор:

— Дейнеко, вы повстречались сегодня в коридоре с классным руководителем и не поздоровались?

— Простите. Но, право же, я, видимо, не заметил. Извините, пожалуйста, — обращаюсь я к классной руководительнице.

В ответ раздражительный окрик:

— Да к тому же он еще лжец! Я не муха, он не мог меня не заметить. Я шла ему навстречу.

— Но, позвольте...

Меня перебили:

— Теперь он будет оправдываться...

Я стою посредине директорской комнаты и хочу понять, почему мне не хотят поверить, почему даже не дают ничего сказать. Недолгая тишина оглашается истерическим криком:

— Он мерзок, он сплетник! И это называется секретарь комсомольской организации школы!

Вмешивается директор:

— Скажите, Дейнеко, о чем вы разговаривали с вашими товарищами по классу и за что осуждали Марию Васильевну?

Вот оно что!.. Я все понял.

— Что, боитесь сказать?! — кричит классная руководительница.

Что делать? Было как-то стыдно сейчас, здесь вести разговор обо всем этом. Это действительно могло выглядеть сплетней. Мне оставалось одно: я не мог передавать разговор ребятам, в котором почти не участвовал. И то, что думали и говорили многие, я сказал от своего имени. Сказал о том, что Мария Васильевна появляется в школе не по возрасту разряженная и накрашенная, похожая на попугая (именно так называют ее многие в классе, и хотя эта придумка принадлежит не мне, я вспоминаю, как смеялся, когда услышал это сравнение). Сказал, что ее крикливость и безвкусица в выборе одежды вызывают недобрые улыбки у ребят. Сказал о том, что в нашем небольшом приволжском городе знают о ее неприглядном поведении в быту и какое отношение к ней это вызывает у школьников. Я гляжу ей в глаза и говорю о ее грубости, несправедливости к ученикам.

И точно в подтверждение моих слов на мою голову сыплется брань учительницы. Я слушаю это. Директор протяжно говорит: «Да-а». И еще несколько раз произносит свое протяжное: «Да...» Но он же знает: то, о чем я говорю, — правда! Он знает. Но слушает вновь и вновь слова о том, что я лжец, сплетник, что вношу в школу нездоровые настроения и что меня надо исключить.

Директор молчит и трудно понять: то ли он согласен со мной, то ли с классной руководительницей.

— Разберемся, — сказал директор. — Идите, Дейнеко, вы свободны.

Следующий урок был ее. Она вошла в класс и сказала: «Дейнеко, выйдите». Я спросил: «Почему я должен выйти?» — «Вы хулиган». В классе поднялся шум. Все стали на мою защиту. Урока не было. Потом это было сформулировано так: «Дейнеко сорвал урок».

Можно было бы воевать. Но я перешел из этой школы в другую. Мне нужно было продолжать учебу, быстрее закончить школу. Я не называю ни школы, ни города, где это произошло. Имя, отчество учительницы тоже вымышленные. Но все это было.

Я любил многих своих учителей, и они сохранились в моей памяти — требовательные и добрые, настойчивые, но справедливые. Столкновение с классной руководи-

тельницей заставило меня еще больше дорожить тем хорошим и добрым, что я видел в других учителях. Видел в них не только учителей, но духовно близких и отзывчивых товарищей. Это теперь я знаю, что они были моими друзьями. Тогда в школе так не думал. Но и тогда тянулся к ним, прислушивался к каждому слову, подражал им в жизни. Мое сердце не опустошилось от того, что я встретил такую классную руководительницу, которая учила нас справедливости, а сама жила ложно, говорила об эстетических вкусах, а сама была образцом безвкусицы. Что из того, что я ушел в другую школу, а она осталась? От этого только еще ниже стал в моих глазах ее авторитет... Пожалуй, хватит о ней.

Была у меня чудная учительница литературы. Она мне и всем в школе привила настоящую любовь к книге. Она говорила: «Кем бы вы ни стали в будущем, литература — это область знания, которая всем помогает жить».

Я буду инженером, но любовь к книге — это моя вечная любовь. Ее привила учительница литературы.

В методах ее преподавания не было прописной стандартности, а была та непосредственность и живость, которая каждый раз словно обновляла перед нами литературных героев. Я не помню, чтобы она когда-нибудь употребляла фразу: «Литература — это жизнь», но мы сами чувствовали, слушая ее, что литература — это сама жизнь, яркая, многогранная, поэтичная. И через литературу мы любили жизнь еще больше.

Таких учителей с творческой душой было много на моем пути. Я им благодарен.

Но я не случайно рассказал о Марии Васильевне: как опасно, когда тебе встречается на пути такой учитель! А впрочем, кто его и назовет учителем?

М. ЗОЛОТАЙКИНА

Мне не кажется, я никогда не расстанусь со своей любимой учительницей Ольгой Александровной Ланской, хотя уже давно не учусь у нее. Когда я работала и готовилась поступить в институт, то, что она посеяла в

моей душе, оставалось со мной. И останется навсегда, на всю мою жизнь. Я говорю о своей любви к ней и как будто бы дарю людям самую большую свою тайну. Как часто я думаю об Ольге Александровне, как часто ее вспоминаю!

...Вот снимаю с полки книгу «Сатира, юмор, лирика». Читаю и встречаю произведения знакомых мне поэтов. Подборка стихов Александра Зорина «Рассветы». Вглядываясь в фотографию поэта, а думаю об Ольге Александровне. Это она привела его к нам в класс. Он тогда только начинал печататься, его не знали. Я читаю его стихи, как родные, потому что они мне знакомы, я их слышала в нашем классе.

Перечитываю страницы журналов и встречаю поэму Андрея Вознесенского — он тоже «старый знакомый» нашего класса.

Читаю книгу строителя, профессора И. Комзина «Свет над Асуаном», и опять встречаю знакомого. Ведь это у нас в классе Иван Васильевич рассказывал о строительстве Асуанской плотины еще до того, как вышла в свет его книга.

Когда я перешла в пятый класс, старшеклассница, окончившая школу, мне сказала: «Ты счастливая, тебе повезло — будешь учиться у Ольги Александровны».

...Тороплюсь к родильному дому с букетом цветов. В вестибюле встречаюсь со своими старыми школьными подружками. У них торжественно приподнятое настроение, улыбающиеся лица, букеты, много букетов цветов. Они пришли сюда, чтобы передать цветы Ольге Александровне. Радость нашей учительницы переживали все — и те, кто теперь учился у нее, и те, кто давно ушел из ее класса.

Мы всегда берегли свою любовь к ней от пышных слов, она проявлялась в поступках. Однажды мы послали в радиокomitee просьбу исполнить любимую музыку нашей учительницы. Мальчики принесли в класс приемник, а Ольге Александровне мы сказали, что будет передано важное сообщение. И вот раздался голос диктора. Он прочел наше письмо, а потом зазвучала музыка из «Князя Игоря».

Мы всегда испытывали потребность доставить радость своей учительнице. И это было вызвано тем, что она сама испытывала потребность передать нам все

лучшее, чем богата ее душа. Я не смогу рассказать о том, как она вела уроки литературы — это значило бы рассказать о таланте мудрого и тонкого психолога, интереснейшего литературного критика. Только скажу: я учусь на факультете журналистики. Я очень хочу стать журналистом, и если стану (а я хочу — значит, так и будет), то первый свой очерк напишу о моей учительнице, коммунисте Ольге Александровне.

А. ЯКОВЛЕВ

Нам нравилось подражать тем учителям, которых мы любили. Мы подражали им в манере держаться и говорить, в походке. Но зато как мы высмеивали тех, кто нам пришелся не по душе черствостью или мелкостью! Мы передразнивали их, запоминали неудачные словечки, использовали их для того, чтобы подчеркнуть невежество педагога. А точно такое же словечко мы легко прощали любимому учителю. Почему? Разве учитель не простит описку хорошему ученику, в знаниях которого он уверен? А такая же ошибка в тетради плохого ученика может показаться не случайной.

Среди педагогов, у которых мне пришлось учиться, были специалисты разной квалификации, люди разного душевного строя. Были и такие, ошибки которых не представлялись нам, ученикам, случайностью. Но не о них я хочу говорить. Хочу рассказать о двух учителях, которым мы охотно простили бы любую оговорку, оплошность, даже ошибку. Как непоправимо должен был сфальшивить такой педагог, чтобы между нами и им прошел холодок! Я хочу верить, что происшедшее было случайностью. Обидно, если это не так... Может быть, от такого и становятся в юности некоторые недоверчивыми к людям... Впрочем, стану рассказывать все по порядку.

В девятом и десятом классе нам повезло: пришли два новых учителя, которые сразу сумели завоевать наши

симпатии. Не будь их, вряд ли бы наш класс с такой теплотой вспоминал минувшие школьные годы.

Первой пришла к нам учительница физики. Это было еще в девятом классе. Она была меньше, чем на десяток лет старше нас, но сразу же заставила думать о себе с какой-то особой почитательностью.

Тонкая, невысокая, с седой прядкой в волосах в двадцать пять своих лет, она была окружена в наших глазах каким-то неповторимым ореолом молодости и мудрости. Мы полюбили ее, почувствовали потребность общения с душевно тонким педагогом. Она была именно тем учителем, которого нам не хватало. Она пришла к нам удивительно вовремя... Нужно ли говорить, что весь наш класс был влюблен в новую учительницу?

Она хорошо знала физику, мы уважали ее за это. Но главное, как я уже сказал, было не в том. Мы все искали общения с ней, ездили к ней домой, прислушивались к каждому ее слову. И даже новый учитель литературы Шенкман, пришедший к нам в десятый класс и сразу же по-новому заинтересовавший нас своим предметом, оставался для нас на втором плане.

Впрочем, влияние его росло со дня на день. Он тоже очень вовремя вошел в нашу жизнь. Это было время нашего возмужания. Мы переоценивали многое в наших понятиях, а он появился и сказал: «Можете задавать мне любые вопросы».

Он сказал это не потому, что считал себя мудрецом, способным разрешить все сомнения. Скорее наоборот, он сказал это потому, что в отличие от многих учителей не боялся порой ответить нам просто: «Я не знаю». Он понимал: нам необходим опытный, доброжелательный человек, который бы взял на себя нелегкую миссию вслух думать, размышлять с нами. Он думал о нас, а не о своем авторитете всезнающего взрослого, который не может показать детям, что не осведомлен в чем-либо.

Мы не скупилась на вопросы, что уж говорить. Наши уроки литературы нередко превращались в диспуты, мы обрушивали на голову своего педагога всю массу накопившихся у нас недоумений и даже специально каверзные вопросы, точно именно он должен был отчитаться перед нами за всех взрослых. Он не увертывался и не подлаживался. Когда мы были правы, он безбоязненно говорил: «Да». Когда мы ошибались, преувеличива-

ли, он вступал в спор. Он выходил победителем потому, что убеждал нас в том, в чем сам был убежден. Он научил нас понимать литературу потому, что наполнил ее живыми ассоциациями, связал ее с нашими повседневными впечатлениями. Он не только сам говорил с нами обо всем — он научил нас беседовать с книгой, спорить друг с другом, думать, отстаивать свое мнение.

Есть у писательницы Достян меткие слова о двух возрастах. Один — когда необходимо, чтобы тебя погладили по голове. Другой — когда очень нужно, чтобы тебе клали руку на плечо и спрашивали: «О чем мы давеча говорили с тобой?» Наш учитель литературы был первым педагогом, положившим нам руку на плечо. А рядом с ним был еще один — молодость с седой прядкой в волосах, поэзия, сделавшая прекрасной пору познавания жизни. Мы благодарны им — и одному и другому — за то, что они были с нами: они помогли нам стать лучше.

Когда я писал сочинение на аттестат зрелости, очень старался. Не для отметки, а потому прежде всего, что очень дорожил уважением своего педагога. Часто на уроках учителя любят повторять: «Вы же не для меня, вы для себя учитесь». Говорят это обычно тем ученикам, которые хотят обмануть педагога. Это справедливые слова — учимся мы, конечно, для себя. А все-таки это победа учителя, если он вызвал у ученика стремление не уронить себя в глазах преподавателя.

Но как ни дорог был для меня и моих товарищей учитель литературы, все-таки, глубоко уважая его, мы так и не смогли поделить своей любви — вся она была отдана нашей учительнице физики. И когда мы, уже студенты и рабочие, приходили на школьные вечера, мы сразу окружали ее.

О школьных годах сложены песни, есть даже вальсы. Мы тепло вспоминаем то доброе, что дала школа, но главное — поэзия юности; она всегда звучит в сердце, оживляет воспоминания. Мы окружали нашу учительницу потому, что она стала для нас неотделима от всего, чем пленяет школьный вальс.

Повзрослев, мы нередко страшимся перечитывать книги, запавшие в сердце в детстве. Страшишься, что не найдешь в заветном томике того, что поразило когда-то,

осталось с тобой, того особенно светлого... Жизнь — не книга, ее не оставишь на полке. И она сама открывает перед тобой свои страницы.

Мы привыкли, что наша учительница всегда была с нами, и мы не мыслили без нее своих общих праздников, хотя наш класс уже формально не существовал — мы окончили школу. Кто учился в институте, кто работал, многие стали отцами и матерями семейств. И вот, когда у одного из наших бывших одноклассников появился ребенок, мы очень огорчились, узнав, что наша учительница не проявила к этому интереса, намеренно не заметила этого. Причина стала нам ясна позже, когда на школьном вечере, где мы снова собрались вместе, зашел разговор о рождении ребенка у еще одного нашего одноклассника. Как всегда, мы окружали нашу учительницу. Она вынула из кармана деньги и, отдав их одной из девушек, сказала, что они предназначаются для подарка новорожденному — «первому ребенку нашего класса».

Может быть, мы были слишком требовательны к нашей учительнице, но мы привыкли, что все, что она делает, должно быть прекрасно. И нам стало неприятно, что она дала на подарок деньги, а не купила этот подарок сама.

Нас удивили и ее слова. Мы спросили, почему первому, — ведь первый уже был. И тогда она, человек, деликатностью которого мы привыкли восхищаться, сказала: «Что это за ребенок, который рождается через четыре месяца после свадьбы...»

Больше она ничего не сказала. Мы не говорили больше на эту тему. У каждого могут быть свои взгляды. Но когда снова настала пора собраться на школьный вечер, многие ребята не пришли, а другие как-то не могли говорить с ней по-прежнему. Не все, но многие. И почему-то в этот вечер было не так хорошо, как всегда, и школьный вальс не звучал так, как всегда.

Я смотрел на молодую женщину с седой прядкой и думал, как велика была ее власть над нами.

Мы и теперь не забываем о том, чем была она для нас. Как обидно произносить это слово «была». Мы продолжаем встречаться со своей учительницей. Но больше она не кажется нам почти сверстницей, хотя она и теперь молода. Глядя на нее, почему-то думаешь, как далеко

осталось детство, и школьные годы кажутся далекими-далекими.

Вот, пожалуй, и все.

Л. МАГАЙ

так, настала пора, когда самой надо трудиться. И это не так легко, поверьте мне, потому что прийти со школьной скамьи на завод и сказать, что ты ничего не умеешь делать, не только трудно, но и как-то стыдно. А я именно ничего не умела делать, хотя не боялась никакого труда. Я хорошо знала, что каждый труд необходим и почетен. Так учили нас в школе, так воспитывает нас комсомол. И оттого что я приду на завод и скажу, что я ничего не умею делать, мне стало не по себе. И почему-то в эти часы раздумий я вспомнила Нину Ивановну Бурматову, нашу учительницу, и с гордостью скажу, нашего друга. Вспомнила ее фразу: «Если у человека есть руки и хорошо работает голова, то ему ничего не страшно в жизни, при одном, конечно, условии, если он любит трудиться».

Я научилась трудиться именно в школе, потому что Нина Ивановна так нас воспитывала. Она считала, что для школьника хорошо работать над уроками — это труд. И часто говорила ребятам, которые не приготовили урока: «Неужели ты не умеешь трудиться? А я тебя считала трудолюбивым». И от одного этого становилось школьнику стыдно.

Когда я пришла на завод и меня спросили, что умею делать, я ответила: «У меня есть руки и голова на плечах. Я могу делать все, что захочу». В отделе кадров улыбнулись: «А что ты захочешь?» На вопрос я ответила вопросом: «А что нужно, чтобы я делала?»

— Нам нужна на заводе уборщица.

— Ну что же, с этой работой я вполне справлюсь.

Работники отдела кадров были удивлены и сказали мне:

— А тут много приходило ваших из школы, и никто не согласился.

— Зря, — сказала я и добавила: — Это, видно, не наши, не ученики Нины Ивановны.

— Кто же это, ваша Нина Ивановна?

— Бурматова. Учительница.

Я взяла направление и ушла. Утром в цех, где я начала работать, пришел инспектор кадров, проверить, не обманула ли. Но увидел меня за работой, помахал мне рукой и тут же ушел. Я поняла, что они мне не верят.

Я столкнулась с людьми труда, пристально присматривалась, как они работают, и училась. Восторгалась работой многих, и мне было тепло на сердце оттого, что я рядом с этими людьми. Стала делать записи в своей тетради. И как-то однажды дома вдруг остановилась и подумала: а почему, собственно, не написать мне о людях, труд которых вижу каждый день, ведь я успела полюбить этих людей. Куда написать? Ну, хотя бы для начала в нашу заводскую газету. Ведь я еще в школе мечтала стать журналисткой. И Нина Ивановна Бурматова поддерживала мое стремление, говорила: «Обязательно будешь». Так неужели я не оправдаю ее надежд? Ведь она такая прозорливая и умная, относилась к нам с такой материнской заботой. Я писала в школе статьи и заметки — их печатали. Я мечтала писать. А не настала ли пора осуществить эту мечту? Кажется, настала.

Написала первый очерк и робко пошла в городскую газету «За коммунизм». Меня встретили доброжелательно. Тут же прочли мой очерк и сказали, что напечатают. Представляете, с каким трепетом я ждала выхода газеты. Наконец, появился мой первый небольшой очерк в газете. Какое необъяснимое чувство трепета и радости охватило мою душу!

В тот же день я написала новую заметку и отнесла ее в редакцию. Меня встретили как старую, добрую знакомую, прочли заметку и опять я услышала радостное: «Пойдет». Кто-то у меня в редакции спросил:

— Скажи, Люба, а кто тебя учил писать?

Я, не задумываясь, ответила:

— Нина Ивановна Бурматова. Моя учительница.

И рассказала о том, как в жизни мне повезло, что встретился на пути человек большого сердца — Нина Ивановна Бурматова.

С тех пор я стала печататься в нашей городской га-

зете «За коммунизм». Писала всегда с охотой и стремилась, чтоб получалось все лучше и лучше. Иногда десять раз переписываю заметку, как когда-то переписывала сочинения, думая о требованиях Нины Ивановны Бурматовой.

Я часто о ней думала. Думала тогда, когда занималась уборкой на заводе и старалась, чтобы все было чисто и аккуратно, потому что Нина Ивановна учила всех нас относиться к труду, какой бы он ни был, честно. Я старалась быть честной. Не стыдилась своей работы и даже теперь, когда некоторые люди на заводе говорили: «Что ты, Люба, с метлой сроднилась? Шла бы в канцелярию, работу тебе найдут», я отшучивалась. Канцелярия меня не влекла.

Моей привязанностью стала газета.

Я уже проработала довольно долго на заводе, когда меня неожиданно пригласили в партком.

— Слушай, Люба,— сказал мне секретарь парткома,— мы на заводе будем выпускать газету, уже название есть — «Химик». Мы бы хотели, чтобы ты пошла туда работать. Вот скоро приедет редактор и вдвоем вам предстоит делать газету. Пойдешь?

Что я могла сказать? Конечно, да, конечно, пойду. Помню, добавила: с удовольствием.

Прошло немного времени, и мы вдвоем с редактором начали готовить первый номер заводской газеты. Обсудили план номера, составили макет. Собственно, все делал редактор, я только внимательно и пытливо следила за его работой, училась.

Когда вышел первый номер нашей газеты, это было для меня такой радостью, словно в моем сердце песня поселилась. Старые журналисты любят говорить, что самый лучший на свете запах — это запах свежего номера газеты, только что с печатной машины. Я почувствовала этот запах, почувствовала восторженный трепет, когда сошел с машины лист с первым номером нашей газеты. Появилось стремление работать, работать, работать.

Выходят газеты, номер за номером. И вот однажды утром, едва я пришла на работу, редактор сказал мне:

— Люба, я уйду на месяц в отпуск, надо подлечиться. Ты останешься одна.

— Одна?

Ему передалось мое удивление. Он улыбнулся и сказал притчу о том, как щенят учат плавать: бросят их в реку — выбирайся, мол, сам. И ничего, выплывают. Мы составили примерный план, обговорили содержание каждого номера. На следующий день я стала редактором. Теперь у меня за спиной никого не было. Мне нужно было делать все самой: править заметки, организовывать материалы, принимать посетителей, спорить и ругаться с теми, кто спешит с опровержением, собирать совещание рабкоров. Словом, быть полновластным хозяином редакции.

Не скажу, что это было легко, но, когда редактор вернулся из отпуска, он похвалил меня за работу.

Жизнь шла, как обычно. Снова делали газету. Я продолжала упорно и настойчиво учиться, овладевать мастерством, мечтала о том времени, когда поеду в Москву сдавать экзамены — поступлю ли на факультет журналистики МГУ? Но ведь Нина Ивановна Бурматова еще в школе мне сказала: «Быть тебе, Люба, журналисткой». И я буду.

Вновь и вновь мне хочется говорить о своей учительнице. Впрочем, почему только об одной Нине Ивановне? Была ведь и другая учительница, уже в вечерней школе — Марта Григорьевна Маслова, о которой умолчать никак нельзя, потому что она тоже была настоящим человеком и учила нас не только русскому языку — учила жизни.

Два человека на земле, которых я до сих пор вспоминаю с огромной благодарностью и любовью и с чувством, что я в неоплатном долгу перед ними — это два моих учителя, подаривших мне необъяснимо большое и светлое... Они дали мне то, без чего я не смогла бы продолжать жизнь и правильно познавать мир.

Мне часто, особенно под Новый год или в день 8 Марта, хочется прийти к ним с цветами. Но я не иду. Мне почему-то хочется прийти к ним не сейчас, а после, когда я буду уже совсем взрослой, когда я уже много сделаю для Родины, когда мне не будет стыдно стоять перед ними. Я жду такого дня.

Пятый, шестой, седьмой классы... Плохо помню себя в эти годы, но ясно представляю и помню Нину Ивановну Бурматову. Особенно ее глаза. Они были темные, теплые, щедро грели светом доброты и ласки. Я никогда не

видела их злыми. Глаза Нины Ивановны глядели на нас, мальчишек и девчонок, как на самых умных учеников. Это нам нравилось, и мы становились такими.

Густые черные волосы Нины Ивановны прорезали седые нити. Когда я смотрела на них, то вспоминала ее рассказы о людях героического Ленинграда в годы войны. До сих пор помню один рассказ о детях голодного осажденного города. Нина Ивановна тогда работала тоже учительницей, и ей пришлось учить их.

— Понимаете, ребята, — говорила она тихим голосом, а у нас мурашки бежали по телу, — они не умели улыбаться, как вы, совсем эти дети разучились смеяться... Была первая блокадная весна. Апрель 1942 года. На улице было солнце. А передо мной сидели не дети, а старички, которые в свои 10—12 лет увидели столько горя и страданий...

Незаметно Нина Ивановна учила нас любить людей, заставляла видеть даже в плохом человеке хорошее. Был, например, у нас в классе Ленька Ветров. Все мы его ненавидели за трусость, хвастливость, эгоизм, за его всегдашнее «я». Мы готовы были его изгнать, обречь на одиночество, и мы это сделали бы, если бы не вмешалась Нина Ивановна. Она делала вот что: она открывала перед классом хорошие черты в Леньке. Мы убеждались, что Ленька не так уж глуп, что он может быть добр, если подойти к нему по-товарищески. Она называла его так же ласково, как и нас, Леней или Леонидом. И этот Ленька Ветров постепенно нам понравился. Сначала у Леньки и дома было плохо: неродная мать его часто избивала. Нина Ивановна и тут отстояла его, защитила Ленькино человеческое достоинство. Никогда она не унижала в нас это чувство — ни словом, ни взглядом, ни поступком. Великим доверием к нам, детям, возвращала его в наших сердцах, в нашем сознании.

Она так говорила с нашими родителями, что заставляла еще больше и глубже их любить, еще внимательнее относиться к ним, к их прошлому. Нина Ивановна находила в наших папах и мамах такое, оказывается, удивительное, чего мы раньше не замечали.

Не знаю, как сложилась бы судьба одной девочки, если бы однажды Нина Ивановна не сказала нам:

— В класс скоро придет новенькая. У нее больные ноги, она на костылях. Мы должны принять ее в свой

коллектив так, чтобы девочка не почувствовала себя одинокой, чтобы не замечала свой недуг.

Эта девочка пришла. Ей всегда было хорошо с нами, она была самой уважаемой в классе. Мы по очереди ее провожали домой, помогали нести портфель. Теперь она мой самый дорогой друг.

Нина Ивановна всегда сердилась, когда в классе был беспорядок, не были политы цветы или на ком-то был мятый галстук или воротничок. Даже малейшую бумажку мы поднимали перед ее приходом. Потом это стало привычкой.

Особенно мы любили с Ниной Ивановной собирать металлолом, делать генеральную уборку в классе, собирать в колхозе картошку, выпускать стенгазету, готовиться к концертам. Вот перечислила, — выходит, — все любили делать с нею! Да, это так. Потому что она сама была неутомимой труженицей — и беспокойной, и увлекающейся. Всякая работа становилась с ней интересной.

Мы любили математику, которую она преподавала. Помню, как все после объяснения новой темы тянули руки и каждый просил взглядом, чтобы спросили именно его. Она умела заинтересовывать и тем заставляла учиться, сидеть за книгой. Это впоследствии мне очень помогло и помогает.

Любимыми для нас были классные собрания. Если кто-нибудь вдруг удирал с них, то мы считали его самым несчастным человеком. Сколько интересного и поучительного давали эти вечера после уроков! Она рассказывала нам о Москве, о Третьяковской галерее, о книгах, о людях, о будущем... Много я уже не вспомню из того, что она говорила, но суть осталась во мне. Нина Ивановна доходила до наших сердец и умов, освежая и перестраивая наши взгляды, формируя сознание и характеры. После этих вечеров нам не хотелось никому сделать зла, хотелось, чтобы вдруг случилось такое, когда мы могли бы показать, какие мы хорошие, настоящие люди, и чтобы все и наша учительница увидели это.

Я посмею сказать: мы уже тогда по-настоящему любили Родину, Ленина, Коммунистическую партию, мечтали о Москве. Уже тогда привилось стремление к прекрасному.

Знаю, Нина Ивановна любила нас, умела каждого понять и к каждому подойти. Помню, у меня было

большое огорчение. Сидела на уроке, наверное, грустноватая, но делала вид, что внимательно слушаю Нину Ивановну. После объяснения она дала нам задание, и мы стали решать задачи. Наклонившись над партой, я писала. Вдруг теплая ладонь мягко прикоснулась к моему лбу и задержалась на какую-то секунду.

— Люба, ты не больна? Что же с тобой? — услышала я ласковый шепот Нины Ивановны. И она, слегка погладив меня по голове, так же незаметно отошла от парты. А на душе стало легко и не обидно. Я узнала, что у меня есть друг, который в любую минуту поможет.

Грустно и тяжело было расставаться с Ниной Ивановной, как будто кто-то вынимал из сердца, не спрашивая меня, кусочек дорогого и близкого.

Прошло несколько лет. Недавно в гостях у Нины Ивановны были мои одноклассницы. Они рассказали, что Нина Ивановна поинтересовалась мной и сказала:

— Я всегда была уверена, что Люба многого добьется, она еще тогда была настойчивой.

Не знаю, рассчитывала ли Нина Ивановна на то, что эти слова дойдут до меня. Наверное, рассчитывала, потому и сказала «многого». Какую ее слова дали мне веру в свои силы!

Второй человек, которому я благодарна, — учительница русского языка и литературы одной вечерней школы Марта Григорьевна Маслова, у которой мне посчастливилось учиться меньше года. Но за это время я успела полюбить русский язык. Я вспоминаю Марту Григорьевну, ее уроки, ее пронизательный взгляд, речь и интонации, умение владеть аудиторией взрослых людей. Ее душевная красота вызывала у меня большое уважение к этой женщине. Мне хотелось походить на нее.

Я всегда удивлялась тому, как это можно заставить совсем взрослых людей сидеть и слушать ее так, как могут слушать только дети. Большие рабочие руки послушно записывали в свои тетрадки предложения, расставляли знаки препинания. Она диктовала не только предложения из пособий по русскому языку, но и изречения, мысли великих людей о труде, о назначении человека в жизни, о счастье, благородных идеалах.

Мы записывали в свои тетради и отрывки из произведений классиков. И, записывая, познавали не только

красоту русского языка, но и жизнь с новой, неведомой до этого стороны. Марта Григорьевна порой спорила, доказывала неправильность наших взглядов. В этих спорах мы учились широко смотреть на мир, понимать окружающее. Она хотела видеть нас образованными, полезными, красивыми в мыслях и поступках, деятельными, передовыми людьми своего времени.

В детской школе так важно, когда с тобой говорят, как со взрослым. Когда взрослый садится за парту, какой бы он ни был большой, — он всегда чуть-чуть ребенок. Учитель всегда учит человека за партой, своего ученика, самому трудному предмету — как жить на свете.

Помню один урок литературы, на котором она читала стихотворение Исаковского «Перелетные птицы». Сколько раз я слышала и сама пела эту песню. А она читала, и эти строки я воспринимала так, точно впервые услышала их. Она читала, волнуясь, будто сама была автором этих строк:

А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона,
Не нужно мне солнца чужого,
Чужая земля не нужна.

Мы только тогда поняли до глубины всю эту песню.

Каждый урок русского языка и литературы приносил нам новые открытия. Слова звучали по-новому, становились объемными, обретали особый смысл.

Двух человек на земле, кроме моих родителей, до сих пор вспоминаю с огромной благодарностью и с чувством, что я в неоплатном долгу перед ними. Это два моих учителя...

В. СКРЯБИН

Очень далеко сейчас, за тысячи километров от меня якутское мое село Абага. Семь дней идут письма ко мне в Ленинград...

Мысли летят быстрее. Я думаю: как могло получиться, что обыкновенный якутский парнишка из далекого,

заброшенного в тайге села теперь — студент сельскохозяйственного института, депутат высшего органа власти России. Конечно, этим я обязан Октябрьской революции и Советской власти. И не я один — весь мой народ.

Почему же я хочу говорить сегодня о моих учителях? Почему так велико их значение в моей жизни?

Пятьдесят пять человек было в нашем выпуске. 55 — все мои товарищи, — сейчас студенты. Как вы думаете, хорошо ли нас учили, если все 55 ребят из далекого якутского села Абага выдержали вступительные экзамены и успешно учатся сейчас в самых различных вузах страны? Марат Старостин в Институте народного хозяйства имени Плеханова, Медея Захарова — в медицинском, Ньютон Петров — в технологическом...

Говорят, молодежь учится у старших. А старики в нашем селе, встретив учителя, всегда первые с ним здороваются.

Кто был веками мудрецом в Абаге? Шаман. В начале двадцатых годов появилась в якутском селе школа, пришли к нам учителя.

В 1924 году 14 пионеров Абаги, 14 школьников сражались с охвостьем белогвардейских банд. Впервые, узнав грамоту, дети моего народа учились азбуке революции, учились бороться за свою свободу, против векового бесправия и темноты.

С великим почтением относятся в нашем селе к учителям и стар и млад. Они были для нас настоящими просветителями, они несли культуру моему народу, открывали перед ним мир.

Есть у меня товарищ, я говорил о нем, Ньютон Петров, мы вместе с ним сели детьми за парту, вместе окончили десятилетку. Так вот Ньютон Петров, сын якута, родился в ту пору, когда у нас на селе учителя проводили беседы с неграмотными крестьянами, рассказывали им о достижениях науки и о гениях человечества, свершивших великие открытия. Поэты и сейчас еще пишут стихи о том, что наступит время, когда и в Якутии, стране вечной мерзлоты, зашумят яблоневые сады. Старый якут, отец Петрова, никогда не видел яблони, но учитель рассказал ему о человеке, которому яблоко в своем падении подказало великую мысль. Закон земного притяжения был прекраснее сказки. Поэтому никто не удивился у нас в селе, когда новорожденного своего сына назвал

Петров Ньютоном. Дети Абаги учились в школах. Старый якут верил — не проживет теперь его сын даром, найдет свое яблоко для людей Ньютон Петров.

...Наше село большое. Но если вы побываете в нем и спросите у любого прохожего, у старика или у мальчонки, который только собирается в школу, как найти Григория Фомича Кайдалова, они сразу проникнутся к вам уважением и почтением, проведут вас до дома, где живет учитель.

Григорий Фомич Кайдалов был и моим учителем. О чем бы ни вспомнил я сейчас — о знаниях, полученных в детские годы, о первых уроках человечности, о первых понятиях гражданственности, преподанных нам в школе и оставивших навсегда след в моем сердце, — я вспоминаю учителя Кайдалова. Преподавал он естествознание.

Был он всегда спокойным, ровным, никогда не срывался. Поняв, что ученик не выучил урок, он неизменно спрашивал, не случилось ли что-нибудь у него дома, все ли здоровы, здоров ли сам ученик. И если оказывалось, что в доме ученика все благополучно и ничего не могло помешать ему заниматься, Григорий Фомич задавал еще один вопрос:

— А почему же ты не выучил урока?

Дважды в жизни такой вопрос одному и тому же ученику он не задавал — не приходилось. С теми же, кому действительно было трудно, Кайдалов всегда сам занимался после уроков или даже приходил домой. Я не помню, чтобы он произносил когда-нибудь какие-то речи о долге, он просто учил нас понимать и выполнять его.

Он не то, чтобы даже любил, он очень уважал свой предмет. И многие из его учеников, в том числе и я, благодарны ему потому, что он привил нам уважение к земле и к человеку, который трудом своим способен преобразовать ее. Много позже я прочел стихи о том, что в Якутии должны цвести яблоневые сады. А первым заговорил об этом с нами, мальчишками и девчонками Абаги, наш учитель. И тогда в запорошенной снегом школе, на земле вечной мерзлоты, снежинки за окном казались нам яблоневыми лепестками.

Тем, что после окончания школы я пошел в колхоз и стал руководить механизированными звеньями, я, конечно, тоже обязан Григорию Фомичу. Его уроки дали мне и всем нам возможность познать почвенные и клима-

тические условия, в которых могут воздвигаться земледельческие культуры у нас на Севере. На нашем пришкольном сельскохозяйственном участке, мы прошли хорошую практику.

Григорий Фомич Кайдалов не только помог мне решить вопрос: кем стать? Еще в стенах нашей школы он заставлял задуматься над главным: каким быть? Он учил нас уважению и любви к людям всех национальностей.

Далеко наше село от Прибалтики, а колхоз наш носит имя славного сына латышского народа, большевика ленинца Страда. Имя это мы слышали с детства. Каким он был, коммунист Страда, руководивший борьбой с белогвардейцами, латыш, воевавший на якутской земле,— об этом рассказал нам Григорий Фомич Кайдалов. Это очень важно, когда учитель умеет дать образец для подражания своим ученикам. Кайдалов сумел нарисовать перед нами высокий идеал, которому хотелось следовать. Мы знали и то, что сам наш учитель был солдатом, в боях с фашистами прошел дорогами войны.

В нашем селе была семилетняя школа. Окончив ее, мы всем классом выехали в районный центр, учиться в десятилетке. Школа, в которой мы занимались эти последние три года, носила имя Владимира Галактионовича Короленко. Замечательный писатель, талантливый сын русского народа, всегда встававший на защиту угнетенных, он оставил добрую память и на нашей земле. Человек, имя которого носила наша якутская школа, В. Г. Короленко, стоит в моем сознании первым среди тех великих подвижников, которые несли свет знания моему народу.

Клара Максимовна Чернякова, преподававшая в школе русский язык и русскую литературу, на своем примере дала нам возможность воочию увидеть и оценить подвиг таких людей. Молодая, энергичная, она не побоялась ни наших пятидесятиградусных морозов, ни наших свирепых ветров, потому что знала: маленьким ребятишкам из села Абага жизненно необходимо знать русский язык.

Я пришел в школу, почти не умея говорить по-русски. Клара Максимовна раскрыла передо мной тайны, могущество и красоту русского языка. Откровением было для меня само познание его. Богатство того, что открывало это знание, я осознал позже, с годами. Читая в под-

линнике Пушкина и Толстого, Шолохова и Паустовского, наслаждаясь стихами Лермонтова и Некрасова, Есенина и Исаковского, я всегда с благодарностью вспоминаю свою учительницу Клару Максимовну Чернякову.

Я вспоминаю ее, читая Тимирязева, Павлова.

Я вспоминаю мою учительницу, когда слышу стихи Маяковского:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

Я вспоминаю, как учила нас наша учительница этому великому прекрасному языку.

Приехав к нам, она сразу и настойчиво стала изучать наш язык, якутский. И к нашему удивлению, быстро научилась разговаривать по-якутски. Она узнала наши песни, проникновенно и задушевно пела их. Я особенно хорошо помню одну — о реке Мге... Она знала наши разговорки, умела пользоваться ими, любила наши сказки. Мне кажется, я никогда бы так не изучил русский язык, если бы она поленилась узнать наш, пренебрегла им. Если она, владеющая сказочно богатым своим языком, изучала наш, такой, наверное, трудный для нее, то и мы старались быть такими же упорными и настойчивыми в овладении родным языком нашей учительницы.

Она приехала к нам из Тамбова, с родины великого садовода России Мичурина. Она, давшая столько нашему уму и сердцу, очень много сделала для того, чтобы зацвели сады и в нашем северном крае.

«Вся Россия должна стать цветущим садом», — говорил А. П. Чехов. Наши учителя, растившие нас, верят в нас, как и наши отцы, верят что мы не проживем даром на свете, что мы оставим добрый след на земле.

Мне выпало большое счастье и честь — мои земляки избрали меня депутатом Верховного Совета РСФСР. И как же было мне радостно узнать, что мои учителя Григорий Фомич Кайдалов и Иннокентий Григорьевич Лазарев — чудесный педагог, преподаватель якутского языка, агитировали за мое избрание в Верховный Совет Российской Федерации!

Много нам дали наши учителя. А кому много дано, с того много и спрашивается — так гласит пословица. Нас уже не вызывают к доске. Но экзамен продолжается. Теперь нас экзаменует жизнь. И мы стремимся этот экзамен на звание активных строителей коммунизма выдержать на «отлично»!

удовольствием буду говорить о моей любимой учительнице, потому что я очень часто вспоминаю о ней, и даже теперь, спустя десять лет, как я перестал у нее учиться и редко ее вижу, она по-прежнему остается добрым спутником моей жизни.

Мы, мальчишки, учащиеся школы № 395, что расположена в Сокольниках, не очень прилежно учили географию и считали, что она нам в жизни вряд ли понадобится. Но вот в нашем шестом классе появилась Мария Моисеевна Самсонович, и наше отношение к географии начало постепенно меняться. Мы, вероятно, тогда не могли бы ответить на простой вопрос, почему мы до прихода Марии Моисеевны плохо относились к прежней учительнице географии, да и не очень стремились изменить свое отношение к этой, как нам казалось, мало полезной науке.

Но вот пришла в класс среднего роста, живая, подвижная женщина, о которой в школе говорили, что «у нее полная голова идей», и увлекла нас, сокольнических ребят, в удивительно интересную, во многом сказочную страну — географию. Каждый ее урок был для нас открытием, интересным и очень умным. Мы стали познавать мир, но не мертвый мир цифр и названий, а живой мир нашей планеты. Как все это стало увлекательно! Если речь шла об Африке, мы узнавали не только о людях, живущих там, но и о песнях этих народов, их обрядах, одежде, о борьбе, которую ведут народы Африки против колонизаторов.

О чем бы речь ни вела Мария Моисеевна, все было ярким, очень живописным. Мы, мальчишки, даже удивля-

лись, как много она знает — и о странах, и о народах, и о путешественниках и первооткрывателях, об их успехах и трагедиях.

Учебник географии, который казался нам до предела сухим, ожил, засверкал всеми цветами радуги, и мы, сокольнические ребята, которые были не очень-то добродетельны и охочи до всяких наук, вдруг стали жалеть, что рано кончается урок географии. Мы полюбили учительницу и мало что от нее скрывали. Хотя, конечно, если говорить по правде, были у нас и от нее мальчишеские тайны. Как-то мы сказали ей, что хотели бы знать, больше того, что получаем на уроке географии. Мария Моисеевна улыбнулась и ответила нам:

— Если хотите, пожалуйста! У нас есть возможность создать географический кружок.

И он был создан. Эти сборы отнюдь не были продолжением наших уроков. Мы вместе со своей учительницей «путешествовали» по стране. Побывали, кажется, во всех местах, познали красоту наших гор и величественность и буйность наших рек. Хорошо узнали Кавказ, Среднюю Азию, Урал и Дальний Восток. Что же касается центральных областей нашей страны, то тут мы открыли для себя так много нового, что было удивительно, что мы всего этого не знали раньше. В нашем классе родилось увлечение географией. Увлекались теперь буквально все.

Теперь мы и дома читали напропалую — читали сухие страницы учебника географии, читали книги о путешествиях Пржевальского, об открытиях Лаперуза, и о путешествиях-плаваньях писателя Гончарова на фрегате «Паллада», и о плаваниях Колумба, и о многих других, чьи фамилии упоминались в учебнике. Вскоре все они для нас стали уже не фамилиями, а людьми, жизнь которых может служить удивительным примером для каждого живущего на земле.

Конечно, мы из книг уже знали, что жизнь этих и других путешественников была тяжелой и всегда опасной, но кто из нас, мальчишек, не мечтал в ту пору преодолеть эти опасности и открывать новое в мире. Эта черта, воспитанная в каждом из нас Марией Моисеевной, настолько дорога, что я смог ее оценить только позже, когда служил в армии, а потом работал на заводе. Для меня трудности были не страшны. Скажу откровенно, они ни-

когда не пугали меня, я мог трезво оценивать их, потому что знал, как нелегко было людям, открывшим для нас целый мир. Мне всегда казалось, что невзгоды и трудности, которые я преодолевал, капля в океане по сравнению с трудностями, встречавшимися людям, о которых рассказывала нам Мария Моисеевна. Служба в армии, конечно, дело нелегкое, но разве можно сравнить эти трудности с тем, например, что приходилось переносить матросам Колумба или экипажу Седова, пытавшемуся пробиться сквозь льды и торосы к Северному полюсу.

Я вернулся из армии и пошел работать. Кто не знает, что учиться и работать нелегко. Но я справлялся все эти годы и сейчас с успехом справляюсь — работаю техником и учусь в инженерном институте. Передо мной всегда стоят образы людей — открывателей и преобразователей земли, о которых так ярко рассказывала наша учительница.

Я пишу о любви к географии, а стал инженером. Но разве дело в этом. Преподавая географию, наша учительница привила нам не только любовь к своему предмету, она вызвала интерес и уважение к самому процессу познания, воспитала трудолюбие, стремление учиться.

Вскоре после создания географического кружка мы отправились в настоящее путешествие по Уралу. Перед поездкой прочли много книг о «Каменном поясе», и каждый, прочитав книгу, рассказывал о ней на географическом кружке. Это была хорошая подготовка. Сколько мы узнали нового! Все чувствовали себя первооткрывателями.

А сама поездка по Уралу осталась памятной на всю жизнь. Мария Моисеевна наглядно раскрыла перед нами его сокровища, показала нам Урал в его динамике. Мы видели остатки демидовских заводов, где несли тяжкие муки крепостные. И мы видели новый, советский Урал — его большие заводы, рудники, карьеры, новые красивые города. Мы увидели героев Урала, его замечательных мастеров. Покорила нас своей изумительной красотой уральская природа. Ближе, зримее стали чудесные сказы П. Бажова.

Вернулись с Урала переполненные впечатлениями, с объемистыми дневниками. На следующий год всем кружком отправились в путешествие по Кавказу. Побывали

в г. Орджоникидзе, а потом пешком прошли по Военно-Грузинской дороге. Нам казалось, что мы знали об этой дороге среди гор много. А то, что мы увидели, было для нас еще одним открытием. Военно-Грузинская дорога привела нас в Тбилиси, потом мы проехали в Батуми и в Сухуми, откуда вернулись в Москву.

Путешествуя, мы были очарованы красотами родной земли и еще больше привязались к нашей учительнице. Она была нашим прекрасным гидом. Только теперь я могу оценить, как тщательно готовилась Мария Моисеевна к путешествиям с нами. Сколько она прочла книг не только географических, но и исторических, как горячо стремилась помочь нам увидеть преобразенный облик родной земли!

О каждом нашем путешествии мы писали отчеты. Не знаю, где они сейчас, эти школьные труды, но мне они вспоминаются, потому что они были событием для нас, нашими первыми научными работами. Мы все привыкли к путешествиям, и зимой задумывались, куда поедем летом. Но на третий год случилось так, что Мария Моисеевна должна была остаться дома, и, естественно, поездка не состоялась. Но все же я нашел возможность вновь попасть на Кавказ. Я пошел рабочим в геологическую партию и с удовольствием проработал на Кавказе все школьные каникулы.

Вызванная в детстве любовь к путешествиям сохранилась у меня и сейчас. Сохранилась и любовь к географии. Хотя у меня и немало дел, нужно работать и учиться в институте, я все же выбираю время для того, чтобы читать географические книги, и стараюсь не пропустить ни одной новой книги о путешествиях.

Чем же мне дорога Мария Моисеевна? Почему рассказываю о ней, а не о других учителях, — а я учился в двух школах и знаю и помню многих учителей? Прежде всего тем, что она, наша учительница географии, как никто другой, была влюблена в свой предмет. А известно, влюбленность скрыть нельзя. Мы это видели не только в том, что она с вдохновением говорила нам на уроках, но и в том, что и уроки были не рудой, а выплавленным чистым металлом. Она всегда знала все новое, что появлялось в географической науке, с одинаковой подготовленностью она приходила и на уроки, и на наш географический кружок. А если нам доводилось провожать ее до

дома, что мы делали с большой радостью для нас, то она с такой же обстоятельностью отвечала на наши разнообразные ребячьи вопросы.

Именно благодаря ее урокам мы научились слушать и другие предметы, потому что стали понимать, что нужно хорошо учиться, чтобы потом с пользой жить. Если уж говорить правду, то ее поведение, доброе любовное отношение к ученикам повышало нашу собственную ответственность перед школой, перед семьей, перед жизнью. Она видела в нас не только своих учеников, но людей. В каждом из нас она уважала человека. Я невольно сейчас по контрасту вспомнил нашу молодую математичку — женщину грубую, вспыльчивую, нередко оскорблявшую учеников. Этого ей и поныне никто не может простить.

Марию Моисеевну гордое чувство воспитателя, видимо, прежде всего заставляло бережно относиться к своим ученикам, пуще всего бояться нанести им нравственный удар. Мы бы могли простить учителю многое, если бы ценили его как человека. Но, конечно, никогда бы не простили ему оскорбление нашего достоинства. Мария Моисеевна воспитала в нас это чувство. Поймите меня правильно. Человек, который оскорбляет других, сам, по-моему, стоит на низком уровне нравственного развития. И потому, что Мария Моисеевна нас никогда не оскорбляла, мы ей платили той же монетой. Я не помню даже случая, чтобы кто-нибудь в нашем классе попытался сказать о ней плохое слово.

Я не могу даже сейчас вспомнить, были ли в ее характере какие-то смешные черты, которые, как известно, умеют хорошо подмечать ученики.

Мы высоко ценили Марию Моисеевну, дорожили ее отношением к нам и, конечно, любили ее уроки. Для нее, а потом и для нас география не была мертвой наукой, а была удивительно живой, очень нужной нам, потому что она учила нас понимать и любить родную землю, родную природу.

Прошло десять лет, как мы расстались с ней в школе. Давно наша учительница ушла на пенсию. Но по-прежнему у порога ее дома я встречаю друзей своего детства и часто переступаю этот порог сам, потому что мне нужно встретиться с Марией Моисеевной, нужно для того, чтобы поговорить по душам, поделиться с ней тайнами своими, посоветоваться с чутким и отзывчивым человеком.

Прошло десять лет. Пройдет еще двадцать, тридцать, но все равно я буду с такой же теплотой и с такой же доброй ясностью вспоминать ее, потому что она обогатила мою жизнь, увлекла ее большой мечтой, открыла передо мной мир и, возможно, удержала от проявлений дурного и уродливого, которое могло бы ворваться в жизнь мальчишки. Но этого не случилось. И за это я благодарен тоже моей доброй и умной учительнице.

В. БОРИСОВ

Он был скромен, любимый мой педагог, школьный физик. Как-то, выпуская стенгазету перед 1 Мая, мы, старшеклассники, решили написать о нем похвальное слово. Не знаю, откуда это ему стало известно, но он пришел в комнату, где мы трудились над листом ватманской бумаги, и сказал:

— Ходят слухи, правда не проверенные, что вы хотите рассказать в стенгазете, какой я хороший. Я бы просил вас этого не делать. Это было бы мне неприятно...— Начал он говорить шутливо, а закончил очень серьезно и твердо. И, посоветовавшись после его ухода, мы решили не помещать заметку: не хотели сделать неприятное нашему учителю.

Сейчас, когда спрашивают, какую роль сыграл в моей жизни школьный педагог, я думаю о преподавателе физики 354-й московской школы. Не знаю, называть или не называть его фамилию. Хотя я уже не школьник, а студент, решил его фамилию не называть, потому что боюсь сделать ему что-либо неприятное. Позвонить и спросить разрешения — значит услышать ответ: «Это просто ни к чему». После этого я, конечно, потерял бы право не только называть его фамилию, но и рассказать о том, о чем хочу. А мне очень хочется рассказать о замечательном человеке, сыгравшем огромную роль в моей жизни.

Наш физик учил нас быть правдивыми. Мы всегда

старались подражать ему, и каждое его слово для нас было и остается законом. И сейчас, уже давно покинув стены школы, я хочу исповедовать основной принцип дорогого мне учителя — всегда и во всем быть правдивым. А правда состоит в том, что я был не из лучших учеников, и когда пришел в VIII класс, где предстояло встретить человека, о котором так приятно теперь вспоминать, совсем приуныл. Приуныл, потому что узнал от старших товарищей, что наш новый физик — человек требовательный, не дает никому поблажек.

Те, кто учился в школе, хорошо знают, как иногда нужна снисходительность учителя. Она особенно была нужна мне, который ковылял из одного класса в другой на одних тройках. Про нашего физика говорили: «У него на тройке не прокатишься». Я допытывался: «Ну, а если тройка твердая?» Надо мной смеялись: «Тройка всегда шаткая». Оторопь брала.

Прошло лето. Встреча с физиком состоялась. Я у доски, переминаюсь с ноги на ногу, решаю задачу.

— Вы почти у цели, Борисов, — говорит учитель, поглядывая через плечо. — Еще напряжение — барьер будет взят.

Я не беру «барьера». Тогда учитель говорит:

— Судя по замыслу, вы идете по наиболее проторенному пути. Но есть более сложный вариант решения этой задачи.

Он берет у меня из рук мел и быстро решает задачу. Для меня это решение неожиданное.

— А теперь попробуйте решить задачу по-своему. Вы, кажется, хотели избрать другой вариант.

Когда я все-таки решил задачу, он улыбнулся и, прожояя меня взглядом, сказал:

— Я считаю, Борисов, что для вас эти задачи элементарны. Чувствую, вы можете по большому счету работать. Только надо работать.

Он употреблял такие слова, которые до тех пор не соотносились в моем представлении со школьной учебной «замысел», «вариант», «по большому счету»... Не знаю, чувствовал ли он на самом деле, что я способен учиться хорошо, но от его слов я впервые за годы своей учебы ощутил уверенность в себе. И еще ощутил новый интерес к предмету, который требует различных «замыслов», работы «по большому счету».

После урока учитель подошел ко мне, развернул учебник и посоветовал:

— Постарайтесь решить вот эти задачи. Они тоже многовариантные. Сделайте их к следующему уроку. Хорошо?

Я утвердительно кивнул головой. То, что сказал физик, было не заданием, а советом, но вот ведь как получается в жизни: у иного педагога не делаешь обязательного, а у настоящего учителя занимаешься и «сверх нормы».

Теперь только и думал о решении этих задач. Я их решил во многих вариантах. Решил сам, без помощи товарищей. Сам, потому что хотел испробовать свои силы. Теперь уже не боялся встречи с учителем физики, а ждал ее. Впервые мне хотелось, чтобы меня вызвали к доске.

На следующем уроке учитель сразу же назвал мою фамилию, попросил решить те же задачи. Я помнил, как решил их дома, но у доски неожиданно нашел для некоторых новые варианты, стал решать по-новому. Он просмотрел мои тетради и сказал:

— Теперь, надеюсь, вы начнете понимать, что такое творчество в физике.

Так к словам «замысел», «по большому счету» прибавилось еще одно слово — «творчество». Так почувствовал я вкус к тому, чтобы думать самому. Откуда только что взялось. Скоро ко мне, к тому ученику, у которого все годы отметки по физике и математике колебались между двойкой и четверкой, стали приходиться за помощью товарищи. Настала пора моего увлечения физикой. В том, что я пошел в технический институт, — заслуга моего любимого учителя, физика нашей 354-й школы.

Как-то он сказал на школьном собрании: «Хотя VIII класс «А» имеет лучшие оценки по физике, чем VIII «Б», все же, думается, в VIII «Б» физику лучше понимают — в этом классе меньше зазубривают и больше до всего доходят своим умом». И он развил мысль о творческом понимании предмета. Нам всем запомнилось это. Мне же показалось, что он говорил о нашем VIII «Б», имея в виду и меня. И хотя он не назвал мою фамилию, было очень приятно, словно похвалил меня лично.

Он умело и талантливо вел уроки. Какими академическими, отвлеченными казались нам законы Ньютона!

И вдруг мы услышали яркий рассказ о жизни Ньютона, узнали подробности его научного творчества, о которых никогда не слышали раньше. Мы увлекались футболом, и это, конечно, было известно нашему учителю. Видимо, не случайно он так подробно рассказывал, как Ньютон играл в футбол, как защищал ворота своей команды. Учитель даже сказал нам, что именно во время футбольной игры, стоя у ворот, ученый открыл один из своих великих законов. Это, конечно, частность из биографии Ньютона. Из рассказов учителя мы знали о Ньюtone — человеке, и нам стал ближе Ньютон — ученый. Учитель заставил нас думать о Ньюtone, говорить о нем друг с другом. Это была педагогическая победа.

Учителю физики я обязан тем, что заинтересовался биографиями многих выдающихся ученых. Мне хотелось знать как можно более подробно от открывателей математических и физических истин. Это стремление вызвал у меня учитель. Больше мне никогда не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь из школьных преподавателей точных наук не только спрашивал у ученика урок, но и интересовался, например, кто такие Пифагор, Лобачевский, Эвклид, Ампер. Как они жили, как творили, как шли к своим открытиям. А очень жаль, что не спрашивают. В учебниках обо всем этом написано обычно мелким шрифтом. Ученики не прочитывают этих страниц. А учителя, если и задают прочитать, то только для формальности, никогда не вспоминают об этом задании. А ведь изучая, скажем, литературу, мы обязательно подробно знакомимся с биографиями великих писателей, и это расширяет наш кругозор, помогает глубже проникнуть в творчество деятелей литературы.

Как ни был строг и требователен наш физик (скажу так, как мы говорили в школе: он заставлял нас работать на себя больше, чем другие учителя), мы повиновались, потому что чувствовали в нем человека, и даже больше — друга. Он с нами бывал в загородных прогулках, ходил в театры, музеи, на экскурсии, катался на лыжах. И никому не приходило в голову относиться к нему панибратски, фамильярно, потому что он давно уже завоевал наше уважение.

Я прихожу к выводу, что, если учитель хочет завоевать сердца ребят, он должен быть хоть немного похож на нашего физика.

Т

о, что искусством педагога можно восхищаться так же, как восхищаемся мы, скажем, искусством актера, впервые я понял, когда старший товарищ пригласил меня в университет на лекцию доцента Кучборской. Слушал эту лекцию и думал: оказывается, с учениками можно говорить так, что каждое слово остается в памяти, и ты не замечаешь, как идет время, а потом сожалеешь, что не скоро представится возможность вновь послушать человека, ставшего тебе таким необходимым. Когда мы шли с лекции, я все время расспрашивал товарища, что надо прочесть, чтобы расширить свои представления о том, чему посвятила свое выступление лектор. Но и расставшись с товарищем, продолжал думать о том, что мне это непременно нужно узнать.

Это чудесное чувство, возникшее на лекции в университете, уже больше не покидало меня в средней школе. Я стал прилежней, стремился глубже вникать в материал. Никто, конечно, не догадывался, откуда эти изменения. Кучборская заставила меня уважать труд учителя, новыми глазами взглянуть на его работу. Я понял, что учителя дают очень много; было очевидно, что до сих пор я просто не мог в полной мере брать то, что они давали. И теперь, когда мне предоставляется возможность говорить о моих любимых учителях, делаю это с удовольствием.

Преподавательница литературы московской школы № 126 Литвин является, по моему мнению, тем педагогом, который обладает искусством сочетать яркость преподавания с доступностью, без упрощения, без вульгаризации предмета. Ее уроки производили на меня глубокое впечатление, каждый обогащал. Я видел, что они обогащают и других учеников, никого не оставляют равнодушным. Ей никому не приходилось напоминать, чтобы не занимались посторонним делом. Почему? Разве другие педагоги не давали полезных знаний, которыми нужно было дорожить не в меньшей степени? Чтобы ответить на этот вопрос, надо сказать об индивидуальности учителя.

Безусловно, каждый педагог должен сообщить своим

ученикам то, что есть в учебнике, но он должен дать что-то и сверх того. Однако и в умении дать материал сверх учебника не проявляется еще индивидуальность педагога. Она прежде всего в той окраске, которой отличается слово, обращенное к ученикам, в том пристрастии, в котором проявляется отношение педагога к предмету. Если говорить, например, о преподавании литературы, то, думаю, это очень хорошо, если можно угадать, какой писатель особенно любим учителем, особенно ему дорог. Угадать не по тому, что учитель сознательно намекнет на это, а понять по выражению глаз, по скрытому, но пробирающемуся волнению.

Так вот,*преподавательница литературы, о которой я говорю, обладала умением не только дать материал сверх учебника. Оставаясь верной программе, она нисколько не повторяла учебника. Вот почему никто не занимался на ее уроках посторонними делами. Каждый боялся потерять то, чего нигде не найдешь. Она привила своим ученикам особую любовь к литературе вообще, к творчеству каждого писателя — Гоголя, Пушкина, Грибоедова...

Ведя литературу в восьмом классе, она поставила с ребятами спектакль по пьесе А. Грибоедова «Горе от ума». Это был очень самобытный спектакль. По нему было видно, как глубоко проникали ученики в замысел автора. Но здесь проявился и талант нашей учительницы как режиссера, ее учительская индивидуальность.

Она сумела привить нам тонкий вкус, воспитать неприязнь к пошлости, к издевке, в которой остроумие подменено скабрзностью или грубостью. Этого, оказывается, тоже можно достигнуть, обучая литературе.

Их немало, различных преподавателей, которых мне довелось полюбить в школьные годы. Говорят, что школа должна прививать человеку любовь и уважение к труду,— это одна из важнейших задач воспитания.

Мои любимые педагоги научили меня восхищаться учительским трудом.

Восхищаются учительским трудом, осмысливают его многие. По-своему выразили мысли и чувства те, кто теперь стали сами учителями. Об этом и расскажет

ГЛАВА ПЯТАЯ,

В КОТОРОЙ ВЫСТУПАЮТ ТЕ, КТО ПОШЛИ ПО ПУТИ СВОИХ УЧИТЕЛЕЙ

А. ТОПОРОВ,
Т. ПЕРЕСУНЬКО,
О. КИСЕЛЕВА,
Н. АНДРЮЩЕНКО,
И. СУРИНА,

В. СЕМЕРНИЦКИЙ,
С. КОРАБЕЛЬНИКОВА

В

се, кому мы даем слово в этой главе, были людьми городскими, росли и учились в городах. Но немногие из них были оставлены учительствовать в родных краях. Ольга Киселева спокойно уехала из Куйбышева в далекое степное село. Наташа Андриющенко простилась с Киевом, она учительствует теперь на самой окраине нашей страны, там, где проходит граница. Если профессия становится делом жизни, то человека не пугают ни трудности, ни дальние дороги и, как сказала нам уезжая Наташа Андриющенко, «учить везде здорово, куда бы ни забросила судьба». Что же побудило к педагогической деятельности тех, кто на самых трудных и дальних дорогах идут избранным путем? Каждый объясняет по-своему, но, если ответить за всех, нужно сказать так — стремление продолжать славные традиции своих учителей, с детства любимых, с юности взятых за образец. Представители молодого учительского поколения Страны Советов, и теперь остаются учениками тех, в след кого ныне ступают. Думается, что опыт наставников станет для них крепким посохом, чтобы идти дальше. Мы верим, что им будет суждено сделать еще больше, чем сделали их учителя, — каждое новое поколение ведь обязательно должно сделать больше предшествующего.

«Победителю ученику от побежденного учителя», — писал когда-то Пушкину поэт Жуковский. Пусть тоже станут они победителями, юные педагоги! И это будет лучшей наградой тем, кто подарил им свой опыт, свои знания, свое мастерство. Опыт этот, эти знания, это мастерство ведь и есть та самая живая вода, которая питает традиции нашей советской школы. Блестящие примеры перед глазами молодых. Не на пустом месте приходится им начинать сегодня.

Память возвращает к прошлому. В этой главе ученики-педагоги благодарят педагогов-учителей, анализируют их мастерство, задумываются над секретами их достижений.

Мы уже рассказывали читателю о молодой учительнице Тамаре Константиновне Пересунько. Недавно журна-

листка А. Виноградова написала о Тамаре Константиновне очерк. «Семь лет Тамара была прикована к постели,— говорится в нем,— и только через пятнадцать лет совсем победила недуг. И не только победила болезнь. Она стала учительницей — такой же, как ее первые саниаторные учителя — С. Ф. Лаврентьевский, Г. Д. Богданова, как лучшие учителя, воспитавшие в ней мужество, человеческое благородство». В этой главе читатель прочтет рассказ самой Тамары Константиновны о тех, кто стоял у истоков ее мастерства.

Истоки мастерства, исходные точки большого пути... Как часто анализируем мы влияние писателя на писателя, ученого на ученого. Почему же мы так редко прослеживаем педагогическое искусство!

Ошибка непростительная, может быть, она уже сегодня мстит за себя в буднях учебы. Предшественники есть у каждого большого мастера. Проанализировать, чем они обогатили его,— не значит ли это войти в ту самую творческую лабораторию, которая дарит многие разгадки!

И первое слово в этой главе Адриану Митрофановичу Топорову.

Победителю ученику слово о своих учителях.

А. ТОПОРОВ

родился в селе Стойле, Курской области, Старооскольского района. В самом названии села как нельзя метко выражен весь «идиотизм» дореволюционной русской деревни. В Стойле не было никакой школы. В ученье приходилось ходить за шесть верст в церковную школу села Бродка. Здесь и началось мое «образование».

Первым основным моим педагогом был дьякон Михаил Петрович Аушев. Высокий, пышнокудрый блондин с голубыми, как июльское небо, глазами, он выглядел писанным красавцем. К тому же обладал бархатным баритоном. Во время церковных служб в каждом движении дьякона чувствовался даровитый артист.

Он научил всех своих питомцев петь по нотам, про-

будил у них неискоренимую любовь к музыкальному искусству. Из его уст я впервые услышал великие имена Глинки, Чайковского, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Бетховена, Шуберта и других гениев, произведения которых он любил петь ученикам, когда бывал навеселе. А Бахусу он «поклонялся» нередко. И тогда программные уроки в школе прекращались. Дьякон шутил, смеялся, рассказывал нам анекдоты, приключения, декламировал. И заключал свое «выступление» таким хореографическим номером. Под бессмысленную припевку:

Ах, чувиль-мачувиль,
Чувиль-навиль,
виль-виль-виль...

он неистово кружился на одной ноге. Подрясник его при этом превращался в круг, как юбка у балерины. Не зная слово «бис», ребята восторженно орали:

— Отец дьякон, еще!

— Еще!

— Еще!

Михаил Аушев очень выразительно читал нам «Кавказского пленника» Л. Н. Толстого, сказки и стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других поэтов и требовал, чтобы и школьники читали «на голоса» и с жестами, то есть с известной долей художественности. И учил нас этому.

Его уроки объяснительного чтения и инсценировки басен Крылова заронили в мою душу первые зерна любви к художественной литературе. Эту любовь я пронес до сего дня.

Дьякон писал бисерным почерком, без единой помарки. От учеников он требовал того же, постоянно напоминая:

— Если в тетради мазня, то и в голове мазня!

У всех его учеников почерк был красивый, четкий...

Закону божию учил нас отец Александр Фирсов. Хотя мои первые наставники были и клерикалы, но они не тянули учеников «к богу на вожжах». От всяческих молитв, тропарей, кондаков, паремий, акафистов и прочих церковных песнопений ничего в моей голове не осталось. Но зато остались библейские мифы, легенды, как волнующие поэтические творения, подобные «Шахнаме», «Шахерезаде», «Калевале», «Илиаде», «Одиссее» и т. п.

Дьяк Аушев и священник Александр Фирсов убедили моего отца, религиозного фанатика, отдать меня в учительскую второклассную церковноприходскую школу в селе Каплине, недалеко от города Старого Оскола. Кажется, второклассные учительские школы совсем не описаны в нашей литературе. Это были детища пресловутого мракобеса, обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева. Вся учеба в этих школах была пропитана религиозным дурманом. Светлыми пятнами были только уроки литературы, скрипки и хорового пения, которые вели учителя Фома Иванович Мягкой — литератор-скрипач, и Петр Матвеевич Сотников — хормейстер. Эти педагоги больше, чем дьякон Аушев, приоткрыли предомной завесу в область прекрасного — музыки и живописного слова...

В 1910 году, учительствуя в селе Старый Лещин Курской области, я познакомился с семьей революционера-народовольца Леонида Петровича Ешина, судившегося по знаменитому Лопатинскому процессу «21». Отбыв каторгу, Л. П. Ешин поселился в Сибири. Женился, но скоро овдовел. Привез четырех своих детей на воспитание к сестре в село Старый Лещин. Тут и состоялось мое знакомство с замечательным человеком, который поразила меня многогранностью своего таланта. Казалось, его при рождении поцеловали все музы. Он был эрудитом, блестящим оратором, публицистом, живописцем, певцом, мастером художественного чтения, драматическим артистом.

Под руководством Л. П. Ешина я готовился к поступлению в народный университет имени Шанявского в Москве. Леонид Петрович очистил мою голову от того теологического мусора, который набили в нее две церковные школы.

С семьей Ешиных я переехал в августе 1912 года в Барнаул, где продолжал учительствовать и упорно заниматься общим самообразованием, изучением педагогики, игры на скрипке, хорового пения, сценического искусства, художественного чтения, краеведения и т. д. В Барнауле Леонид Петрович приобщил меня и к печати.

Семья Ешиных была моим настоящим университетом. Все, что почерпнул я от дьякона Аушева, отца Александра Фирсова, от учителей Мягкого и Сотникова и особенно от Леонида Петровича Ешина, было широко использовано мною во всей культурно-просветительной ра-

боте в известной коммуне «Майское утро». На почве культуры, созданной в этой организации, и выросли мои ученики, родители космонавта-2 Г. Титова. Ее соками питался в юности и он сам. Это он засвидетельствовал не раз в печати...

Вступая в 75-й год жизни, я с чувством глубокой благодарности вспоминаю названных моих наставников.

ДА БУДУТ БЛАГОСЛОВЕННЫ ИХ СВЯТЫЕ ИМЕНА!!!

Т. ПЕРЕСУНЬКО

Изнь моя сложилась так, что в школе я почти не училась. Но тем не менее учителям я обязана всем лучшим, что есть во мне. Они помогли мне не отстать от своих сверстников в учебе, навсегда заронили в сердце глубокую любовь к этой профессии.

Мне было восемь лет, когда тяжелая болезнь приковала меня к постели. Но учиться очень хотела. С мечтой об этом я и «поступила», возвратившись из эвакуации в родной Николаев, в среднюю школу № 15. Я не могла ходить в школу. Школа пришла ко мне. Не считаясь со своим временем, к моей постели приходили учителя, чтобы объяснить ту или иную задачу по математике, химии, физике, и просто так, поведать, побеседовать, рассеять «черные мысли». И то, что чуткость и внимательность нужны учителю не меньше, чем хорошее знание своего предмета, я поняла еще в детстве, наблюдая тех, кто помогал мне не отстать от сверстников.

С чувством глубокого уважения и искренней признательности вспоминаю учительницу русского языка и литературы, классного руководителя нашего выпуска Марию Федоровну Рябенко, учительницу истории Серафиму Михайловну Фишман, учительницу математики Зою Владимировну Рябову, учительницу химии Алевтину Петровну Ратушную и многих других. В беседах со мной они почти никогда не вспоминали о моей болезни, если же разговор когда-либо касался ее, то они внушали мне мысль, что моя болезнь — явление временное и ее, конечно, можно победить. Я верила им. Они никогда не лгали мне, учили

быть правдивой и честной, как же я могла им не верить?

Я уже говорила, что школа пришла ко мне домой. Своим педагогам я во многом обязана тем, что не чувствовала себя ни одинокой, ни забытой. Вспоминаю 1952 год — год окончания школы. Золотую медаль, с которой мне удалось прийти к финишу, мне торжественно вручали дома, в тот же самый вечер, когда в школе проходил выпускной бал. Учителя, преподававшие в нашем классе, директор и завуч школы, ученики пришли поздравить меня.

Тогда же пришло решение: буду учительницей!

Мне, наверное, очень повезло в жизни — столько замечательных педагогов встретилось на моем пути!

Почти три года моего детства прошло в костнобугеркулезном санатории для лежачих больных в городе Скадовске. Тогда в санатории не было школы. К нам, больным детям, бескорыстно, как теперь говорят, на общественных началах приходили учителя из городской школы. Под Москвой в Царицыне живет сейчас старший воспитатель нашего санатория Галина Дмитриевна Богданова. В прошлом году я посетила ее, чтобы еще раз сказать ей спасибо за все, что сделала она для нас, больных детей, находившихся в санатории. Это она сумела организовать и наладить нашу учебу, человек высокой культуры, глубокого ума и красивой лирической взволнованности, которую выражала в своих стихах.

На всю жизнь останется у меня светлая память и о ныне покойном Сергее Философовиче Лаврентьевском, преподававшем нам математику. Это был благороднейший человек, с чистой, кристальной душой. Он очень любил музыку и природу, умел эту любовь привить и нам. О нем говорили, что в жизни он очень непрактичен, порою не умеет в силу своей душевной деликатности дать отпор грубой выходке. Мы как-то интуитивно чувствовали, что в решительную минуту он может быть очень тверд и никогда не изменит тому, что считает справедливым. И мы любили его за чуткость и деликатность, за то, что он объяснял нам и алгебраические формулы, и учил любоваться цветами и деревьями, и учил бережному отношению ко всему живому. Что говорить, индивидуальность учителя оказывает немалое влияние на учеников. Математик Лаврентьевский помогал нам не огрубеть, не очерстветь душой.

Мои педагоги, учившие меня и в средней школе и в санатории, помогают мне и сегодня, когда мне самой приходится учить и воспитывать детей. Я не мыслю себе учителя-предметника без умения влиять на духовное развитие ученика. Известно, учительская нагрузка на ставку составляет восемнадцать часов в неделю, но, если спросят у меня, сколько уроков даю от воскресенья до воскресенья, я не смогу ответить. Восемнадцать? Но мы учим ведь духовной «политграмоте», и это, конечно, не укладывается ни в какой регламент рабочего дня. Я благодарна своим педагогам за то, что они помогли мне понять это. Знаю, и здоровые дети требуют не меньшего внимания, чем больные. В своей работе я хочу следовать примеру тех, кто учил меня.

Бурное развитие жизни молодого человека, стремительный бег времени требуют сосредоточения, собранности. Кто подскажет юноше или девушке, как это сделать, кто объяснит, зачем это нужно делать? Конечно, в первую очередь педагог.

Некоторые молодые люди сетуют на то, что нынче, мол, не героическое время, негде и не в чем «проявить себя». Духовно опускаются, мельчают. Кто обязан вовремя заметить это и вовремя поправить? Педагог.

Воля педагогов порою творит чудеса.

Наше великое время — время сложное, трудное и ответственное для педагога. Почетна роль того учителя, который умеет воспитать настоящего человека, и, кроме того, вдохновив его личным примером, научит искусству воспитания других людей. Те, кто учили меня в детстве и юности, оставили мне свой замечательный опыт, с которым легче решать задачи сегодняшнего дня.

О. КИСЕЛЕВА

О

дним из моих любимых учителей был преподаватель математики Виталий Федорович Золотухин.

Вот он входит в класс — высокий, в очках, со светлыми волосами, которые всегда почему-то ему падают на лоб... В классе его немного побаивались. Виталий Федорович

был строг и требователен. Многие у нас были увлечены математикой. Мы никогда не сидели без дела на уроке: решил задачу — получиай другую. А Виталий Федорович ходит между партами, заглядывает в тетради.

— А почему эти плоскости взаимно перпендикулярны? — вдруг спрашивает он. — Это нужно доказать.

И задумываешься. Все нужно доказать, обосновать.

Главное было в том, что незаметно мы сами стали задавать себе вопрос: «А почему?»

Знать назубок теоремы — нет, не это было основным. Это стало само собой разумеющимся, как знание таблицы умножения. Знать, как в каком случае применять ту или иную теорему — вот что было главное.

Виталий Федорович был одним из тех педагогов, которые, по меткому выражению ученого Скрябина, чувствуют свою личную ответственность «за новую историю и древнюю геометрию». Он не давал нам просто слушать: мы доказывали вместе с ним теоремы и чувствовали себя первооткрывателями. Вот Виталий Федорович стоит у последней парты и объясняет что-то ученику. Он как будто бы обращается к нему одному, но ему нужно заострить на объясняемом внимание всего класса. Он так увлечен, что не просто подходит к доске, а буквально прокатывается по полу, как по льду. Мы с улыбкой переглядываемся, но его увлечение захватывает нас.

Виталия Федоровича я вспоминаю не только на уроках. Школьный зал, вечер старшеклассников. Выступает Виталий Федорович. Вот он выходит на сцену — совсем не такой, как на уроках. Снимает очки, чуть улыбается. Он читал обычно рассказы Чехова. Читал чудесно.

Мне приходилось наблюдать Виталия Федоровича и в домашней обстановке. Он — отец моей подруги Аллы, потому я часто бывала у Золотухиных. Вот мы с Аллой упрашиваем Виталия Федоровича сыграть нам что-нибудь на фортепьяно. Наконец он садится за инструмент. На лице его такое выражение, как будто он чуть-чуть иронизирует над собой. Он научился играть в одной из сельских школ. Обнаружил там старое пианино. Играл сначала одним пальцем, а потом научился брать аккорды.

Он танцевал с нами на выпускном балу, зимой ходил на прогулки. Мы бегали, играли в снежки, и Виталий Федорович не отставал от нас. Странно было видеть его,

такого большого, бегущим со снежком в руках за девочкой из нашего класса. Нет, это не роняло его авторитета.

И все же чаще всего я вспоминаю Виталия Федоровича именно как учителя. Он не только дал мне возможность понять предмет, он заставил полюбить его, открыл передо мной красоту математики, ее поэзию. А ведь это то же самое, что открыть перед учеником, скажем, красоту и поэзию творений лучших писателей. В точных науках это сложнее, а Виталий Федорович сумел.

Он был отличным математиком и отличным человеком. А это — важнейшее сочетание для педагога. И мы для него были не просто учениками, мне хочется думать, что мы были для него и друзьями. И еще он видел в нас будущих своих последователей.

Я сказала бы неправду, если стала утверждать, что Золотухин не мечтал всех нас видеть математиками. Конечно, человек широкого кругозора и большой души, он прекрасно представлял себе, что, кроме математики, есть много других интересных дел. Но он был влюблен в свою профессию, и сердце его не всегда было согласно с тем, что подсказывал разум. Да, он всех нас хотел видеть математиками! Считал, что делает очень важное дело на земле и не без оснований предсказывал математике великое будущее.

Когда я еще училась в школе, заметила среди учителей негласное соревнование: каждый — я говорю о хороших педагогах — хочет, чтобы его ученики были больше всего привязаны к тому предмету, который он преподает, любили то, что любит он. И если нас пленила математика, то мы, ученики Виталия Федоровича, можем считать его победителем в этом соревновании.

Н. АНДРЮШЕНКО

и сейчас помню героев сказок, помню любимых писателей моего детства. Я была покорена книгами Аркадия Гайдара, уже знала стихи Пушкина, Лермонтова и успела их полюбить, когда пришла в школу.

Учительница для меня была созданием особым, я от

нее ждала новых откровений, продолжения открытий, которые делали для меня Корней Чуковский, Самуил Маршак, Аркадий Гайдар. Каково же было мое разочарование, когда я встретила человека удивительно сухого, требующего от меня, чтобы я только аккуратно выводила палочки, писала тоньше на изгибах и вообще, чтобы не было клякс. Сейчас я вспоминаю об этом и с содроганием думаю, почему же так случилось, что моя первая учительница, встречи с которой я ждала с таким трепетным чувством, не внесла в свой труд хоть немножко воображения и сердечной теплоты, почему она мучила нас, заставляя выводить бесконечные палочки, и преследовала за всякую кляксу? У нее даже не было юмора, чтобы видеть смешное. Она просто-напросто была человеком бездушным, умеющим только требовать, не желающим вызвать в ребенке чувство возвышенного, поэтического. А ведь возможности были!

Когда мы учили стихи, для нее было важно только то, чтобы мы их произносили без запинки. Она не вводила нас в мир стихотворения, была предана только букве. Она не побуждала нас переживать, заставляла только заучивать. Мы были очень послушными детьми и, конечно, старались для нашей учительницы. Она убеждала нас, что, если мы будем хорошо учиться, — вырастем умными, если будем плохо учиться, — останемся дураками. Мы очень боялись остаться дураками, хотя, как я теперь понимаю, были не такими уж глупыми, но наш ум был пленен человеком, скованным формальностью, подвластным учебнику и ничему больше.

Я училась хорошо, была усердной и прилежной. Тогда я еще не понимала, сколько прекрасного, умного и благородного скрывает от нас наша первая учительница. Я относилась к ней с уважением, потому что этого требовали все: мать и отец — дома, вожатая — в пионерском отряде, сама учительница — в классе. И я уважала ее, но не любила.

Значительно позже, когда стала старшеклассницей, я встретила учительницу русского языка и литературы, которая открыла передо мной и перед моими одноклассниками мир прекрасный, возвышенный. Учебник по литературе, который до этого был для меня таким же мертвым, как и все другие, засиял всеми красками жизни. В книгах я увидела жизнь! Прежде чем начать разбирать

литературное произведение, учительница вводила нас в мир писателя. Делала она это не казенно, не перечислением наиболее важных дат и событий его жизни, — мы обогащались такими подробностями, которые сохраняются в памяти на всю жизнь, потому что были важны и значительны. Зная великолепно биографию писателя, мы с особым интересом относились к его творчеству, мы уже любили его жизнь, или, вернее, подвиг его жизни, потому что творчество (мы это тогда уже понимали) всегда сопряжено с огромным, героическим трудом. Мы трепетно относились к изучению творчества писателя. Оно входило в нашу жизнь.

Учительница очаровала нас преподаванием литературы.

Но могли ли мы полюбить человека только за то, что он — талантливый преподаватель? Вряд ли это была бы та привязанность, которую я и до сих пор сохраняю к моей учительнице.

Мы ее встречали после уроков, отдыхали с ней в парке, она усаживала нас около себя и вела разговоры на жизненно важные для нас темы. Мы ее встречали в театре, и она шла к нам навстречу, ей было интересно с нами.

А приходилось встречаться с учителями, которые с учениками только от звонка до звонка, а потом хотят отгородиться. Приходилось встречать таких, которые только гордым кивком головы ответят на приветствие и пройдут мимо, как бы подчеркивая расстояние, интеллектуальный разрыв между учеником и учителем. Приходилось встречать учителей, которые очень снисходительны к одним и непомерно требовательны, придирчивы к другим. Эти учителя не знают, сколько горьких слов мы говорили о них.

Наша учительница русского языка и литературы обладала характером честным, умом ясным, была доброжелательна к людям, к нам.

Не каждый учитель видит в ученике человека. Вот это плохо.

Некоторые учителя думают, что готовят нас к жизни. Мы часто над этим смеялись: мы уже жили, и с этим надо было считаться. Мы были люди уже мыслящие, стремились понимать явления жизни. Моя любимая учительница никогда не говорила, что готовит нас к жизни,

она подчеркивала: это помогает жить. Эту помощь мы уже чувствовали.

Мы бывали с ней чаще, чем со всеми учителями, вместе взятыми, мы испытывали потребность быть с ней. Нам дорого было ее слово, мы старались подражать ее поступкам, мы учились у нее жить, хотя она нам никогда не навязывала, как это делали другие, своих взглядов. Она была более умным человеком, чем другие, и более тонким педагогом, чем другие. Каждый из нас был благодарен ей за то, что она умеет слушать.

Где только мы с ней не побывали! И в театрах, и в кино, и в близких, и в дальних путешествиях, ездили по маршрутам героев Пушкина...

Не каждый учитель может быть товарищем. Для этого надо завоевать доверие учеников. Если не будет этого доверия, не будет и любви, она не придет.

И. СУРИНА

Маленького человека окружают авторитеты: это и соседский Вовка, которому уже десять, и Вовкин дедушка, который в войну был танкистом, и шофер дядя Петя. И конечно же, родители — мама и папа, а когда ребенок пошел в школу, — учитель.

Человек растет, и уже не авторитет для него соседский Вовка. Новые критерии выдвигает подрастающий человек. Строгие это критерии, и рассыпаются перед ними зыбкие авторитеты. Даже отца нельзя уважать только за то, что он отец. Заслужи это уважение! Это только считается, что каждого учителя можно уважать за одно то, что он учитель. Это внушают малышу, когда он идет в школу, но проходит первый, второй, третий год в стенах школы, и ученик уже отмежевывает тех, кого он уважает, от тех, кого не уважает. Человек начинает судить сам.

Все это пришло мне в голову, когда я случайно нашла свой школьный блокнот. В нем две записи. Первая: «Будьте всегда глубоко принципиальны». Запись сделана старательно, подпись — «Анна Васильевна». Вторая:

«Иллюстрации к картинам, ха-ха!» и подпись — «Катенька».

Мне припомнился восьмой класс, две учительницы.

«Катенька» — сухонькая, легонькая вся, вела у нас русский язык и литературу. Трудно предположить, чтобы учительница литературы не знала, что картина и иллюстрация в сущности одно и то же. Но как велико было наше неуважение к ней, если мы могли заподозрить ее в таком невежестве! Мне вспоминается ее любимая фраза: «Я в ожидании». Так она говорила, когда не в силах перекрыть шум в классе, сложив ручки, ждала тишины. Она, видимо, взывала в этот момент к нашему разуму и к нашей жалости. Но тщетно. Дело не в том, что мы ее не жалели — мы ее не уважали. А в школе не может быть любви без уважения.

Почему мы не уважали «Катеньку»? За плохие уроки? Если судить с точки зрения качества изложения материала, уроки были удовлетворительные. За отсутствие требовательности? Пожалуй, и не за это. Ведь урок — это каждый раз спектакль. И как на хорошем спектакле не только качеством пьесы определяется успех, так и хороший урок не исчерпывается изложением материала. Контакт, который устанавливается между учителем и учениками, весьма необходим для хорошего урока. Найти форму общения с учениками — в этом, думаю, мне, залог успеха учителя. «Катенька» этого не умела.

У каждого учителя бывают минуты, когда он говорит на уроке о «постороннем». Иногда это «постороннее» — результат сложных аналогий и возникает непосредственно в ходе изложения материала, иногда — передышка, заполнение оставшихся минут, но всегда это «постороннее» очень важно и для учителя, и для учеников. Оно, как музыка в спектакле, должно настраивать. Так вот, у «Катеньки» это «постороннее» было музыкой не из того спектакля. Я вспоминаю, что она очень часто рассказывала нам о своих детях. У нее были взрослые дети. Дочка Топочка уезжала после окончания института на Север. Мать, естественно, беспокоилась. Мы бы не упрекнули ее за то, что она не скрывает своего волнения, не говорит громких слов, но своим заземленным бытовизмом, скучными опасениями она убивала всякое сочувствие к себе, вызывала только насмешки.

Такова история одной записи. Рядом та, другая. Что

могло дать сердцу четырнадцатилетней девчонки такое общее место: «Будьте всегда глубоко принципиальны». Но «общие места» появляются, если говорить что-то холодно, и у сказанного нет адреса, и нет перед глазами подтверждения произносимым словам. А раз запись появилась в блокнотике — значит, и пример, и адрес, и страсть — все было. Слова эти произнесла наша любимая учительница Анна Васильевна Анимелова.

Анна Васильевна преподавала у нас математику. Чем поразила она нас сразу же? Уважением к нам. Она уважала в нас человеческое достоинство и этим самым воспитывала его. Сразу стала называть нас на «вы». Никогда не кричала. Училась у нас в классе Женя. Она очень любила Анну Васильевну и очень не любила математику. Во время четвертной контрольной она попросила другую ученицу «прислать» решение. Может быть, я ошибаюсь, но, мне кажется, Женя это сделала не столько для себя, сколько, не желая огорчать Анну Васильевну плохой отметкой. Но шпаргалку заметила Анна Васильевна. Она спокойно отобрала ее и порвала, дала Жене новый вариант контрольной. Помолчав, произнесла с сожалением: «А я думала, вы умнее». И после короткой паузы добавила: «...И взрослее». В перемену девочка, приславшая шпаргалку, каялась, а Женя плакала.

Уроки Анны Васильевны были блестящими. Особой любви к математике я никогда не испытывала, но с приходом в школу Анны Васильевны математика стала для меня одним из самых интересных предметов.

Дома мы с удовольствием мастерили разноцветные треугольники, гипотенузы, неусеченные конусы, на уроках с замирированием сердца следили за искристыми, как веселая игра, опросами одновременно двух-трех человек. Каждый чувствовал себя участником этой игры-опроса, потому что мог занять место вышедшего. В старших классах цветные треугольники сменились столь же увлекательными доказательствами и выводами «сверх программы».

Анна Васильевна всегда была элегантна, именно элегантна в своем строгом английском костюме, со свинцово-седым узелком волос, в полуботинках без каблука. Мне могут возразить, что ж тут элегантного? Это почти униформа для учителя. Теперь я понимаю, что элегантность была не в костюме, а в походке, в манере держать голову и скидывать руку с мелком у доски. Она, пожилая жен-

щина с жестковатым лицом, пробуждала в нас эстетическое чувство одним своим обликом. И на ее уроках все невольно были подтянуты.

Я уже говорила, что она интересно вела математику, но было на ее уроках еще и другое — «постороннее». Тогда даже так называемые общие места превращались в полные глубокого смысла советы, в руководство к жизни.

Вместе с Анной Васильевной мы задумали выпускать еженедельную сатирическую стенгазету «Дикобраз». В глубокой тайне и волнении готовился первый номер. Но, несмотря на тайну, о газете узнали, ее выхода ждали с нетерпением. Наутро договорились прийти пораньше, чтобы вывесить газету, конечно же, на самом видном месте. Как всегда, спешили: не укладывались в сроки. Я, как редактор и художник, должна была недорисованное дорисовать вечером дома и принести газету. И... проспала. Растрепанная, ворвалась я в школу, когда уже прозвучал звонок. Попала на заметку дежурного и со свернутой в рулон газетой влетела в класс. Торжество было сорвано. Скажу откровенно, больше всего я боялась встречи с Анной Васильевной. Но встреча была неизбежна... И вот Анна Васильевна обращается ко мне с улыбкой: «Ну что же, Ира, вы дали прекрасный материал для нового выпуска «Дикобраза». И ровно через неделю над редактором и художником сатирической газеты хохотала вся школа и сам редактор тоже.

С Анной Васильевной можно было говорить обо всем: о театре и комсомоле, о будущей профессии. И даже о том, на что официальная педагогика накладывала в то время табу: о дружбе с мальчиками (мы учились в женской школе) и о любви. Анна Васильевна беседовала с нами, как со взрослыми, на равных, не сюсюкая, умела находить именно то, что всего было нужнее нам, подросткам, стоявшим на пороге самостоятельной жизни. Наверное, в этом и заключалось главное обаяние личности Анны Васильевны.

Наташа влюбилась летом, перед десятым классом, в доме отдыха. Об этом знали подруги, сочувствовали и чуточку завидовали. «Он» — рижанин, приехал на два дня в апреле, в самый разгар подготовки к экзаменам. Наташа не пришла в школу: гостю надо было показать город. История эта не получила бы огласки, если бы Наташу с ее другом не встретила в тот злополучный день

наша классная руководительница, у которой на вооружении вместо собственных суждений был набор общепринятых «положено — не положено». Наташины ссылки на плохое самочувствие были объявлены ложью. Наташу вызвали в учительскую, требовали объяснений. Ханжи оживились, зашумели. Девочку припугнули, что не допустят к экзаменам. И вдруг все стихло. Конечно, мы не узнали доподлинно, о чем говорила Анна Васильевна с нашей классной руководительницей, как унимала она школьных ханжей, но душевный покой девочки был восстановлен. Спустя несколько дней мы, возвращаясь домой вместе с Анной Васильевной, вспомнили о Наташе.

— Она не должна была выдумывать, что больна, — заметила Анна Васильевна. — Надо было сказать честно: приехал друг.

Мы хором возразили, что это нельзя, что в школе бы не поняли.

— Чего не поняли? Чего нельзя? Нельзя дружить, нельзя влюбляться в семнадцать лет? — удивилась Анна Васильевна. — Разве может быть для школы одна правда, а для жизни иная?

Мы узнали Анну Васильевну детьми, а расставались уже взрослыми. Чем старше мы становились, тем больше уменьшались в наших глазах многие авторитеты. И это было грустно. Но с нашим ростом и взрослением рос и вырос авторитет Анны Васильевны. И росла любовь к ней.

Давно я не видела ее. Но знаю, что есть у меня в Ленинграде умный и добрый друг. Я приду к ней, скажу: «Здравствуйте, Анна Васильевна. Помните наш выпуск, помните Иру Сурину? Так вот — это я!» — и начну рассказывать обо всем. Она выслушает, поможет, посоветует.

Когда я думаю об Анне Васильевне, я чувствую, что становлюсь счастливее.

говорят, самое трудное для педагога — завоевать сердце ученика. Не труднее ли, однако, удержать завоеванное? Подлинное педагогическое мастерство — это, наверно, и есть умение закрепить победу. Теперь я

В. СЕМЕРНИЦКИЙ

могу утверждать это как учитель. Но впервые понять это мне довелось еще учеником. И каждый раз, когда думаю о труде учителей, вспоминаю одну давнюю историю, которая произошла в нашей школе.

...В педагогическом институте Сергеем предрекали блестящее будущее: умеет «подойти» к детям, знает теорию, спортсмен. И, когда в школе дали ему отстающий класс, он (теперь уже Сергей Александрович, будем называть его так) обрадовался, что сумеет показать всем, на что способен.

Самым трудным среди ребят в его классе был Вова — нарушитель дисциплины, двоечник, в общем — «неисправимый». Сергей Александрович начал с него, применив тот самый «индивидуальный подход», ревностным сторонником которого прослыл еще в институте.

В первое же воскресенье и отправился он домой к «трудному» ученику.

— Помогите, пожалуйста, — со слезами на глазах просила мать Вовы, — целыми днями на площадке в футбол играет, начал курить.

«Ага, интересуется футболом», — отметил про себя Сергей Александрович и пошел на площадку, где ребята бегали за мячом.

— Разве так быют! — крикнул он, подойдя к играющим. — Смотрите, как надо. Становись, Вова, в ворота.

Ребята замерли. А учитель мастерски послал мяч в сетку.

— Здорово, — не мог сдержать восхищения Вова.

— Научить? Только, чур, меня слушаться...

На другой день учитель пришел опять:

— Изучай, дарю!

И Володя стал владельцем книжки «Начинающему футболисту». Дома у Вовы они уселись за стол, и Сергей Александрович стал рассказывать о футболе. Напрасно свистели ребята со двора — Вове было не до них.

— Ну, на сегодня хватит, — сказал наконец Сергей Александрович. — Теперь хочу тебя спросить, когда ты за учебу-то возьмешься?

Другим учителям Вова по старой привычке стал бы обещать исправиться, но с Сергеем Александровичем он хотел разговаривать начистоту.

— Да ну эту учебу, неинтересно!

— Чудак, на свете все интересно — спорт, матема-

тика, опера. Чего глядишь так? Попробуй-ка билет в Большой театр достать.

Сергей Александрович помолчал, а потом заговорил снова:

— Надо учиться, узнавать — и тогда все интересно будет. Кроме того, неудобно мне дружить с двоечником. Ведь мы теперь друзья, правда?

Володя только кивнул головой.

А еще через день Сергей Александрович подводил его в школе к другим учителям, прося их дополнительно заниматься с Вовой. Учителя соглашались на это без большого энтузиазма, но Сергей Александрович каждому из них говорил:

— На сей раз я за него ручаюсь.

Перед контрольной по алгебре он сам пришел к Вове домой — весь вечер решал с ним примеры. И пожалуй, это и стало всего дороже Вове, что Сергей Александрович на виду у всего двора запросто приходит к нему. И еще после уроков они вместе шли в школьный спортзал и отрабатывали футбольные приемы.

— Вот что значит хороший человек, — рассказывала соседкам Вовина мама, — парня моего будто подменили, ласковым стал. Один Сергей Александрович на уме.

Однажды Вова подошел к Сергею Александровичу и смущенно протянул ему билет в Большой театр, на премьеру:

— Вы не думайте, деньги мама дала. Я сказал, что для вас. Ночью в очереди стоял...

Учитель колебался: «Нельзя, непедagogично. Да и подумать могут всякое».

— Тебе алгеброй лучше заниматься. А то ненадежная у тебя тройка за контрольную.

В этот день Вова не пришел в спортзал. Впрочем, и Сергею Александровичу в тот вечер было некогда. Вскоре после уроков состоялся педсовет. Директор похвалил работу молодого педагога. А затем тот говорил сам:

— Проведенные с Володей воспитательные мероприятия дали результат. Теперь я сосредоточу внимание на других слабых учениках.

Выходя после педсовета, учитель заметил Вову.

— Простите, Сергей Александрович, я обиделся, не пришел на тренировку. Вы не очень сердитесь?

— Чудак! Не о тебе теперь забота. Проводи-ка меня лучше к Соболеву. Чует мое сердце — потянет он класс назад.

С того вечера Сергей Александрович совсем перестал бывать дома у Вовы.

— Такого человека обидел! Признавайся, что натворил? — кричала на мальчика мать. А Вова ворочался по ночам на постели и думал, что, наверное, Сергей Александрович рассердился на него за билет. Он решил пойти к нему, объяснить...

Поднявшись по лестнице дома, в котором жил классный руководитель, он услышал голоса Сергея Александровича и Соболева. Прислушиваясь, остановился у двери.

— Марку я тебе постараюсь достать, — говорил Сергей Александрович, — а ты берись за учебу, ведь неудобно мне с таким дружить... Мы же теперь друзья, правда?

Вова застыл на месте. Потом, споткнувшись и едва не упав, бросился бежать...

Что сказать еще? Этим Вовой был я. И после этой истории я надолго опять стал самым «трудным» в классе. Немало усилий пришлось положить другим педагогам, прежде чем я снова поверил в них и даже решил после школы идти в учительский институт. И теперь, когда мне приходится сталкиваться с так называемым «трудным» учеником, я неизменно вспоминаю Сергея Александровича и понимаю: на разные ошибки имеет право педагог, только на равнодушие права он не имеет.

Говорят, душевного волнения не заменишь мастерством. Чаще всего мы вспоминаем об этом, когда заходит речь о писателях, художниках, артистах. Никакое техническое учение не поможет создать настоящее произведение, если холодным остается сердце его творца. А педагог, учитель? Он ищет путь к душе человека. Разве есть такие технические приемы, которые бы обеспечивали ему успех? Сергей Александрович как будто бы знал, как воздействовать на подростка, возбудить в нем симпатию и интерес. Но даже если бы я не подслушал случайно его разговора с другим учеником, если бы не оказался тогда возле его двери, то все равно рано или поздно почувствовал бы, как холодно его сердце. Его явно больше интересовали и волновали наши оценки, а не мы сами, не о нашем развитии, духовном росте заботился он. Равнодушия

не скроешь ничем, воспитателем не станешь только «от ума», как не сыграешь «от ума» на сцене, и не сложишь настоящих стихов. Если я еще в школьные годы понял это на примере Сергея Александровича, то, став учителем, столкнулся с педагогом, который уже учил меня не на опыте своих ошибок, а на опыте своих замечательных дел. Я говорю об Арпеник Геворковне Моториной — директоре 79-й московской школы рабочей молодежи, куда я пришел работать после окончания учительского института.

В чем заключалось мастерство Моториной? Почему я считаю, что именно она помогла мне, как и многим другим молодым учителям, овладеть педагогическим искусством? Нет, не было у нее каких-то заученных приемов, которыми попыталась бы она поразить. Но ей, пожилой уже женщине, ничего не стоило ночью, после окончания занятий, поехать домой к заболевшему ученику, отправиться хлопотать о квартире для другого учащегося, пойти на производство к третьему, чтобы выяснить, почему он ходит такой встревоженный и удрученный. Сердце подсказывало ей поступки и слова. Подлинное волнение за судьбу человека рождало ее мастерство.

То, что мне, молодому педагогу, выпало счастье работать под ее руководством, я считаю поистине большой удачей в своей жизни. Я тоже стал учителем, но и до сих пор считаю себя ее учеником. Внимательно следила она за моей работой, ее не пугало, если я по неопытности ошибался в чем-то, но, когда однажды я не смог ответить ей, почему уже несколько дней не ходит на уроки одна из учениц, она посмотрела на меня так удивленно, она просто никак не могла себе представить, что я всерьез не знаю об этом. И потом я уже тоже ходил после уроков к заболевшим ученикам, тоже хлопотал о квартире для одного и о работе другого. С Арпеник Геворковной по-прежнему было нельзя. Да я и сам не мог по-другому, поэтому нужные слова и решения приходили сами собой.

С тех пор прошло много времени. Давно уже я не работаю вместе с Арпеник Геворковной. Но и теперь больше всего опасаясь утратить то, чему она меня научила. Ведь если я стану таким, как Сергей Александрович, то потеряю право называться педагогом...

О

школе хочется говорить только хорошо, хотя было в ней и не только хорошее. Разное вспоминается. Была у нас директор, человек резкий, несдержанный. Она могла войти в класс и сделать замечание педагогу. Мы страдали, когда видели, как Регина Марковна, одна из любимых наших учительниц, теряется и бледнеет, узнав, что ее вызывает директор. Все это и сейчас в памяти, хотя и не хочется вспоминать о плохом. И преподавательница химии, по прозвищу Солоха, тоже не забывается. Она не слишком успешно учила нас своей науке, но помогла понять, как страшно в жизни не любить избранное дело. Она его не любила, не увлекалась ни химией, ни педагогикой. Личная жизнь ее сложилась неудачно, и она срывала свою злость на ребятах. Мы понимали это. Нам даже было ее жаль.

Нет, плохие воспоминания нельзя обойти. В жизнь человека входит не только хороший учитель, но и такой, о котором не отзовешься с похвалой. Я помню преподавателя математики Марию Ивановну. Она просто запугивала. Бывало, даже подташничает, когда вызывает к доске. И ноги дрожат. Боялись не того, что не выучили урока, — человека этого боялись. Была она остроумна, но насмешливость ее не веселила никого.

Когда говоришь обо всем этом сразу, может показаться, что школа наша была плохой. Но ведь в течение десяти лет с нами занимались по крайней мере двадцать педагогов, и среди них, конечно, были не только специалисты разной квалификации, но и люди различных характеров, различной внутренней культуры.

Недавно мой брат, увлекающийся литературой, нашел у меня тетрадь с записями о комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Он удивился: откуда у меня такие интересные записи? Когда я сказала, что все это еще в школе рассказывала нам преподавательница литературы, он даже не поверил. А перед ним ведь действительно лежала моя школьная тетрадь, которая служила мне тогда, когда весь наш класс стал настойчиво заниматься русским языком и литературой. Учительница Лидия Владимировна Васильева заставила работать каждого. Была она очень

строга, требовательна, даже педантична, но ничто в ней не напоминало математичку, пугавшую нас то окриком, то насмешкой. Поначалу она казалась несколько суховатой в обращении, но уж очень интересно было на ее уроках.

Она каждый раз умела преподнести нам сюрприз. Помню, изучали мы пьесу «На дне». И вдруг в классе зазвучал голос Качалова: это Лидия Владимировна принесла грампластинку.

Я уже говорила о моих записях по «Горю от ума». Сколько подробностей знали мы о героях грибоедовской пьесы! Мы даже знали, какими орденами был увешан Скалозуб. И историю этих орденов Лидия Владимировна рассказала нам тоже.

Я вспоминаю Лидию Владимировну Васильеву, друзей наших педагогов: преподавательницу истории, бывшую партизанку, которая так замечательно рассказывала нам о прошлом, учителя физики, умевшего так интересно проиллюстрировать опытами свои объяснения, что они запоминались как бы сами собой, нашего классного руководителя, с которым связано столько интересных походов и экскурсий...

Я уже говорила, что в нашей школе было не только хорошее, но все-таки думается о ней хорошо и светло. И сама потому я решила стать педагогом, что знаю, как много может дать людям учитель.

Ну что ж, высказались и ученики, сами теперь ставшие учителями. Вот, кажется, и завершен разговор.

Пора бы кончать нашу книгу. Но приходят новые люди и подсказывают новые пути поисков.

— А Базыма! Как же вы ничего не сказали Базыме! — говорит старый журналист, ковпаковец Леонид Коробов. — О том, что старый Базыма был начальником партизанского штаба, известно многим, а вот как он всю жизнь учил детей, как работал в школе, вот это надо знать людям. Непременно пойдите к ученикам Базымы, они вам расскажут.

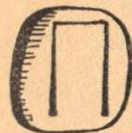
Пора ставить последнюю точку. Но сколько записей осталось в наших блокнотах. Сколько тем еще не затронуты. Сколько имен не раскрыто, не названо!

Надо бы кончать книгу. А почтальон принес заказную бандероль...

Нет, видно, необходима и эта

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

КОТОРАЯ ТОЛЬКО СКЛАДЫВАЕТСЯ И В КОТОРОЙ АВТОРЫ ОБРАЩАЮТСЯ К ЧИТАТЕЛЮ

Почтальон принес заказную бандероль: три ученических тетради. Из Калининской области, той самой бывшей Тверской губернии, где учился когда-то Михаил Калинин, пишут о своих учителях три сестры, три учительницы, дочери сельского учителя Иосифа Михайловича Михайлова. «И теперь, после сорока лет педагогической работы, — свидетельствует одна из них, заслуженная учительница школы РСФСР, награжденная двумя орденами Ленина, Зоя Иосифовна, — хочется мне подражать моему учителю, учиться у которого я была бы готова всю жизнь».

Люди не только вспоминают своих учителей, но и как бы обобщают накопленные наблюдения, отделяют лучшее, указывают на то, что мешает.

Более сорока лет назад В. И. Ленин писал: «Народный учитель должен быть у нас поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит, и не может стоять в буржуазном обществе».

Но ведь это значит, что и жизнь учителя, и опыт его деятельности должны быть осмыслены не только специалистами-учеными, но и всем народом.

Мы не понимаем, почему замечательная автобиографическая повесть учителя Е. Терешенкова до сих пор не переиздана в Москве. Многие бы увидели в ней себя и труд свой, многих бы уберегла она от ошибок, указала дорогу.

Учитель входит в биографию поколений. Если академик Скрябин, выдающийся ученый и основатель новой отрасли науки, вспоминает своего первого учителя Сухова, который поддержал его в детстве и помог раскрыть талант, то мы можем сказать, что учитель Сухов навечно вошел в биографию академика Скрябина. Если учитель Иван Григорьевич Стекольников был классным руководителем 9-го класса «А» в Ильинской подмосковной школе, который почти в полном составе пошел сражаться с фашистами, то имя учителя Стеколникова, отдавшего Отчизне сына и двадцать одного своего воспитанника, павших смертью героев на полях сражений, навсегда вписано в историю Великой Отечественной войны.

Есть и простая правда: учитель — человек, и он смертен.

...Умирают мои старики —
Мои боги, мои педагоги,
Прологатели торной дороги,
Где шаги мои были легки.

С грустью и любовью пишет поэт Борис Слуцкий о тех, кто оберегал своих учеников «от ошибок, угроз и прикрас».

Угасают большие огни.
И гореть за себя поручают.
Орден не дождался они —
Сразу памятники получают.

Учитель смертен. Бессмертно имя его в поколениях и в истории родного народа.

Сохранить память об учителях — задача высокая, благо-

родная. Мы рады, что хотя бы некоторым помогли сказать слово об учителе, записали это слово. Десятки и сотни людей, с которыми свел нас разговор об учителе, подтверждали: то, что когда-то написал в газету молодой мариупольский верхолаз, таится в сердцах огромного числа людей. И как бы хотелось, чтобы память об учителе никогда не умирала, чтобы сохранялась она в школах, в селах и городах, в стране. Учитель должен войти в историю нашего общества, как входят пахарь и ученый, люди, плавящие металл и водящие в космосе корабли, как воины, зодчие и художники, потому что в конце концов все они во многом обязаны своим учителям.

Сколько тем еще не затронуто, сколько не раскрыто, не названо...

В последнее время много говорят и пишут об использовании в педагогике кибернетики. Иные горячие головы даже утверждают, что умные машины могут заменить учителя. Этих взглядов нельзя разделить. Самая совершенная кибернетическая машина не способна заменить живого человека, его ума, сердца, вдохновения.

В этой книге бывшие ученики рассказали о том, как педагоги заронили в них те «искры», которые определили всю дальнейшую жизнь, помогли найти свое призвание, любимое дело.

Конечно, разные электронные экзаменаторы и иные устройства могут, вероятно, облегчить сложный и ответственный труд педагога. Но заменить учителя они не смогут. Машина никогда не сможет стать ни Топоровым, ни Пересунько, ни Горбанем.

Поистине общенародную важную задачу представляет сохранение бесценного и многообразного опыта наших учителей. Эта книга — только начало. И потому, что она только складывается, наше слово — к читателю. Только множеству людей под силу создать книгу народа об учителе.

Мы продолжаем работу. Мы будем искать встреч с людьми.

Но мы также ждем, что откликнутся наши читатели, все, кому дорога память о своем учителе, пришлют свои воспоминания, может быть, дневники школьных лет, до-

кументы, связанные с жизнью и деятельностью учителя, может быть, сохранившуюся переписку — все, что раскрывает нравственный облик Учителя, Человека.

Мы ждем писем по адресу:

Москва, Центр, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия», для авторов книги «Учитель в моей жизни».

А. МЛЫНЕК, Б. АНИН, М. ВАСИЛЬЕВ

Учитель в моей жизни

Редактор
п. д. КОНДЮКОВА

Художник
М. А. БАБИЧЕВА

Художественный
редактор
Е. Ф. НИКОЛАЕВА

Технический
редактор
Н. И. КОРОБКОВА

Корректор
Л. П. КОРОЛЕВА

Сдано в набор 10/II-66 г.
Подписано к печати 20/VII-66 г.
Формат бумаги 84×108^{1/32}.
Физ. печ. л. 6,0 Усл. печ. л. 9,84.
Уч.-изд. л. 10,0. Изд. инд. МПН-32.
А 14537. Тираж 44 000 экз.
Цена 45 коп. в переплете. Бумага
№ 2. Темплан 1966 г. № 38.

Изд-во «Советская Россия».
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглав-
полиграфпрома Комитета по пе-
чати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Москов-
ской области, Школьная, 25.
Заказ № 150.

ЦЕНА 45 КОП.

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •